

Содержание

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Основы духовности и народной философии рутулов (на лексическом материале) <i>Махмудова С.М.</i>	3
--	---

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ

Платон и Достоевский. Послесловие <i>Аношкина-Касаткина В.Н., Касаткин Н.В.</i>	12
«Как сладко умирать!» Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья первая <i>Воропаев В.А.</i>	30
«Как сладко умирать!» Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья вторая <i>Воропаев В.А.</i>	42
«Как сладко умирать!» Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья третья <i>Воропаев В.А.</i>	59
Лекарство душевное – воспоминание смертное <i>Дергачева И.В.</i>	78
Апокрифические образы иного мира в апокрифах «Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху» <i>Мильков В.В.</i>	85
Тема Memento mori в творчестве В.Ф. Одоевского <i>Дергачева И.В., Сасим А.С.</i>	119
Обречен на бессмертие. Русский писатель и публицист Кавад Багирович Раш <i>Шмелева А.В.</i>	124

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Вопросы языковой адаптации детей мигрантов в современной школе <i>Баймурзаева Г.Б.</i>	134
Принципы инклюзивного обучения итальянскому языку лиц с ОВЗ по зрению <i>Дергачева И.В., Епифанцев С.В.</i>	139

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПСИХО-, СОЦИО- И ЭТНОЛИНГВИСТИКА

Влияние глобализации на русский язык <i>Бурлакова И.И.</i>	144
Пирожное Мадлен и нейрофизиологические основы памяти <i>Нестерова А.В.</i>	149

ХРОНИКИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Первые Всероссийские чтения, посвященные литературно-публицистическому наследию К.Б. Раша - писателя, публициста, историка <i>Дергачева И.В., Павлюк А.В.</i>	155
--	-----

Основы духовности и народной философии рутулов

Махмудова С.М.,

профессор кафедры «Лингводидактика и межкультурные коммуникации» факультета
«Иностранные языки» ФГБОУ ВО МГППУ (Москва, Россия) makhmudovasm@mgppu.ru

В статье рассматриваются философские основы духовной жизни рутулов. Рутулы – один из народов, входящих в состав Кавказской Албании. Впервые в статье анализируются опыты средневековых рутульских ученых над своим духовным усовершенствованием.

Ключевые слова: рутулы, Кавказская Албания, философия, софистика, духовная жизнь софистов.

Для цитаты:

Махмудова С.М. Основы духовности и народной философии рутулов [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №4. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Makhmudova.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Makhmudova S.M. Basics of Spirituality and Popular Philosophy of Rutul [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 4. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Makhmudova.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Рутульский язык относится к лезгинской подгруппе нахско-дагестанских языков. Рутульские селения расположены на юго-западе Дагестана и на севере современного Азербайджана. Рутульский язык (носителей официально более 35 тысяч) является новописьменным с 1991 года. Рутулы были одним из тех народов, которые составляли Кавказскую Албанию – христианское государство, известное с I тысячелетия до нашей эры. Рутулы проживают по обе стороны Кавказского хребта – несколько селений в составе России, в Дагестане, а несколько в современном Азербайджане.

Издrevле в каждом рутульском селении были ученые, которые писали научные трактаты, выезжали учиться и имели своих учеников. Имена таких ученых сохранились в каждом селении. Их называли **сифи** (вспомним **софистов**). К самым известным из них относили **Шейх Невриза** из Рутула, **Исмаила-Эфенди Шиназского**, основавшего в Шиназе в XV11 веке университет, где изучали философию, логику, математику, астролябию, медицину, его сына и ученого **Саида-Эфенди**, **Кюр-Раджаба**, великого ашуга-устада средневекового Востока, **Хасмухаммада Ширвани (Шинази)**, **Малла Тураба**, **Махмуда из Шиназа**, **Мазый-гага**, **Исмаил-бабу**, **Шихай-бабу**, **Хаджи Ибрам-бабу из Хнюха**, **Мухаммад Расула Муслахи**, **Вагъуф-бабу** из Луткуна (это селение относится к Ахтынскому району, но Вагъуф-баба так часто посещал святые места и местных сифи в рутульских горах, что его считают тут своим святым), **Халакый Сулеймана** и **К1асир Давыда** из Рутула и многих других. Это те имена, которые сохранились в памяти народа, но ученых данного толка было множество еще со времен Кавказской Албании. Сифи, как их называли в народе, передавали свои знания только избранным ученикам, которые должны были с разрешения учителя взять потом и своего ученика. Это не было массовым учением, посвящались только избранные, которые выбирались учителем учителя.

Эти ученые анализировали способности души и разума человека, его духовные способности в синтезе с религией.

Если проанализировать основные постулаты их учения, то это был идеализм в чистом виде. Мир делился, согласно учению этих ученых-сифи, на два уровня: бренный, преходящий, сиюминутный мир, с одной стороны, и мир разума, идеи, единения с высшим разумом через духовное очищение – с другой. Ученые-сифи учили, что жизнь вечна, неизменна, что ею управляет высший духовный разум, с которым можно общаться, соединиться, обретая тем самым бессмертие. Разум для них не был связан с бренным, плотским. Разум в высшем выражении – это очищенный от мирского, грязного, недостойного вечной жизни разум. Разум может вобрать в себя суть человека и вознести его в бессмертие, в небесное, высшее, чистое состояние. Такой беспредельный разум может даже при земной жизни человека оставлять плоть и пересекать пространство и время. Разум для сифи – это божественная суть человека, который следует развивать, интуитивно следовать за ним. И единение с высшим мировым божественным разумом познается в экстазе (*джазба*). Только тот, кто постоянно совершенствует свою душу, может достичь экстаза, только в экстазе душа обретает свободу от материального, тленного тела, в котором она заключена, только освободившись в экстазе от земной сущности, душа может соединиться с божественной сущностью мира. Все эти философские идеи развивались философами как через призму религии, так как религия тоже учит, что есть высший разум, так и в чистом виде – через свои духовные достижения.

Существовали и способы достижения божественного состояния души, соединения её с высшим мировым разумом.

Философы сифи проповедовали аскезу – они были аскетами, отказывались от всех мирских благ и излишеств в пользу высших, нематериальных, проповедуя самый простой образ жизни, позволяющий только поддерживать существование своего тела. Поэтому они даже основали селение Хнюх высоко в горах, где жили в простых кельях с мазаными стенами и полом, занимались только сельскохозяйственным трудом и совершенствовали знания в познании своего и, через него, высшего разума.

Философы сифи полностью отрицали чувственное и материальное для полного соединения с высшим разумом. Отказавшись от материального, философы сифи строили себе хижины из глиняных кирпичей, сделанных своими руками. Обмазанные глиной снаружи и изнутри стены, земляной пол, который мазали раствором голубой глины (*хьамыр*), потолок из бревен и кустов, присыпанный землей, - это был дом философа, в котором жила вся его семья. В каждом таком доме находилась келья философа – узкая, тесная комната с маленьким окошком на уровне руки или тесная яма в земле под какой-либо комнатой (*халват*). Здесь философы совершенствовали свои знания, освобождали свое тело от мирских желаний, занимаясь духовным совершенствованием, божественным учением и полностью отрекаясь от мирского. Одеждой философов служили шерстяные самотканые робы натурального цвета, целью которой было умерщвление даже физических ощущений, - даже тело сифи не должно было чувствовать комфорт, приятные ощущения.

Селение шейхов – Хнюх

В своем учении сифи разработали целый ритуал. После изучению каких-то книг они уходили от мира в состояние *чемби*. *Чемби* – это уход философа от мира на сорок дней, в течение которых он не мог общаться не только с внешним миром, но и с собственной семьей. В процессе *чемби* днем и ночью он умерщвлял свою плоть, питаясь самой скудной пищей – толокном и водой, которые подавались ему раз в сутки в окошко, а некоторые пили только воду, вообще отказавшись от пищи. И все это время он своим разумом постигал свою суть, произносил какие-то молитвы, приводящие его в экстаз. Во время подобного очищения – *чемби* – философ проходил несколько ступеней познания и совершенствования души. Первые дни он очищал тело от материального, вводя его в состояние голода и преодоления этого чувства. Второй этап – созерцание своих чувств, своей души, выявление способностей собственной души, общение со своей собственной сутью. Третий этап – самый трудный, когда философ был вынужден бороться с сомнениями, с лукавыми и нечистыми силами, не пускающими душу ввысь. В этот период философ видел сатану, дьяволов, демонов и тому подобных, которые старались испугать его, заставить отказаться от избранного пути. Рассказывают, что сифи для защиты от них очерчивали вокруг себя круг, и линию круга демоны не могли пересечь, поэтому они неистовствовали, пугали причащающегося, ревели. Самым главным в этом ритуале было то, что сифи вел борьбу с сатаной, которого пытался подчинить себе. Покоривший сатану обретал власть над ним, не покоривший умирал или сходил с ума. К этому уровню учения подпускали не всех – только избранные получали право сесть в *чемби* и борьбу с дьяволом.

Это было, говорят, очень трудно переносить: многие сходили с ума, другие, не в силах вынести такое испытание, неподвластное разуму обычного человека, выходили из *чемби*. Но

те, кто выдерживал и это, становились истинными сифи, которым открывалась истина, суть всего, божественный разум. И это был четвертый, самый последний этап испытаний для сифи.

До того, как погрузиться в состояние *чемби* и уединиться в *халват*, философ читал какие-то книги, написанные местными учеными, общался со своим учителем, занимался учением под руководством истинного сифи, посещал других сифи в других селениях и странах у них дома, где они неделями, отрешившись от жизни, вели свои беседы.

Люди рассказывают, что тот, кто сумел выдержать все четыре ступени, приобретал знания, неподвластные пониманию обычных людей. В каждом рутульском селении рассказывают удивительные истории про сифи, достигших совершенных знаний. Приведу несколько самых известных, почти волшебных, рассказов.

Так, Вагъуф-баба из Луткуна, говорят, мог подниматься над землей в религиозном экстазе, пересекать за мгновение огромные пространства, исчезать из этого мира и появляться в нем снова. Это называлось *гъаалиб йишин*. Вагъуф-баба лечил болезни людей прикосновением. Называют в Рутуле человека, боль в ушах которого Вагъуф-баба вылечил простым дуновением в ухо.

Вагъуф-баба, как рассказывала его приемная дочь Хадижат, избрал ее, еще маленькую, для особых ритуалов. Часто во сне она путешествовала по другим мирам и странам вместе с ним, проснувшись, видела, что он сидит рядом с ней. Он ласково уточнял у нее, что она видела, причем знал все, что она видела во сне. В следующий раз, говорил он ей, ты увидишь то-то, но обрати внимание на то-то. И все, что он говорил, она видела во сне. Хадижат-риши потом посвятила всю свою жизнь служению святыне Вагъуфа-бабы.

Л. И. Лавров пишет, что в Ахтах: "на улицах и на базаре часто попадался мне какой-то старик, волочащий парализованную ногу. Несмотря на жару, на нем надеты тулуп и лохматая шапка. Это шейх, о котором ходит слух, будто он способен за полчаса перемещаться на 100 км и более. Многие верят, что, намочив его тулуп в реке, можно вызвать дождь. Рассказывают, что этот 70-летний паралитик по пять-шесть раз в году совершает восхождение на "священную" гору Шалбуздаг" [Лавров 1982:150].

Паломники у священного озера Эренлар на Шалбуздаге.

Л. И. Лавров в те годы мог встретиться в Ахтах только с Вагъуф-бабой, который на самом деле ходил только в описанной одежде. Он же имел обыкновение молиться на Шалбуздаге в любое время года и дня. Другие люди не могли бывать на этой горе, которую считают священной, когда захотят: гора всегда скрыта в тумане и в снегу почти весь год, только в период с 4 августа до 25 августа Шалбуздаг покидает туман и на короткие три недели единственный раз в году можно увидеть его вершину. Только в эти три недели желающие совершают ритуальное паломничество на вершину горы. Шалбуздаг отличается от соседних гор: он будто принесен из других мест и поставлен здесь – настолько он отличается составом почвы и даже погодой. Он в основном из розового гранита, ближе к вершине абсолютно голый, какой-то величественный, вызывающий священный восторг. На его отрогах в ясную погоду можно увидеть стада туров, медленно бредущих по скалам, презрительно глядя на людей. Там туров нельзя не только трогать, но даже беспокоить.

Другой сифи - К1асир Давыд - иногда развлекался тем, что делал из пельменей, которые готовила жена, лягушек и заставлял их ползать по стене, а потом по одной лягушки сами прыгали в кастрюлю, где снова превращались в пельмени. К1асир Давыд, как и многие другие сифи, лечил болезни людей, изгонял бесов.

Вершина Шалбуздага.

Исмаил-баба из Хнюха, который ушел на несколько лет пешком в хадж, вернулся в ночь, когда горела мечеть в селении Шиназ, и тушил пожар вместе со всеми сельчанами, которые были там. Люди подумали, что он вернулся. Но сразу после пожара он исчез. А те, которые были с ним в дороге на хадж, вернулись вместе с ним через несколько месяцев и клялись потом, что он все это время был с ними.

Исмаил-баба был арестован после революции, но в милиции сказал начальнику, что он добровольно садится, но просит отпускать его каждый день рано утром на берег Самура, где у него обет молиться каждый день перед рассветом. Естественно для того времени, начальник не разрешил. Но каждый день в это время люди видели Исмаил-бабу на месте обета и в это же время ретивые милиционеры бежали в камеру и видели философа там, спокойно перебиравшим четки.

Халакый Сулейман, когда жена его болела, сидя на годекане, заставлял всех женщин, которые шли домой с полным кувшином воды, пойти к нему домой, вылить воду в его кувшины и снова пойти к реке Лалаъан за водой с пустыми кувшинами. И женщины ничего потом не помнили об этом. И это делалось на глазах их мужей, которые тоже сидели с магом на годекане.

Мазый-гаг из Хнюха был известен на всем Востоке. Он был простым пастухом, но, исчезая, участвовал в собраниях шейхов в других странах, при этом физически будучи в селении. Он мог сидеть на годекане, а волки пасли его стадо, утром приходя за отарой, а вечером приводя в целостности и сохранности обратно. Говорят, что Мазый-гаг указывал волкам овцу, которую они иногда могли съесть. Зимой Мазый-гаг перегонял свое стадо в Гала – южные резиденции рутулов. А реки на пути он останавливал, пока стало не пройдет. Когда сифи нескольких рутульских селений решили поселиться в конце горного ущелья, в современном Хнюхе, то возникла проблема – здесь вообще не было воды. Но Мазый-гаг подошел горе и ткнул своим посохом – оттуда пошла вода. Вода идет до сих пор, но столько, сколько была окружность того посоха, - ни больше, ни меньше.

Все приведенные рассказы похожи на волшебные сказки. Но я свидетельствую, что это самые известные легенды в рутульских селениях. Их знают все, что и позволило мне написать о них. Таких рассказов про сифи в Рутуле намного больше.

Обо всем, что они умели делать, сифи рассказывать не могли, у них был обет молчания, который не могли нарушить. То, что люди видели и рассказывают, это было только то, что ученые могли показать людям. Зато все видели, что они умели изгонять бесов из людей, и делалось это, по-видимому, столь часто, что родственники душевнобольных обращались к ним так обыкновенно, как за обычным аспирином при простуде. Об этом в рутульских селениях расскажет каждый.

Сифи могли принять и облик другого человека или животного, дерева, камня. Это называлось *дубнди а1ч1ус* – букв. принять *дубн* "облик".

Сифи могли также заставить человека на время покинуть этот мир, оставаясь телесно в нем, это называлось *бавыш йы1хыс*.

О распространенности тайных знаний и об увлеченности ими лучших умов и в Албании может свидетельствовать и отречение от престола царя Ваче II в 401 году, отказ от мирской жизни и его уход к отшельникам. Моисей Каланкатуйский пишет, что епископ Гют, восхваляя Ваче, восклицает: Это удел не всех, а тех, которые предали с жаром наукам, - численной, землемерной, астрономической, врачебной. [Моисей Каланкатуйский, кн. 1, гл.10]. Как видим, епископ также перечисляет те науки, которые были особенно популярны среди дагестанских народов и позже – математику, астролябию, медицину, географию.

Рассказывают, что сифи не должны были в силу своего обета показывать свои знания, могущество. Они, наоборот, прикидывались дурачками, сумасшедшими часто уходили в горы и леса надолго, могли там говорить с животными, могли насыпать людям сны, а потом расспросить о них, точно рассказывая тому, кто видел сон, что он видел. Молла Тураб, известный ашуг-сифи из Ихрека, прикидывался вообще юродивым, но мог остановиться перед девушкой и спеть ей тут же сочиненную песню про ее красоту. Хоть и нельзя было в то время говорить с девушками незнакомым мужчинам, Молла Турабу позволялось, так как его считали не от мира сего. Сохранилось предание о том, что он влюбился в девушку. Каждое утро к невесте приходили посланные Турабом голуби и целовали ее. Оттуда в ихрекско-мюхрекском диалекте рутульского языка сохранилась лексема *к1уф кы1хыс* "целовать" (букв. клюв окунуть). Ту засватали за него. Зимой Тураб поехал в Гала, чтобы накопить на свадьбу. Но случилось так, что девушка умерла. Когда сельчане пришли хоронить девушку, то у свежерытой могилы увидели Тураба, голыми руками роющего ей могилу и орошавшего дно слезами. Сразу после похорон Тураб исчез. А родители и друзья, которые жили с ним в Гала, клялись, что Тураб все время был с ними. Он никуда не уезжал.

У родственного рутулам народа – агулов – тоже были распространены эти тайные знания. Агулы были известны в средневековье как маги, известность получила даже Долина Магов – *Магьу-Дере*.

Последних сифи, учение которых передавалось от учителей к ученикам много тысячелетий, Рутул потерял уже после революции, во время репрессий. Были уничтожены их книги (*джуз*, как в народе называли книги, написанные сифи), а если они еще и остались где-нибудь в семьях, то читать их никто не может. Мало кто в Рутуле сейчас владеет арабским на таком уровне.

Исмаил-Эфенди построил в Шиназе и первую обсерваторию для наблюдения за небом, изобрел инструменты и какой-то предмет типа телескопа, через который изучал звезды и их движение. Особое внимание он придавал Млечному Пути, который рутулы называют *Наныхый*. Большую Медведицу рутулы называют *Ху1букуй*. Али Каяев, известный историк, пишет, что Исмаил-Эфенди был первым астрономом в Дагестане. Он учил по написанной им самим книге "Хуласат ал-Хисаб". К Исмаилу-Эфенди приезжали учиться и из других государств. Учениками Исмаила-Эфенди были Зейд Ислам Курклинский и Магарам-Эфенди Ахтынский. Исмаил-Эфенди написал несколько книг по астролябии и по философии сифи. Умер он в 1798 году. Его сын *Саид-Эфенди* также был известным ученым в свое время. О нем написал Гасан Алкадари в известной книге "Асари-Дагестан".

Развалины Шиназской Обсерватории Исмаила-Эфенди.

Посоху святого сифи в Рутуле придают сакральное значение. По рутульским преданиям, посохом сифи пробивали в скалах родник, посохом открывали стены, посохом останавливали реку, чтобы перевести свою отару через Самур, посох поднимали вверх острием и пересекали

пространство. После смерти сифи посохи хранят в особом святилище. Хранят только посохи великих сифи - софистов - суфиев.

(Фото святилища с. Мюхрек Т. Махмудова.)

Литература

1. Аликберов А. К. Кавказская Албания и лезгинские народы: актуальные проблемы, новые дискурсы// Albania Caucasica (Edited by A. K. Alikberov, M.S. Gadjiev), V. I . M.,2015. Стр. 16-27.
2. Булатова А. Г. Рутульцы в XIX – начале XX в.в. Историко-этнографическое исследование. М., 2003.
3. Гаджиев М. С. Кавказская Албания и Дагестан: историко-географический и административно-политический аспекты//Albania Caucasica (Edited by A. K. Alikberov, M.S. Gadjiev), V. I . M.,2015. Стр. 29-40.
4. Дунаевская И. М. О структурном сходстве хаттского языка с языками Северо-Западного Кавказа//Исследования по истории культуры народов Востока. М.-Л., 1960.
5. Дьяконов И. М. Алародии (хурриты, урарты, кути, чеченцы, и дагестанцы). – в кн.: Алародии (этногенетические исследования). –Махачкала, 1995.
6. Дьяконов И. М. Алародии. ВДМ.1995. № 2.
7. Известия греческих и римских писателей о Кавказе. Собрал и перевел с подлинников К. Ган. Часть I. От Гомера до 6 столетия по Р.Х. Тифлис, Типография Канцелярии Главнокомандующего гражданскою частью на Кавказе. 1884.
8. Киракос Гандзакский. История. Перевод Тер-Григорьяна. Баку, 1946.
9. Краббе К. Замечания об обществах Ахты, Рутул и проч. ЦГВИА, фонд ВУА, кол. 414, д.301.
10. Лавров Л.И. Рутульцы в прошлом и настоящем. - Кавказский этнографический сборник. - М. - Л. -1962.
11. Лавров Л. И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924-1978 гг.). Л.: "Наука", 1982.
12. Мамедова Ф. Д. К вопросу об албанском (кавказском) этносе Востока.- www.bubakiri.narod.ru
13. Мамедова Ф. Д. Политическая история и историческая география Кавказской Албании. Баку, 1986.
14. Моисей Каланкатуйский. "История страны Алуанк"/Перевод с древнеармянского Ш. В. Смбатяна. Ереван, 1984.
15. Садыки М. А. Древняя история лезгин и античные письменные источники.
16. Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании (IV век до н. э. - VII век нашей эры. М.-Л., 1959.
17. Услар П. .К. Древнейшие сказания о Кавказе. Тифлис, 1881.
18. Хан-Магомедов С. О. Рутульская архитектура. М., 1998.

Basics of Spirituality and Popular Philosophy of Rutul

Makhmudova S.M.,

professor of the "Linguodidactics and intercultural communications" chair of the Faculty of Foreign Languages, MSUPE (Moscow, Russia) makhmudovasm@mgppu.ru

The article deals with the philosophical foundations of the spiritual life of the Rutul. Rutuli - one of the peoples that make up the Caucasian Albania. The article analyzes the experiments of medieval Rutulian scholars on their spiritual improvement for the first time.

Key Words: Rutul, Caucasian Albania, philosophy, sophistry, the spiritual life of the Sophists.

References

1. Alikberov A. K. Kavkazskaya Albaniya i lezginskie narody: aktual'nye problemy, novye diskursy// Albania Caucasica (Edited by A. K. Alikberov, M.S. Gadjiev), V. I . M.,2015. Str. 16-27.
2. Bulatova A. G. Rutul'cy v XIX – nachale XX v.v. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie. M., 2003.
3. Gadjiev M. S. Kavkazskaya Albaniya i Dagestan: istoriko-geograficheskij i administrativno-politicheskij aspekty//Albania Caucasica (Edited by A. K. Alikberov, M.S. Gadjiev), V. I . M.,2015. Str. 29-40.
4. Dunaevskaya I. M. O strukturnom skhodstve hattskogo yazyka s yazykami Severo-Zapadnogo Kavkaza//Issledovaniya po istorii kul'tury narodov Vostoka. M.-L., 1960.
5. D'yakonov I. M. Alarodii (hurrity, urarty, kuti, chechency, i dagestancy). – v kn.: Alarodii (etnogeneticheskie issledovaniya). –Mahachkala, 1995.
6. D'yakonov I. M. Alarodii. VDM.1995. № 2.
7. Izvestiya grecheskih i rimskih pisatelej o Kavkaze. Sobral i perevel s podlinnikov K. Gan. CHast' I. Ot Gomera do 6 stoletiya po R.H. Tiflis, Tipografiya Kancelyarii Glavnokomanduyushchego grazhdanskoyu chast'yu na Kavkaze. 1884.
8. Kirakos Gandzakskij. Istoriya. Perevod Ter-Grigor'yana. Baku, 1946.
9. Krabbe K. Zamechaniya ob obshchestvah Ahty, Rutul i proch. CGVIA, fond VUA, kol. 414, d.301.
10. Lavrov L.I. Rutul'cy v proshlom i nastoyashchem. - Kavkazskij etnograficheskij sbornik. - M. - L. -1962.
11. Lavrov L. I. Etnografiya Kavkaza (po polevym materialam 1924-1978 gg.). L.: "Nauka", 1982.
12. Mamedova F. D. K voprosu ob albanskom (kavkazskom) etnose Vostoka.- www.bubakiri.narod.ru
13. Mamedova F. D. Politicheskaya istoriya i istoricheskaya geografiya Kavkazskoj Albanii. Baku, 1986.
14. Moisej Kalankatujskij. "Istoriya strany Aluank"/Perevod s drevnearmyanskogo SH. V. Smbatyana. Erevan, 1984.
15. Sadyki M. A. Drevnyaya istoriya lezgin i antichnye pis'mennye istochniki.
16. Trever K. V. Ocherki po istorii i kul'ture Kavkazskoj Albanii (IV vek do n. e. - VII vek nashej ery. M.-L., 1959.
17. Uslar P. .K. Drevnejshie skazaniya o Kavkaze. Tiflis, 1881.
18. Han-Magomedov S. O. Rutul'skaya arhitektura. M., 1998.

ПЛАТОН и ДОСТОЕВСКИЙ

Аношкина-Касаткина В.Н.,

доктор филологических наук, профессор

Касаткин Н.В.,

кандидат психологических наук, психолог, литературовед, преподаватель

Аннотация: в статье рассматриваются значение Ф. Достоевского для русской литературы, философские взгляды Ф. Достоевского, основы философичности его взглядов. Рассматривается также влияние идей Платона на произведения Ф. Достоевского.

Ключевые слова: русская литература, Достоевский, философское влияние, идеализм Платона, кумир, двойственность отношений.

Для цитаты:

Аношкина-Касаткина В.Н., Касаткин Н.В. ПЛАТОН и ДОСТОЕВСКИЙ [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №4. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Anoshkina-Kasatkina_Kasatkin.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Anoshkina-Kasatkina V.N., Kasatkin N.V. The Meaning and Function of the Pause in Chekhov's "The Seagull" [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 4. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Anoshkina-Kasatkina_Kasatkin.shtml (Accessed dd.mm.yyyy)

Послесловие.

Сведения о Н. В. Касаткине

Касаткин Николай Васильевич (17.II.1890—24.XI.1974) — психолог речи, философ и литературовед — таков он в своих научных интересах и исследованиях. Н. В. Касаткин в молодые годы формировался как ученый в Саратовском университете первых десятилетий XX-го века. Его учителями были выдающиеся специалисты: историк-культуролог Г. П. Федотов (Н. В. Касаткин работал в его семинаре), психолог А. А. Крогиус, религиозный философ С. Л. Франк, авторитетный и ныне литературовед А. П. Скафтымов. Специализируясь в области психологии речи и защитив в Москве кандидатскую диссертацию «Психология речевых форм», Н. В. Касаткин испытывал глубокий интерес к художественной литературе как словесному искусству, признавая церковную Истину: «Вначале было Слово...» Можно сказать, исходный тезис размышления о бытии вел его в область философии, к философской проблематике размышлений о сущности человека, психологических механизмах его личности, его общения. Осознавая человека как социальное явление, анализируя с психологически-философской точки зрения способы его общения, именно речевого, делая личность объектом своего исследования, Н. В. Касаткин неизбежно должен был обратиться к Ф. М. Достоевскому как непревзойденному гениальному художнику слова — психологу, знатоку человеческой души и человеческого общежития.

Касаткин, изучая романы Достоевского, приходит к выводу о трех модусах бытия людей: 1) одиночество, 2) коллективное (социальное) общение и 3) дуальность (общение-диалог двух человек). Размышляя о сущностных основах личности, Касаткин кардинально разошелся с З. Фрейдом, увлекшимся изучением природных, инстинктивных движений в человеческой психике: «страха», «агрессии», захватнических инстинктов, в основе примитивных («загрызть», «съесть» другого, так как он — «не-я», отнимает «мое» звериное пространство, «мою» пищу, нору и т. д.). Животные инстинкты обращены к плотской природе человека и к плотской «любви» — сексу.

Касаткину чуждо подобное направление исследовательской мысли. Человек как венец творения, созданный как подобие Божества, разумен. Разум — это то, что отличает именно человека от всего природного мира. Человеческий разум стал предметом анализа — т. е. высших потенций человека, интеллектуально-душевных двигателей в психике.

Такое направление исследовательской мысли ввело Касаткина в философскую сферу, обратило к философии Платона, его учению об идеях.

Не отрицая наблюдений французской социально-психологической школы, сочинений Г. Тарда, не отрицая действующих в социуме «законов» моды, подражания, но и новаторства, Касаткин ищет более глубокие механизмы, значимые для психики, духовно-душевной жизни человека. И в этом отношении усматривает близкое ему понимание человеческого общения и истины бытия в сочинениях знаменитого античного философа — Платона. Его учение об идеях, противостоящих материальному миру, представляется нашему философу чрезвычайно важным, выражающим сущность бытия. Для «венца творения» — Человека, именно Разум — главный помощник познания. Ему доступно понимание сущностных, следовательно, идеальных, основ. По Платону, смысл Бытия — это не плоть вещного мира, а коренящаяся в Замысле Высших Сил Идея. Мир идей подлежит осознанию. Для этого необходимо погружение в философское размышление. Платон привлекателен в своем единении философских абстракций с человеческой личностью, познающим мир субъектом. В сочинениях этого философа появились конкретные люди, индивидуальности, имеющие имена, даже намечены их характеры, персонажи его сочинений разговаривают. Касаткину, изучающему психологически-философски речь, весьма интересны подходы к проблеме у Платона, ход рассуждений его и персонажей, внутренние, духовно-душевные механизмы высказываний, комплексов идей-чувств, волевых устремлений, памяти — в целом человеческого мышления. Осмысливается речь как мышление, как сцепление идей в их диалектическом единении и противостоянии, противодействии. Изображенное Платоном философское общение людей осмысленно Касаткиным открывающим глубины бытия и человеческой жизни. Только человек — говорящее существо, но не просто издающее звуки, а познающее окружающий мир. Познание означает приближение к познаваемому предмету, его приятие, а оно вызывает в человеке эмоции любви. Злоба отталкивает, а не приближает к познаваемому объекту. Любовь сближает, объединяет, содействует пониманию другого — «не-я». Устраняется отчуждение людей. Касаткин изучает философское общение мыслящих людей в сочинениях Платона. Наш философ усматривает в его сочинениях глубокую Истину в утверждении единения мышления как средства познания в процессе дружелюбного разговора — эмоционально нужного фона общения для постижения Истины. Такой скрепляющей мыслящих существ эмоцией является Любовь, освобожденная от плотских желаний. Платоническая, возвышающая любовь, как утверждает наш философ, обуславливает философское постижение Мира идей. Касаткин сближается с Платоном в понимании диалогического, словесно-философского постижения Мира.

Современный человек заговорил бы о значении «идеологии»; слово восходит к двум понятиям: «идея» (система идей — это мировоззрение человека) и «идеал» — совокупность высших ценностей, высших целеустремлений.

Ф. М. Достоевский — гениальный художник, знаток душевно-духовного мира мыслящей личности, весьма интересен Касаткину в своеобразном сближении с платонизмом. Речевое общение героев романов Достоевского насыщено философским содержанием, сталкиваются мнения, обобщения, выводы, касающиеся собственной жизни человека — литературного героя. Касаткин особенно выделяет модус «дуального общения» героев романов. Именно оно — задушевный, искренний разговор двух духовно близких, дружески любящих людей — необходимо человеку. Не хлебом единым жив человек. Достоевский изобразил исповедальный тип речевого общения двух людей. Писатель показал способность человека возвышенно любить, доверять другому, обожая, раскрывать ему глубины своего сознания, свои заблуждения, но и покаяния, обретения истины, что, возможно, согласно Достоевскому, в состоянии особой любви, которую называют платонической.

Подлинное познание Истины очищено в горниле чистой возвышенной Любви, и оно спасительно для разумного человека, венца творения.

В. Н. Аношкина-Касаткина

октябрь 2017 года

Достоевский в настоящее время относится к наиболее читаемым писателям. Его популярность огромна. Этот факт можно считать примечательным. Несомненно, в воззрениях Достоевского содержится много пережитого, как бы ушедшего в прошлое. Демократические и гуманистические идеи Достоевского были уже высказаны с не меньшей силой как в русской, так и в западноевропейской литературе. Возникает вопрос о том, что же придает значительность произведениям Достоевского и вызывает интерес к нему современного читателя? Пытаясь ответить на этот вопрос, исследователи его творчества сближают воззрения Достоевского с философскими построениями целого ряда мыслителей: Канта, Гегеля, Ницше, Фрейдера, экзистенциалистов, но также Белинского, Герцена, Льва Толстого. Многогранное творчество Достоевского позволяет с известной приблизительностью проводить такое сближение. Однако в этих поисках остается опущенной связь Достоевского с мыслителями, в наибольшей степени влиявших на его творчество. Имеются в виду античные мыслители и в первую очередь Платон. Вопрос о связях воззрений Достоевского с идеями Платона является предметом нашего рассмотрения.

Достоевский получил математическое образование. Для развития его таланта большое значение имела его широкая осведомленность в гуманитарных науках. Установлен факт необычайной литературности Достоевского. Он отлично знал русскую и западно-европейскую литературу и в какой-то степени использовал, перерабатывал великие литературные образы мирового творчества, среди которых были образы Пушкина и Гоголя, Л. Толстого и Тургенева, а также Данте, Сервантеса, Гёте, Шиллера, Бальзака, Гюго, Жорж Занд и т. д.

Философичность — характерная особенность произведений Достоевского.

Достоевский испытал многообразные философские влияния. Подобно Платону Достоевский был податливой в философском отношении натурой. Он легко и даже охотно шел навстречу влияниям мыслителей самых различных направлений и уровней философского мышления от Платона до Н. Страхова. Жизненный путь Достоевского и духовное развитие его личности свидетельствуют об этом многообразии испытанных им влияний. В детстве Достоевский получал религиозное воспитание. В годы ранней юности он подвергся влиянию материализма: в общении с Белинским, пребывая в кружке Петрашевского, он осваивал идеи материалистической философии. Это влияние определенным образом сказалось на его творчестве. Некоторых героев своих романов Достоевский стремится сблизить с героями произведений Чернышевского. Своего любимого героя, Мышкина, Достоевский делает материалистом. Однако, находясь в тюрьме, Достоевский в течение четырех лет читал одно

лишь Евангелие. Евангельские образы близки Достоевскому. Иногда они занимают даже центральное место в его произведениях (образ Христа в романах «Идиот» и «Братья Карамазовы»). По выходе из тюрьмы Достоевский принужден жить в Сибири вдали от культурных центров. Достоевский немедленно начинает свои занятия философией. Он просит, чтобы ему выслали произведения Канта, Гегеля, Августина. В то же время он читает литературные журналы последних лет, знакомится с материалистическими идеями Чернышевского, Добролюбова. Возвратясь из ссылки в Москву, Достоевский оказывается в сфере гегельянских идей. Его ближайшие сотрудники А. Григорьев и Н. Страхов — убежденные гегельянцы. Последнее десятилетие он был близок к В. Соловьеву и подвергался воздействию неоплатонических идей русского философа. Таким образом Достоевский, возражая К.Кавелину, упрекнувшему писателя в недостаточной философской осведомленности, имел основание сказать, что философия не является чуждой ему областью, хотя она и не была его профессией. В беседах Достоевского с Н. Страховым и В. Соловьевым собеседники не могли не касаться философских воззрений Платона, хотя возможность этого факта еще не является доказательством воздействия платоновской философии на творчество Достоевского. Основным свидетельством влияния Платона на творчество Достоевского являются сами произведения писателя.

Идеалисты всех времен величайшей заслугой Платона считают открытие им бытия идей как особой сферы существования. В том факте, что идеи существуют, не может быть никаких сомнений. Однако Платон эту сторону действительности превратил в единственную реальность.

Идеализм Платона был широким, универсальным. Платон не отрицал, что наряду с идеями существуют материальные вещи. Таким образом, он пришел к теории двух миров. По его мнению, существует высший мир идей и низший мир материальных вещей. Тем не менее он утверждал, что материальные вещи являются лишь копиями идей. Однако учение Платона не было застывшей, оцепеневшей теорией. Встречая критику, Платон включал новые идеи в свои прежние философские построения и тем самым продвигал свое учение дальше. Так было с критикой Аристотеля. Принимая идеи последнего, Платон закладывает основы неоплатонизма. Платон оказал большое воздействие как на античную, так и на западноевропейскую философию.

Изучение произведений Достоевского приводит к выводу, что прославленное учение Платона об идеях как вечных, неизменных сущностях бытия произвело очень незначительное впечатление на писателя. Напрасно мы стали бы искать на страницах его книг следы прямого влияния этой платоновской теории. В отношении метафизических сущностей Достоевский придерживался скептической позиции, хотя скептиком он и не был. Он был убежден, что человек ограничен в своих познавательных способностях. Иван Карамазов говорит, что своим евклидовским умом он не может понять некоторых великих математиков, утверждавших, что параллельные прямые, продолженные в бесконечность, пересекаются. Однако, продолжал свою мысль Иван, если он этого понять не может, то еще менее он способен разобраться в вопросе об основных началах бытия. Тем не менее, несмотря на такое равнодушие к центральному учению платонизма, Достоевский является подлинным платоником, но совсем не в традиционном смысле. Его привлекал другой аспект платонизма. Если для общепринятого мнения сущность платоновской философии состояла в теории идей, то для Достоевского эта сущность платонизма заключалась в учении о платонической любви, вызывающей стремление к уподоблению у общающихся собеседников и являющейся основой для философского мышления. Этот аспект платоновской философии определяет творчество Достоевского.

Для Достоевского основное содержание платонизма заключалось не в абстрактных понятиях, а в конкретных образах и структурных формах поэтики произведения Платона. Основной формой выражений философских воззрений для Платона был диалог, а главной ведущей фигурой диалога был Сократ. В этих наглядных формах Платон выражал основную

идею своего философствования, идею о человеке-спасителе, подающем надежду на возможное возрождение среди всеобщего начинающегося разложения. В диалогах Платона Сократ развивает платоновскую идею. Однако, доверяя Сократу сказывать свои мысли, Платон как бы намекает на то, что эти мысли возникли в общении с Сократом, давшим толчок к их возникновению.

Сократ у Платона загадочное, таинственное существо. Об этой стороне личности Сократа лучше всего говорит в диалоге «Пир» в своей восторженной речи Алкивиад. Сократ заключал в себе противоположные качества. Он являлся как в своей внешности, так и в своей бытовой жизни совершенно заурядным человеком. Однако этот обыкновенный человек обладал необычайными сверхчеловеческими способностями, которые привлекали к нему людей, очаровывали и заставляли их искать общения с ним. Алкивиад описывает привлекательные как физические, так и духовные свойства Сократа: физическую силу, выносливость, неприхотливость, а также его мужество, верность долгу, преданность своим убеждениям.

Людей поражала в Сократе его необычайная общительность. Он выделяется этой особенностью своего характера даже среди своих соотечественников, которые также не отличались любовью к замкнутому образу жизни. Однако общительность Сократа совсем не была безразличной. Свою речь он все же направлял к некоторым определенным лицам. Не была его общительность и постоянной. Алкивиад свидетельствует, что иногда Сократ уединялся и целые сутки мог провести под каким-нибудь деревом, погружившись в философские размышления (диалог «Пир»).

Отличительной чертой его умения вести беседу был необычайный такт. Это его свойство было также сложным, заключавшим в себе несколько специфических граней. Сократ умел выслушать собеседника. Никогда он не стремился захватить первое место в беседе и затем говорить одному. Наоборот, он дает полную возможность собеседнику высказаться, и даже сам побуждает его к дальнейшему развитию своих мыслей. Не выступает он и с резкой критикой высказываний собеседника. Скорее он стремился найти в этих высказываниях нечто положительное. Никогда он не стремился выделиться из ряда своих друзей и представить собою нечто исключительное, хотя он и не был скромным человеком, т. е. как-бы скрывающим свои внутренние достоинства. Он хотел только следовать правде так, чтобы ее внешние обнаружения соответствовали его внутренним качествам. Сократ был прежде всего собеседником, собеседование и составляло общественную функцию деятельности Сократа.

Близости с Сократом искали люди, особенно молодые, у которых сама действительность пробуждала многочисленные вопросы, требующие разрешения. Все эти люди были больны болезнью своего века — неудовлетворенностью. Они искали выхода из нарождающегося жизненного кризиса. Сократ был для них желанным собеседником. Его можно было обо всем спросить и все ему можно было сказать. Сократ был человеком интеллектуально зрячим, т. е. он ясно видел то, что есть и искал пути к будущему, но он не был узким проповедником одной идеи. Он был готов обсуждать любую философскую проблему. Его рассуждения были лишь анализом поставленного вопроса, а вывод делал тот, кто и поставил вопрос. Такой способ рассуждения производил неотразимое впечатление на собеседников.

Сократ был творческим мыслителем. Свои идеи он сеял вокруг себя. Его ученики воспринимали эти идеи и развивали их дальше. Было естественным для них делать Сократа глашатаем своих собственных идей. Они могли полагать, что их мысли уже содержались в рассуждениях Сократа. Платон мог верить, что его теория идей уже содержалась в речах его великого учителя. Сея свои идеи, Сократ устанавливал опорные точки для спасения. Он был человеком-спасителем и нуждающиеся в его помощи прибегали, именно, к нему. Поэтому он возбуждал чувства не только доверия, но и обожания и поклонения. Он был кумиром для своих учеников. Таким образом, платонизм утверждает специфическую форму отношений между людьми, отношение поклонника к обожжаемому существу, обожаящего ученика к вдохновенному учителю.

Диалог занимает центральное место в романах Достоевского. Он представляет обнаружение всех смысловых потенций творчества Достоевского. Эту мысль М. М. Бахтин кладет в основу своих работ о Достоевском. Однако необходимо отметить, что у Достоевского за диалогом стоят люди со связывающими их отношениями, общение, в котором осуществляется их живая жизнь.

У Достоевского беседа возникает (как и у Платона) не просто между какими-то случайно встретившимися людьми. Ставрогин встречается с разными людьми, он бывает у Лебядкина. Никакой беседы при этом не возникает. В этом случае говорит и лебезит Лебядкин, Ставрогин молча и с отвращением его слушает. Но такие беседы не складываются у Ставрогина и с близкими ему людьми: с матерью, со Степаном Трофимовичем Верховенским. Философские беседы возникают у Достоевского только между людьми, связанными специфическими связями. Достоевский тщательно описывает эти связи и отношения. В основе комплекса чувств и стремлений, объединяющих двух людей, по Достоевскому, лежит чувство обожания и поклонения. Один человек оказывается кумиром, другой — его поклонником. Такие чувства испытывают все люди, окружающие Ставрогина. Яснее всего об этом говорит Петр Верховенский. В лихорадочных словах он выражает свои чувства. «Я люблю идола, — говорит Петр Верховенский Ставрогину. — Вы мой идол! Вы именно таков, какого мне надо. Я никого, кроме вас, не знаю, вы предводитель, вы солнце...» Не так пылко, но с глубоким искренним чувством выражают свое преклонение перед Ставрогиным другие его собеседники. То же чувство испытывает Рогожин по отношению к Мышкину. После убийства Настасьи Филипповны Мышкин приходит к Рогожину и остается у него ночевать. Оба они потрясены до глубоких основ своей психики. Теперь Рогожин полон понимания, братской любви, обожания и преклонения перед величием души Мышкина. Понимая Мышкина, Рогожин сам духовно поднимается. Он теперь очищается от всякой ревности, злобы и кровожадности. Настасья Филипповна для Рогожина, как и для Мышкина, является, по Достоевскому, священным образом. То же чувство обожания и преклонения испытывает Аркадий Долгорукий по отношению к Версилу, Алеша — к Зосиме.

Потребность иметь доброжелательного и понимающего собеседника, которого можно обо всем спросить и открыть ему свои самые тайные стремления особенно сильно проявляется в юности. Это переживание получает немаловажное значение в творчестве Достоевского. У подростков и юношей его романов это стремление является самой характерной чертой. Коля Иволгин тяготеет к Мышкину, Коля Красоткин — к Алеше Карамазову, сам Алеша охотно идет на сближение с другими людьми. Он беседует со старцем Зосимой, но также с Дмитрием Карамазовым, Ракитиным. Однако подлинного собеседника он находит только в своем брате Иване, хотя их близость была кратковременной. Отношение кумир — поклонник было хорошо известно Достоевскому. Он даже собирал материалы для изображения этого явления. Термины «кумир», «поклонник» Достоевский не употреблял, но он пользовался близкими по смыслу словами: «идол», «фетиш». Иногда для обозначения «кумира» он берет местоимения личные, употребляя в написании большую букву, «поклонник» именуется «обожателем». В черновых записках к роману «Подросток» читаем следующее: «Орава детей: детская монархия или республика. У хищного типа с оравой какие-то сношения. В ораве два героических мальчика. Один из них, проведая, что он (“кумир”) в тайне делает добро и посещает нуждающихся, переходит к нему в его “обоители”». Для спутников Ставрогина последний является идолом, обожаемым кумиром. Марья Тимофеевна Лебядкина готова стать перед ним на колени. Для нее Ставрогин — сверхчеловеческое существо, которое захочет, так богу поклонится, а не захочет — и без поклона обойдется. Близок к такому состоянию Петр Верховенский. Уговаривая Ставрогина вступить с ним в тесный союз и отмечая его высокие качества, Петр Верховенский говорит, что люди своими глазами видели, как скопец Иван Филиппович в образе бога-Савоафа вознесся на небо. У Ставрогина, по мнению Петра Верховенского, больше данных, чтобы вызвать у людей такое впечатление.

У Достоевского обожание поклонника представляет сложный комплекс чувств. Поклонник убежден в высокой ценности обожаемого им лица. Для него кумир является человеком, одаренным необычайными способностями. Его превосходство не вызывает никаких сомнений. Он открывает новые идеи, он видит истинный путь жизни. Он творческий человек и свои идеи сеет вокруг себя. Он приходит на помощь к другому человеку в самую губительную для последнего минуту и приносит ему спасение. Он человек-спаситель. Поклонник исполнен благодарности к своему кумиру. Он абсолютно ему доверяет, готов идти за ним, служить ему, жертвовать для него самым дорогим. Для поклонника подлинная жизнь состоит в общении со своим кумиром. Такое стремление выражают Шатов, Петр Верховенский, Аркадий Долгорукий, Алеша Карамазов. Такое переживание представляет платоническая любовь, очищенная от всякого секса, а потому способная стать основой для философского мышления.

По Достоевскому поклонник не сразу становится поклонником. Он проходит некоторый жизненный путь. Тому времени, когда люди в романах Достоевского стали «поклонниками», предшествовал некоторый предварительный период исканий, какого-то разочарования и неудовлетворения. Они нуждались в новых идеях, новых основаниях для жизни, психологически уже на этом этапе их жизни они готовы стать «поклонниками». Однако необходимо, чтобы появился человек, который открыл бы для них новые стороны жизни, новые идеи, поставил новые цели. Так это происходит с Кирилловым, Шатовым, Петром Верховенским. Достоевский об этом периоде жизни своих двойников говорит очень мало, но достаточно определенно. Кириллов и Шатов жили в Америке, где провели целый год. Петр Верховенский был в Швейцарии. Кириллов и Шатов вернулись на родину неудовлетворенные и разочарованные. Не получил полного удовлетворения и Петр Верховенский. В этот период времени их внутреннего кризиса эти люди встречают Ставрогина, который в дуальных беседах раскрывает перед ними новые идеи. Кириллов, Шатов и Петр Верховенский увлекаются идеями и личностью Ставрогина. Они становятся его учениками и поклонниками.

Отношение близости между Ставрогиным и его спутниками возникли в период их совместного пребывания в Петербурге. Как возникали и складывались эти отношения Достоевский не описывает. Наоборот, близость и чувство приязни между Мышкиным и Рогожиным Достоевский изображает в процессе их возникновения и развития. Рогожин и Мышкин встречаются в вагоне поезда, будучи совершенно чуждыми друг другу. Однако Рогожина тотчас же поражает необычность Мышкина. Чем больше он знакомится с ним, тем больше он отмечает не обывательскую открытость, прозрачность психики Мышкина, которую он отождествляет с чистотой души. С самого начала Мышкин ему представляется очень привлекательным. Наблюдая сцену, когда взбешенный Ганя Иволгин дал пощечину Мышкину, Рогожин искренне возмущается. Он ищет слово, посредством которого он мог бы выразить свое негодование и находит слово «овца». «Эдакую овцу обидеть!» — говорит он. Развитие художественных ассоциаций у Достоевского оказывается очень последовательным. Для персонажа, прообразом которого является Христос, слово «агнец» соответствовало бы его внутренней природе, но это слово не соответствует реалистическому стилю творчества Достоевского. Однако и само слово «овца» писатель стремится как бы оправдать и объяснить. Рогожин, якобы вследствие своей необразованности и умственной неповоротливости не сумел найти другое более подходящее слово. На самом деле слово «овца» возникает вследствие глубоких стремлений самого Достоевского.

Жизнь людей Достоевского состоит в движении идей, которыми они наполняют свое сознание. Свои теории они вынашивают в течение многих лет, но молча. Ни Раскольников, ни Ставрогин, ни Шатов, ни Кириллов, ни Иван Карамазов не являются любителями обывательских разговоров. Однако в конце концов у них возникает страстное желание высказаться. Для Шатова самыми значительными событиями его теперешней жизни являются встречи и беседы со Ставрогиным. Шатов ищет признания, положительной оценки своих идей. Он хочет, чтобы Ставрогин признал значительность его мыслей. Петр Верховенский не просто стремится вовлечь Ставрогина в свою политическую организацию и сделать его своим

помощником, но и доказать ему правоту, значительность своей идеи. Таким образом идейное общение у Достоевского наполнено пламенным увлечением идеями, содержит проповедь нового воззрения и высокое наслаждение мыслью. Платоновскую идею о человеке-спасителе, кумире, пробуждающем надежды и новые стремления, развивает в своих произведениях Достоевский.

Поклонники, связанные платонической любовью, имеют не только кумира, но и свою «мадонну». У Платона такой мадонной является жрица Диотима. В диалоге «Пир» Сократ рассказывает о том, какое впечатление производит на него эта женщина. Сократ испытывает к ней чувство самого глубокого уважения и почитания. Сократ преклоняется перед ее мудростью, благожелательностью, прозорливостью. В ней он видит существо несравненно более совершенное, чем он сам. Диотима открывает ему новые истины и поучает его. Сократ безоговорочно соглашается с нею и принимает ее мысли. В то же время Диотима для Сократа совсем не женщина, а человеческое существо, достигшее высокой ступени духовного развития.

Такую «мадонну» людей современной жизни изображает Достоевский в своих романах. В романе «Преступление и наказание» «мадонной» является Соня Мармеладова. Достоевский ни на одну минуту не забывал о своем времени. Ему надо было изобразить Соню как реальную женщину определенного круга тогдашнего общества. В то же время необходимо было показать в этой женщине идеальное существо-мадонну. Эти грани личности Сони раскрываются в ее отношении к Раскольникову. В сознании главного героя романа возникают попеременно эти стороны личности Сони: она для него то женщина с улицы, то мадонна. Раскольников впервые узнает о Соне из рассказа ее отца. Раскольников в это время находился в состоянии тяжелого кризиса, его положение ему представляется безнадежным. В этом состоянии Соня кажется ему нужной, подходящей ему женщиной. Она ему нужна как средство избавления от мук одиночества, тоски, отчаяния. Соня в этом смысле не имеет большого значения для Раскольникова. Желая привязать ее к себе, он в первый же день знакомства, как это следует из главы, выключенной из романа Катковым, вступил с нею в половую связь. Такая бесцеремонность была возможна вследствие особого положения Сони. Здесь есть секс, но никакой любви к Соне Раскольников не испытывает. Хотя он понимает, что Соня несчастна и заслуживает лучшей участи, его отношение к ней остается презрительным. Раздумывая о любви к нему матери и сестры, он вдруг вспоминает, что Соня принимает в нем большое участие и удивляется. «Этой-то что надо?» — недоумевает он.

Однако существует другой аспект отношений, связывающих героя романа и Соню. Она необходима для Раскольникова, но уже совсем иначе. Ежедневно наблюдая людскую подлость и ничтожество, Раскольников испытывает неистребимую потребность в существовании совершенного, идеального человеческого существа. Подобное существо Раскольников находит в Соне. Он начинает замечать, как тонки и прозрачны руки Сони, каким эфирным кажется ее тело. Он постигает величие поведения Сони. Он убеждается, что Соня воплощенная, олицетворенная жертвенность. Соня для Раскольникова начинает представляться мадонной. Однако Раскольников не видит в Соне женщину. Секс отсутствует в связывающих их отношениях. Полный обожания Раскольников падает ниц и целует ее ноги. Он поклоняется Соне как идеальному существу. Соня находится во власти Раскольникова и в своем подчинении видит свой долг любви, но и сам Раскольников всецело подпадает под влияние Сони. Она его учит жизни и определяет его дальнейший жизненный путь. Своя жизнь, своя судьба, взаимосвязи с Соней составляют предмет его последующих философских размышлений.

Платоновского Сократа и его учеников объединяла общность интеллектуальной жизни и философское общение. В общении возникали и развивались чувства, закрепляющие взаимоотношения между собеседниками. Центром таких переживаний было отношение обожающего поклонника к обожаемому кумиру. Переживание порождало стремление к близости к обожаемому существу. У Платона такое стремление было интеллектуальным переживанием. Обожающий поклонник стремился быть подобным предмету своего поклонения. Идея уподобления оказывается существенной в философии платонизма. Ученики

Сократа, пребывая с ним в общении, воспалялись чувствами обожания и поклонения. Духовный образ Сократа не только воспринимался ими, но и внутренне запечатлевался в их сознании. У них возникало желание подражать ему и таким образом в какой-то степени стать подобными ему. Сократ, восхваляя человека, выступающего с речью не с развлекательными целями, а с намерением обнаружить справедливость, красоту и благо, говорит: «Вот, Федр, хорошо бы и нам с тобою стать такими же», Федр отвечает: «И я желаю того же, о чем ты говоришь и молюсь об этом» (Диалог «Федр»). Платон придерживается древнего философского положения, устанавливающего, что подобное привлекается и соединяется с себе же подобным. Ученики Сократа становятся подобными ему самому. Это подобие устанавливает в своей речи Алкивиад: «Предо мною сейчас такие люди, как Федр, Агафон, Эриксимах, Павсаний, Аристодем, Аристофан и другие, не говоря о самом Сократе: все вы одержимы философским неистовством» (диалог «Пир»). В какой-то степени уподобляясь Сократу, его ученики становятся его двойниками. Особенно это высказывание относится к Платону. Платон не желает отделять себя от Сократа. Он как-бы желает сказать самой формой своего изложения, что его мысли являются мыслями Сократа, хотя в речах последнего Платоновские идеи содержались в такой зачаточной форме, что нужен был гений Платона, чтобы довести их до полной реализации.

Тяготение одного человека к другому представляет естественное свойство человеческой психики. Это свойство обнаруживали как древние, так и современные люди. Такое переживание приязни и стремление к общению одного человека с другим получило название «дружбы». О ней неоднократно писали в древней и в новой литературе. Однако необходимо отметить, что переживание, связывающее собеседников диалогов Платона не дружба, а чувства, которые могут быть близки дружбе, но которые выходят далеко за пределы простой дружбы. Для дружбы может быть совершенно чужд тот накал восторга, который проявляет Алкивиад, произносящий речь в честь Сократа (диалог «Пир»). Чувство обожания и поклонения совсем не обязательно для переживания дружбы. Еще менее свойственно дружбе стремление к уподоблению. Наконец, в простой дружбе не так уж сильно звучит мотив стремления к мышлению и познанию, между тем как для собеседников диалогов Платона такое стремление является основным. У Платона переживание, объединяющее учеников Сократа и его самого, является платонической любовью, выражающейся в чувствах обожания и поклонения. Эта любовь сопровождается стремлением к уподоблению и становится основой для философского мышления и познания. В творчестве Достоевского этот аспект платонизма получает всестороннее развитие.

В советском литературоведении совокупность связей и отношений, складывающихся между героями Достоевского, получило наименование «двойничества». Герои Достоевского — «двойники». Необходимо однако отметить, что существуют и другие наименования для этого явления, например, «пародийные образы», «эхо-образы», «альтернативные образы». Все же думается, что название «двойник» более соответствует природе рассматриваемого явления. Двойник все же не пассивный отголосок, как эхо, а нечто, обладающее внутренней активностью. Наличие этого явления в творчестве Достоевского отмечено целым рядом исследователей. А. А. Белкин пишет, что двойниками рисуются Раскольников и Свидригайлов, Иван Карамазов и Смердяков. Ф. Евнин устанавливает различные группы двойников в творчестве Достоевского. Л. П. Гроссман отмечает «двойничество» таких персонажей Достоевского, как человек из подполья и Раскольников, Свидригайлов и Ипполит Терентьев, Ставрогин и Кириллов. По мнению Б. И. Бурсова все герои Достоевского имеют своих двойников. Этот список не исчерпывающий, его можно и продолжить. Отношениями «двойничества» связаны и женские персонажи романов Достоевского: Соня Мармеладова и Елизавета, сестра старухи-ростовщицы, Настасья Филипповна и Аглая. О явлении «двойничества» говорят и сами герои произведений Достоевского. По словам Петра Верховенского, Ставрогин — это половина его самого, хотя и лучшая. Таким образом,

сомневаться в наличии явления «двойничества» в творчестве Достоевского не приходится. Однако необходима интерпретация этого явления.

Отмечено, что в романах Достоевского основной герой не просто живет в окружении других людей и связан с ними разного рода жизненными отношениями, но влияет на них и своеобразно отражается в них. Такого рода отражение одной личности в другой побуждало говорить о сходстве, подобии, «двойничестве» этих людей. Взаимосвязи двух людей раскрывают, по Достоевскому, глубокие черты их внутренней жизни. Вот почему явление «двойничества» Достоевский широко использует в своем творчестве. Его находим во всех романах основного цикла: в «Преступлении и наказании», «Идиоте», «Бесах», «Подростке», «Братьях Карамазовых». Изображение «двойничества» применяется Достоевским для раскрытия внутренних свойств психики таких персонажей, какими выступают Раскольников и Свидригайлов, Ставрогин и Петр Верховенский, Шатов и Кириллов, Версиков и Аркадий Долгорукий, Иван Карамазов и Смердяков, Алеша и Зосима. Изображение «двойничества» становится для Достоевского основным средством раскрытия глубинной сущности человека.

Явление внутренней взаимосвязи между людьми было отмечено и подвергнуто изучению психологической наукой того времени. Существуют некоторые точки соприкосновения между воззрением Достоевского и французской социально-психологической школой. Представитель этой школы, известный французский психолог Г. Тард в своих работах устанавливает, что совместная жизнь людей определяется, с одной стороны, законами новаторства, а с другой стороны, законами моды и подражания. В силу влияния моды и человеческой подражательности в обществе в любое время оказывается довольно много людей сходных или подобных друг другу не только по внешним признакам, но и по своим внутренним переживаниям: настроениям, симпатиям, интересам, запросам, мнениям, что и отмечает в своих работах Тард. Отметив приближение концепций французской социально-психологической школы к воззрениям Достоевского, следует признать, что явления моды и подражания не раскрывают психологического содержания «двойничества» в силу своей элементарности. Явление «двойничества» обладает сложной психологической природой. Думается, что Достоевский гораздо глубже понимал совместную жизнь и взаимовлияния общающихся людей, чем это было представлено в психологических теориях его времени.

Отмечая, что момент сходства оказывается признаком «двойничества» мы все же должны признать, что это сходство весьма условно и специфично. Дело в том, что между двойниками в романах Достоевского очень мало подлинного сходства или подобия. Едва ли необходимо долго размышлять для того, чтобы убедиться в том, что Петр Верховенский очень мало походит на Ставрогина. Еще меньше подобия найдем между Ставрогиным и Степаном Трофимовичем Верховенским или между Ставрогиным и капитаном Лебядкиным, а между тем это его двойники. В романах Достоевского в основе «двойничества» лежит не столько момент сходства, сколько момент сопровождения. Двойник сопровождает свой подлинник или оригинал. Ставрогин имеет много двойников, все они различны, однако все они связаны со Ставрогиным. Таким образом «двойничество» в произведениях Достоевского представляют связи специфические. Двойники нисколько, ни в каких отношениях не зависят друг от друга. Они могут быть, но могут и не быть друзьями, товарищами, приятелями. В то же время связь между ними оказывается очень глубокой. Ставрогин не скрывает своего презрения к Петру Верховенскому, в глаза ему говорит, что он бездарен, задает оскорбительные вопросы о том, что Петр Верховенский, возможно, стал тайным агентом полиции, наконец, даже бьет его. Петр Верховенский все сносит и прощает Ставрогину. Однако существуют и противоположные проявления. Ставрогин получил тяжелую оплеуху от Шатова. Ставрогин раздражен и озлоблен. У него распухла губа и щека. Его красивое лицо приобрело вульгарный вид. Ему приходится отсиживаться в темной комнате. Но ему совсем не приходит в голову мысль о том, что Шатову надо отомстить или привлечь его к ответу за оскорбление. Такого рода поведение не соответствует природе установившихся между ними отношений. Ставрогин не изменил своего отношения к Шатову. С другой стороны, и Шатов, нанеся тяжелое оскорбление Ставрогину

не изменил своего отношения к нему. Люди, связанные со Ставрогиным, при всех обстоятельствах неизменно признают его духовную власть, его бесспорное превосходство. Ставрогин оказывает неотразимое влияние на окружающих его людей. Тайна влияния Ставрогина состоит в обаянии его личности.

Образ Ставрогина в романе получает конкретное выражение в пятой главе первой части романа. Варвара Петровна Ставрогина пожелала, наконец, выяснить, какого рода отношения связывают ее сына с Марьей Тимофеевной Лебядкиной. В этой сцене Ставрогин стремится представить себя светлым, благожелательным божеством, снисходящим к слабости и инфантильности окружающих его людей. Своим поведением и своей речью он достигает сразу нескольких целей: он дает ответ матери (прямо не отвечая ей), удаляет из дома Марью Тимофеевну Лебядкину и убеждает общество в том, что его поведение подлинно джентльменское. Поведение Ставрогина в данном случае отнюдь не лицемерное. Он убежден в необходимости и правильности своего поведения. Ставрогин раскрывает качества, которые, действительно, заложены в глубинах его психики. Обаяние, свойственное героям Достоевского, вызывает в качестве ответа у других людей чувства обожания и преклонения. Сам Ставрогин не испытывает таких чувств. Из всех его двойников Петр Верховенский вызывает у него наибольшую антипатию, благодаря своей наибольшей близости к нему, хотя и в этой близости Петр Верховенский, по его же собственным словам, является лишь «обезьяной» Ставрогина. Такое же неудовлетворение испытывает Ставрогин в общении с Кирилловым, которого он наиболее ценит и уважает. Однако, когда Кириллов увлеченно излагал свое учение, Ставрогин брезгливо следил за ним. В словах Кириллова он узнавал свои мысли, давно им пережитые и теперь вызывающие только досаду. Те же чувства скуки и досады возникают у Ставрогина в беседах с Шатовым, который также воспроизводит некоторые идеи, высказанные Ставригиным, но теперь не интересующие его. Капитан Лебядкин слишком ничтожен для того, чтобы Ставрогин стал придавать ему какое-либо значение. Тем не менее отношение «двойничества» между ними сохраняется. Лебядкин тянется к Ставригину не только из расчета, хотя этот момент сохраняет свое значение, но и как светлюбивое насекомое стремится к свету. Ставригин для Лебядкина образец, идеал, высшая форма жизни, которая только может быть примером для него. Сравниться со Ставригиным Лебядкин не мыслит, но некоторые манеры, его мысли, способ жизни он пытается освоить. Лебядкину больше всего нравится Ставригинская праздность. Эту особенность жизни Ставригина Лебядкин полностью осуществляет в своем поведении. Он восхищен Ставригинским умением одеться. Он пытается подражать в этом искусстве Ставригину. Чтобы сделать визит генеральше Ставригиной, он надевает фрак и становится еще более нелепым и смешным; полагая, что Ставригин находится в близких отношениях с Лизой Тушиной, Лебядкин также хочет изобразить своей жизнью как-бы подобную близость к Лизе. Подражая Ставригину, Лебядкин выдает себя за военного человека. Он знает, что Ставригин человек мысли. Лебядкин стремится занять и эту позицию: он пишет стихи. Он становится похожим на Ставригина, как его тень, или как карикатура на него.

Двойник Ставригина и Степан Трофимович Верховенский. Несмотря на различие в положении в обществе и самых основах характеров, Ставригин и Степан Трофимович Верховенский сближаются в некоторых весьма важных отношениях. Личность Ставригина складывалась под сильным и длительным воздействием Степана Трофимовича Верховенского. Учитель и ученик любили друг друга и как бы жили общей жизнью. Иногда учитель среди ночи будил своего ученика и изливался ему в своих чувствах. Учитель передал ученику не только свои чувства, но и свои идеи. Ставригин далеко ушел от либерализма своего учителя. Однако нечто общее с ним он сохранил. Одна из глубоких особенностей Степана Трофимовича Верховенского — его терпимость. Он легко воспринимает несогласие со своими мнениями. С уважением и во всяком случае снисходительно он относится к чужим взглядам, которых не разделяет. Эта черта личности Степана Трофимовича яснее всего сказывается в его спорах с Шатовым. После своего резкого выступления, полагая, что он навсегда разрывает со своим

собеседником, Шатов хватал шапку, собираясь уходить. Однако Степан Трофимович всегда находил пути к примирению. Ту же форму поведения сохраняет Ставрогин в своем общении с Шатовым, Кирилловым, Петром Верховенским. Он терпеливо выслушивает их теоретические построения, хотя внутренне с ними совсем не согласен. В этих построениях он узнает свои собственные мысли, им уже пережитые. Однако в своих собеседниках он узнает самого себя. Он даже готов признать дальнейшее развитие своих идей в речах собеседников. В этом случае он слушает их с интересом. Так он слушает Шатова, развивающего мысль о том, что смысл существования открывается в присоединении к трудовой жизни народа.

В романах Достоевского «двойничество» имеет универсальный характер. Все люда его романов охвачены этой связью. Но среди окружающих людей подобий самому себе Ставрогин не находит и никогда об этом ничего не говорит. Тем не менее близким Ставрогину людям кажется, что они таких его двойников знают. Степан Трофимович Верховенский устанавливает, что Ставрогин является подобием Шекспировского принца Гарри. У Марьи Тимофеевны Лебядкиной воспоминание о Ставрогине сопровождается образом «Светлого князя». Для Петра Верховенского Ставрогин — Иван царевич. Все эти сопоставления Ставрогин не принимает и не отвергает. Его желания идут гораздо дальше. По-видимому, Петр Верховенский проницательно угадывает стремления Ставрогина, когда начинает говорить о боге Саваофе, применяя это имя к Ставрогину. Герой романа «Бесы» также хочет быть универсальным и самодостаточным.

Платоновская идея «двойничества» весьма значительна в творчестве Достоевского. Часто определяющая роль принципа «двойничества» обнаруживается в выборе сюжета произведения, в композиции в создании образов. Начальным зерном, из которого развивается произведение, оказывается соединение или встреча двойников. Затем эта исходная точка разворачивается. Сюжет романа «Бесы» можно изложить следующим образом. Некий человек, по имени Ставрогин, еще в прошлом установил отношения «двойничества» с целым рядом других людей. К данному моменту, изображаемому в романе, все «двойники» собрались в одном городе. «Двойники» Ставрогина приступают к реализации своих замыслов. Однако их замыслы — не что иное, как противоречивые и взаимно исключаящие идеи самого Ставрогина. Попытки их осуществления приводят «двойников» Ставрогина и его самого к гибели.

«Двойничеством» определяется композиционная структура романа. Ставрогин возвращается в родной город, живет у матери, вращается в различных сферах городского общества. Все это лишь обрамление романа. Его повествовательным ядром служит общение Ставрогина со своими «двойниками». Принципом «двойничества» обусловлена динамика романа. «Двойники» тяготеют к Ставрогину, втягивают его в задуманные ими предприятия, излагают ему свои теории, совершают поступки, посредством которых они пытаются реализовать идеи Ставрогина.

Сходное наблюдаем в романе «Преступление и наказание». Основу сюжета романа составляет изображение убийства, которое задумал и совершил студент Раскольников. Однако, если бы это событие было единственным, вызвавшим авторский интерес, то никакого романа не получилось бы, во всяком случае не было бы романа Достоевского. Писателю для дальнейшего развития романа потребовались встречи Раскольникова со своими «двойниками»: с Соней, Свидригайловым, Порфирием Петровичем.

«Двойничеством» определился характер образов в романах Достоевского, особенно женских. Настасья Филипповна задумана как своего рода параллель к Мышкину. Она выражает ту же непреклонность и непримиримость ко всякой фальши и лжи, то же стремление к абсолютной чистоте и абсолютному добру, как и у главного героя романа. Даша («Бесы») умна, тиха. Это — черта личности Ставрогина. Он тоже умен и очень «тих», ему неприятно всякое самовыставление. Основная черта Даши — обостренное сознание своего положения. Она понимает свою обреченность. Таков и Ставрогин, знающий свою судьбу.

Близкими и в какой-то степени подобными друг другу оказываются Соня Мармеладова и Раскольников. Соня представляет собою подлинное самопожертвование. Она жертвует собой, спасая других. Такое поведение характеризует и Раскольникова. Материальные выгоды ему мало нужны. Он готов отказаться от всего в пользу других. Деньги, которые он получил от Разумихина, он отдал Катерине Ивановне. В самом его преступлении содержится какой-то оттенок жертвенности. Он совершает преступление не из прямого стремления к самопроверке. Он уже до преступления проверил и знает себя. Однако он оказался во власти идеи, которой он отдается и которой не в состоянии сопротивляться.

Отношение Свидригайлова к Раскольникову составляет сложный комплекс. Свидригайлов, не стыдясь, обнажает перед Раскольниковым всю грязь своей прошлой жизни. Такая откровенность свидетельствует о каком-то панибратстве, о сознании, что они «одного поля ягоды». В то же время можно подметить, что Свидригайлов в общении с Раскольниковым испытывает удивление, совмещающееся с некоторой долей зависти, не лишенной оттенка восхищения. Свидригайлова удивляет, как это Раскольников, будучи убийцей ни в чем не повинных женщин, в то же время считает себя честным и даже благородным человеком и при том совершенно искренне. Он даже может испытывать возмущение и презирать Свидригайлова. Сам Свидригайлов так не может. Он себя считает просто убийцей безо всяких претензий.

Порфирий Петрович — это перегоревший Раскольников. Порфирию Петровичу знакомы все мысли и порывы Раскольникова. Он когда-то их пережил. Теперь эти мысли его не увлекают, но он знает им цену, он убежден, что Раскольникова ждет его же участь. Отношениями «двойничества» связаны все герои романов Достоевского. Однако эти отношения охватывают и его не-героев. Самомнение и высокомерие сближают Ивана Карамазова и Смердякова. Признание исконной утробности человека соединяет Ивана Карамазова и его отца.

У Платона философские идеи, сопровождаемые чувством искренней взаимной симпатии, с особой легкостью возникают тогда, когда собеседников оказывается только двое. В этом отношении особенно показателен диалог «Федр». В этом произведении Платон изображает настоящую, подлинную человеческую жизнь. Картина, нарисованная Платоном, в высокой степени привлекательна. На берегу светлого Илиса, в ясный день, вдали от городской суеты Сократ и его любимый ученик Федр ведут философский разговор. Их не отягощают никакие заботы и житейские волнения. С сознанием серьезности своей беседа они предаются собеседованию. Они не забывают о мрачности и угрозах реальной жизни, но в данный момент они поднимаются над ними.

Платоновская картина подлинно человеческого, т. е. философского существования стала основной целью, которую затем хотели достигнуть стоики, скептики, эпикурейцы. У стоиков мы можем найти указание на необходимость освобождения от страстей, излишних желаний, у скептиков — от бесцельного и бесплодного умствования. Эпикур стремился найти удовлетворение в общении с друзьями и в философской беседе.

Достоевскому хорошо были знакомы эти платонические переживания. Он любил часы подобного философского общения. Н. Страхов свидетельствует, что ему приходилось неоднократно беседовать с Достоевским на философские темы, и он всегда удивлялся подвижности ума Достоевского. Страхов делает признание, что философские беседы с Достоевским были лучшими часами его жизни. Такое признание мог бы сделать и Достоевский. Дуальное общение как высшую форму человеческого существования утверждает Достоевский в своем творчестве.

Героя Достоевского живут в обществе и вступают в общение с другими людьми. В способах их существования и в их формах общения с другими людьми выражаются глубокие черты их личности. Эти способы жизни персонажей романов Достоевского являются

многозначительными. В произведениях Достоевского находим три модуса существования человека: коллективность, одиночество, дуальность. Эти различные формы человеческого существования возникают на основе общественного бытия, что Достоевский показывает очень ясно. Человек Достоевского может пребывать во всех этих формах существования, сохраняя при этом свою индивидуальность.

Несомненно, некоторые герои Достоевского обнаруживают подлинную социальную установку своего сознания. Шатов мыслит о народе как высшей ценности жизни и желает жить и трудиться на благо общества. Петр Верховенский стремится создать боевую группу для борьбы с самодержавием. Кириллов свой акт своеволия все же рассматривает как некоторый пример для других. Даже Раскольников свое индивидуалистически определенное преступление иногда склонен оценивать как средство для пробуждения некоторых чувств и стремлений у других людей. Однако такая осознанная социальность сознания свойственна далеко не всем героям Достоевского. Ставрогин, Версиков, Иван Карамазов не признают никаких обязательств и сохраняют за собой право на любой поступок. Вхождение в коллектив и пребывание в нем они рассматривают как форму их личного хотения-существования. Все же некоторой степенью желая находиться в каком-либо коллективе и потребности вступить в общение с другими людьми обладают они все. Социальность у большинства людей Достоевского приобретает форму общительности. Они, хотя бы по временам, желают быть среди других людей. Им желательна именно людская множественность, вызывающая у них, если не удовольствие, то возбуждение. Таким образом люди Достоевского — совсем не отшельники или затворники. Некоторые из них даже весьма общительны. Таковы капитан Лебядкин, Липутин. Последний вхож во многие семьи городских обитателей и находится в курсе всех семейных неурядиц и конфликтов. Мышкин, Ставрогин и Петр Верховенский бывают в светском обществе. Герои романов Достоевского вступают в различные коллективные организации. В романе «Бесы» существуют три таких образования: политическая организация Петра Верховенского, кружок Степана Трофимовича Верховенского и общество Юлии Михайловны Лембке. Эти общества не отделены строго одно от другого. Некоторые герои Достоевского являются членами всех этих коллективных образований. Наконец, некоторые персонажи романов Достоевского служат. Для них существуют служебные обязанности Любопытно отношение Достоевского к трудовой деятельности. Сам он был большим тружеником. Работая он колоссально много. Однако писать о труде он не любил. Тем не менее в романах Достоевский с искренней симпатией говорит о трудовых и служащих слоях населения (ремесленниках, рабочих). О деятельности городской администрации Достоевский пишет насмешливо, сатирически. Однако герои Достоевского являются людьми ничем не занятыми. У них нет трудовых или служебных обязанностей. Некоторые персонажи его романов служат или заняты трудовой деятельностью, тем не менее писатель не считает нужным показать, как они проявляют себя на этом поприще. Кириллов — инженер, строитель городского моста. Принимая во внимание его серьезность, развитое у него сознание обязанности и ответственности, можно полагать, что он и на службе проявляет себя опытным, добросовестным работником. Но писатель ничего об этом не говорит. Личность Кириллова в романе раскрывается в других сферах его жизни. Рогожин получил большое наследство после смерти отца. Настасья Филипповна и Мышкин не один раз говорят о том, что он очень похож на отца и, наверное, пойдет по его дороге. Достоевский ничего не пишет о том, как он продолжает отцовское дело. Свое характерное раскрытие Рогожин получает в общении с Настасьей Филипповной и Мышкиным, Липутин по всем признакам является аккуратным, исполнительным чиновником Петербургской школы. Свое место он занимает прочно. Только при этом условии он может быть крепким хозяином, имеющим свой дом, свое хозяйство, обеспеченное существование. Однако, Достоевский не считает нужным говорить о том, каким выступает Липутин на службе. Достоевский ценил трудовую деятельность, утверждал необходимость труда. Шатов требует, чтобы правду жизни добывали крестьянским трудом.

Тем не менее Достоевскому было ясно, что в старой России служба была скучна, пуста, труд был безрадостным и изнурительным. Он не давал удовлетворения человеку того времени.

Пребывание среди других людей не приносило радости героям Достоевского. Слишком много в этом обществе вызывало у них неприязнь и злобу. Возникающие у них отрицательные чувства сопровождались стремлением выразить свое пренебрежение или презрение к людям, с которыми они вступали в общение. Таковыми были Раскольников, Ставрогин, Петр Верховенский, Версиков, Иван Карамазов. Они готовы совершать поступки, оскорбляющие общество. Общительность у людей Достоевского носит какой-то двусмысленный характер. Стремление пребывать в обществе других людей не вызывает у них дружелюбия и доброжелательности. Их стремление быть в обществе других людей сопровождается желанием сделать этим людям что-либо неприятное, унижающее их. Их общение с другими людьми носит какой-то характер несогласия, раздора, борьбы. В своих беседах со Ставригиным Шатов и Петр Верховенский часто пере ходят от мирной беседы к угрозам и брани.

По Достоевскому, важным условием познания человека является выключение его из общения и восприятие его в то время, когда он находится один. В одиночестве проявляются глубокие свойства человеческой психики. Одиноким человек Достоевского оказывается не потому, что около него никого нет, а потому, что у него оборваны живые связи, соединяющие его с другими людьми. Присутствие или отсутствие людей для героя Достоевского часто оказывается безразличным. Эти обстоятельства не изменяют его. Герои романов Достоевского — одинокие люди. Даже когда одиночество вовсе для них не обязательно или навязано судьбой, они все же предпочитают одинокое существование. Раскольников сам чуждается семьи, товарищей. Версиков в период обострения внутренних исканий уходит из семьи. То же самое делает Иван Карамазов. Для героев Достоевского одиночество — необходимая форма жизни. Все они бывают в обществе, в коллективе, но одиночество для них необходимо для того, чтобы продолжать жить.

Одиночество героев Достоевского наполнено сложным психологическим содержанием. Человек хочет остаться в одиночестве. Пребывание среди других людей ему неприятно, часто вызывает у него раздражение. Иногда даже свидание с близкими родственниками, которых он любит, вызывает у него страдание, которое затем переходит в озлобление. Он испытывает стыд за себя, стремится скрыть себя. В конце концов, свидание с другими людьми вызывает у него чувство унижения, и человек Достоевского уходит в одиночество. Эта смена переживаний особенно ясно проявляется у Раскольникова и Ставригина. Люди Достоевского — философы, они обречены мыслить. Их пребывание в одиночестве представляет философский поиск. Иногда их мышление принимает форму спора, но не с наличествующим, а с воображаемым собеседником. Герои Достоевского, избегающие общества, в своем сознании размышляя, вступают в общение с другими людьми. Их сознанию свойственна внутренняя или воображаемая публичность. Так мыслит Иван Карамазов. Эти формы мышления в романах Достоевского проникнуты потрясающими чувствами. Сам Достоевский, характеризуя такое мышление, говорил об идеях-чувствах, идеях-страстях.

Предметом мышления героев Достоевского являются они сами. Однако их мышление носит универсальный характер. Они хотят выяснить не только свои связи с другими людьми и свое положение среди них. Их размышления о себе захватывают общество и целый космос. Найти смысл собственного существования для них равносильно нахождению смысла всего бытия. Так это происходит у Кириллова, Шатова, у Ивана Карамазова. В то же время философствование у героев романов Достоевского — процесс затянувшейся самопроверки. В результате такой самопроверки основные герои романов Достоевского приходят к отрицательной оценке своей личности. У Раскольникова, Свидригайлова, Ставригина, Шатова, Ивана Карамазова возникает мнение, что в их жизни нет жизни, что они оторваны от источников подлинного бытия. Пребывание героев Достоевского в одиночестве не приносит им удовлетворения. Они охвачены мрачными противоречивыми стремлениями. Они не

удовлетворены сами собой, их пребывание в одиночестве оказывается отчаянной борьбой с собой. Одиночество полно страданий. Их бытие раздирают противоречивые стремления. Они не выносят своего одиночества. Вся жизнь героев Достоевского представляет бегство от самих себя. Раскольников не может оставаться в своей комнате, но таковы и Мышкин, Версиков, Иван Карамазов. Они ищут выход из охватившего их кризиса и разрешение его находят в дуальности своего существования.

В художественной системе идей и образов Достоевского особое значение имеет число два. Такое явление в творчестве Достоевского отмечалось. Бесспорным стал факт: герои Достоевского стремятся к другому человеку, вступают с ним в общение. Однако в решающих случаях общающихся всегда оказывается только двое. В романе «Преступление и наказание» в беседу вступают Раскольников и Соня, Раскольников и Свидригайлов, в романе «Идиот» — Мышкин и Рогожин, в романе «Бесы» — Ставрогин и Петр Верховенский, Ставрогин и Кириллов, Ставрогин и Шатов, в романе «Подросток» разговор ведет Версиков с Аркадием, в романе «Братья Карамазовы» собеседование происходит между Алешей и Иваном, между Иваном и Смердяковым. Таким образом изображение общения между двумя является характерной чертой творчества Достоевского. По мысли писателя, в океане социальности существуют острова дуальности. Они необходимы для человеческого существования.

Героя Достоевского бывают в обществе, они много времени проводят в одиночестве, но высказываются они и раскрывают глубины своей души именно в дуальных беседах. В произведениях Достоевского дуальность является особой формой человеческого существования наряду с коллективностью и одиночеством и в качестве таковой обладает своими специфическими особенностями. Дуальности свойственны черты как индивидуального, так и коллективного человеческого бытия. Дуальность разом индивидуалистична и коллективистична. Ей свойственен момент отнесенности к другому человеку, как это бывает в коллективе. Тем не менее дуальность самооткрыта, как это только возможно в жизни индивида,

В романах Достоевского дуальная беседа имеет значение чего-то окончательного, завершающего. За каждой такой встречей лежит весь жизненный путь собеседника. Человек нашел окончательное решение, в котором сосредоточена его жизнь. Возникает пламенное стремление высказаться и раскрыть себя. Для героев Достоевского раскрытие самого себя — акт большого жизненного значения. Человек только и жил для этого действия. Вследствие такой важности дуальной беседы человек Достоевского не может себя раскрыть перед случайным встречным. Выступления героев Достоевского в дуальной беседе — это своего рода исповедь, содержание которой должно остаться в тайне. Человек может себя раскрыть собеседнику, с которым он связан глубокими внутренними связями. Для Шатова, Кириллова, Петра Верховенского таким слушателем и собеседником может быть только Ставрогин, для Ивана Карамазова — Алеша. Беседа людей Достоевского напоминает завещание. Она содержит идеи, которыми жило говорящее лицо, которые не чужды и слушателю, но теперь выступающий с речью окончательно передает их своему собеседнику для их дальнейшего совершенствования и продвижения.

Основой всего творчества Достоевского является идея о подлинной человечности и истинном человеческом существовании. Таковую истинную человеческую сущность Достоевский видел в платонической любви. Среди всеобщего разложения убеждений религиозных, моральных, эстетических, идея платонической любви сохраняет, по Достоевскому, свое основополагающее значение. Достоевский в своих произведениях раскрывает свойства или особенности этого переживания. Платоническая любовь в романах Достоевского — это не половая любовь. Она очищена от всякого секса. Предметом такой любви выступает обожаемое существо. Поклонник обожает его и преклоняется перед ним. Любовь вызывает стремление к уподоблению и превращает поклонника в «двойника» обожаемого существа. Эта любовь сопровождается также стремлением к дуальной форме общения, позволяющей раскрыть

глубины души собеседников. В романах Достоевского представлена философская любовь, она — основание для свободного мышления, в котором философия равняется философствованию. Для такой философии каждая законченная мысль ценна не сама по себе, а лишь как повод для новой мысли. По Достоевскому, подлинное существование человека соединяет в себе эти формы человеческого мышления и человеческого поведения. Подобного рода явления совместной жизни людей, в известной мере очерченные в диалогах Платона, получают полное, всестороннее раскрытие в творчестве Достоевского, изобразившего личность в иных социально-исторических условиях.

Литература

1. *Кон И.* Дружба // Новый мир. 1973. № 7.
2. *Белкин А. А.* Достоевский. М., 1956.
3. *Гроссман Л. О.* Достоевский художник // Творчество Достоевского. 1969
4. *Бурсов Б.* Личность Достоевского // Звезда. 1968. № 12
5. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. 1963
6. *Б. Бурсов* Личность Достоевского // Звезда. 1968. № 12

PLATON and DOSTOEVSKIY

Anoshkina-Kasatkina V.N.,
doctor of philology, professor

Kasatkin N.V.,
candidate of psychological sciences, psychologist, literary critic, teacher

Abstract: the article examines the significance of F. Dostoyevsky for Russian literature, the philosophical views of F. Dostoyevsky, the basis of the philosophy of his views. The influence of Plato's ideas on the works of F. Dostoyevsky is also considered.

Key Words: Russian literature, Dostoevsky, philosophical influence, Plato's idealism, idol, duality of relations.

References

1. Kon I. *Druzhba* // *Novyj mir*. 1973. № 7.
2. Belkin A. A. *Dostoevskij*. M., 1956.
3. Grossman L. O. *Dostoevskij hudozhnik* // *Tvorchestvo Dostoevskogo*. 1969
4. Bursov B. *Lichnost' Dostoevskogo* // *Zvezda*. 1968. № 12
5. Bahtin M. M. *Problemy poehtiki Dostoevskogo*. 1963
6. B. Bursov *Lichnost' Dostoevskogo* // *Zvezda*. 1968. № 12.

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
первая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 30-41.

Voropaev V.A.
The death of Gogol as a testament to his
descendants. Article 1
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 30-41.

«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»

Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья первая¹

Воропаев В.А.,

*доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова voropaevvl@bk.ru*

В статье предпринята попытка на основании достоверных документальных фактов восстановить картину последних дней жизни Н.В. Гоголя, дать ответ на вопросы, без решения которых создание научной биографии писателя невозможно. В них концентрируются духовные, мировоззренческие, творческие проблемы. В частности, рассмотрены события, связанные с кончиной Е.М. Хомяковой, в которых Гоголь, по свидетельству современников, увидел некое предвестие для себя.

Ключевые слова: Гоголь, религиозное мировоззрение, предсмертные дни, кончина Е.М. Хомяковой, Евангелие, откровение.

Для цитаты:

Воропаев В.А., «КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!» Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №4. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Voropaev_1.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Voropaev V.A. "HOW SWEET IT IS TO DIE!" The Death of Gogol as a Testament to His Descendants. Article 1 [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 4. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Voropaev_1.shtml (Accessed dd.mm.yyyy)

Предсмертная болезнь, сожжение рукописей и кончина Гоголя донныне являются предметом размышлений для биографов. Внезапная, без видимых причин смерть Гоголя потрясла современников, воспринявших ее как завершение трагедии его жизни и творчества. 3 марта 1852 года Иван Сергеевич Тургенев писал Ивану Сергеевичу Аксакову из Петербурга: «...скажу Вам без преувеличения, с тех пор, как я себя помню, ничего не произвело на меня такого впечатления, как смерть Гоголя <...>. Эта страшная смерть – историческое событие – понятна не сразу: это тайна, тяжелая, грозная тайна – надо стараться ее разгадать... но ничего отрадного не найдет в ней тот, кто ее разгадает... все мы в этом согласны. Трагическая судьба России отражается на тех из русских, кои ближе других стоят к ее недрам – ни одному человеку, самому сильному духом, не выдержать в себе борьбу целого народа – и Гоголь погиб!

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 16-04-00523а («Ганатологический дискурс русской словесности XI–XX веков в аспекте межкультурной коммуникации»).

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
первая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 30-41.

Voropaev V.A.
The death of Gogol as a testament to his
descendants. Article 1
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 30-41.

Мне, право, кажется, что он умер, потому что решился, захотел умереть...» (Гоголь в письмах и воспоминаниях И.С. Тургенева, его друзей и знакомых) [2, т. 3, с. 822–823].

Задача исследователя на основании достоверных документальных фактов восстановить картину последних дней жизни Гоголя, дать ответ на вопросы, без решения которых создание научной биографии писателя невозможно. В них концентрируются духовные, мировоззренческие, творческие проблемы.

<1>

Последние четыре года Гоголь прожил в Москве в доме графа Александра Петровича Толстого на Никитском бульваре. Граф Толстой был единственным человеком, который мог бы подробно – по дням – рассказать о том, что происходило с Гоголем в последний месяц жизни. Но он не оставил письменных воспоминаний. Естественно, что к нему сразу после смерти Гоголя обратились с вопросами. Устные рассказы графа Толстого стали основным источником сведений о последних днях Гоголя, сообщенных М.П. Погодиным в некрологической статье, опубликованной в журнале «Москвитянин» через две недели после кончины писателя, Н.В. Бергом в его воспоминаниях, С.П. Шевыревым в его письме к сестре Гоголя Марии Николаевне Синельниковой, доктором А.Т. Тарасенковым в его записках.

Гоголь жил в доме графа Толстого на всем обеспечении, ни в чем не нуждаясь. Он занимал переднюю часть нижнего этажа: две комнаты окнами на улицу (покои графа располагались наверху). Поэт и переводчик Николай Васильевич Берг вспоминал: «Здесь за Гоголем ухаживали как за ребенком, предоставив ему полную свободу во всем. Он не заботился ровно ни о чем. Обед, завтрак, чай, ужин подавались там, где он прикажет. Белье его мылось и укладывалось в комоды невидимыми духами, если только не надевалось на него тоже невидимыми духами. Кроме многочисленной прислуги дома служил ему, в его комнатах, собственный его человек, из Малороссии, именем Семен, парень очень молодой, смиренный и чрезвычайно преданный своему барину. Тишина во флигеле была необыкновенная» (Гоголь в воспоминаниях и письмах Н.В. Берга) [2, т. 3, с. 649].

В начале 1852 года Гоголь еще готовит к печати собрание своих сочинений. Намеков на болезнь в это время не было. За девять дней до Масленицы, то есть 25 января, Гоголя посетил земляк и старый приятель историк-славист Осип Максимович Бодянский. Он застал его за столом, на котором были разложены бумаги и корректурные листы. Гоголь пригласил Бодянского на воскресенье (27 января) к Ольге Федоровне Кошелевой (жившей неподалеку, на Поварской) слушать малороссийские песни. Однако встреча не состоялась.

26 января умерла после непродолжительной болезни Екатерина Михайловна Хомякова, тридцати пяти лет от роду, оставив семерых детей, человек Гоголю близкий и дорогой: она была женой Алексея Степановича Хомякова (Гоголь был крестным отцом их сына Николая) и сестрой одного из ближайших друзей Гоголя, поэта Николая Языкова².

Кончина Екатерины Михайловны Хомяковой в январе 1852 года явилась трагической вехой в истории русской культуры. Для тесного круга московского просвещенного дворянства, с его родственными и дружескими связями, эта смерть стала тяжелой утратой. Можно предположить, что Екатерина Михайловна была незримым средоточием духовной жизни

² Екатерина Михайловна заболела тифом на седьмом месяце беременности и скончалась «на третий день по разрешении от бремени» (Дневник Елизаветы Ивановны Поповой. 1847–1852) [7, с. 284]. Родившийся мальчик прожил несколько часов.

кружка московских славянофилов. Это подтверждает и поведение Гоголя во время ее болезни и кончины.

27 января на первой панихиде по Екатерине Михайловне Гоголь «насилу мог остаться до конца» (из письма В.С. Аксаковой к М.И. Гоголь-Яновской от 11 мая 1852 года) (Гоголь в письмах и записных книжках В.С. Аксаковой) [2, т. 2, с. 887] и сказал Хомякову: «Все для меня кончено» (из письма А.С. Хомякова к А.Н. Попову от конца февраля 1852 года) (Гоголь в письмах А.С. Хомякова и его жены Е.М. Хомяковой (рожденной Языковой) [2, т. 3, с. 198]. Тогда же, по свидетельству Степана Петровича Шевырева, друга и душеприказчика Гоголя, он произнес перед гробом покойной и другие слова: «Ничего не может быть торжественнее смерти. Жизнь не была бы так прекрасна, если бы не было бы смерти» (Гоголь в письмах и документах С.П. Шевырева) [2, т. 2, с. 111].

На следующий день, 28 января, Гоголь зашел к сестрам Аксаковым, жившим в ту зиму на Арбате, в Николо-Песковском переулке, – спросил, где похоронят Екатерину Михайловну. Получив ответ, что в Даниловском монастыре, возле брата Николая Михайловича, он, вспоминая Вера Сергеевна Аксакова, «покачал головой, сказал что-то об Языкове и задумался так, что нам страшно стало: он, казалось, совершенно перенесся мыслями туда и так долго оставался в том же положении, что мы нарочно заговорили о другом, чтоб прервать его мысли» (Гоголь в письмах и записных книжках В.С. Аксаковой) [2, т. 2, с. 887].

29 января, во вторник, состоялись похороны Хомяковой, на которые Гоголь не явился. Существует предположение, что в этот день он ездил в Преображенскую больницу для умалишенных, находившуюся в Сокольниках, к знаменитому московскому блаженному Ивану Яковлевичу Корейше³. В записках доктора Алексея Терентьевича Тарасенкова (и только в них) упоминается об этой загадочной поездке, которую он относит ко времени после 7 февраля: «В один из следующих дней он поехал в Преображенскую больницу на извозчике. Подъехав к воротам больничного дома, он слез с санок, долго ходил взад и вперед у ворот, потом отошел от них, долгое время оставался в поле, на ветру, в снегу, стоя на одном месте, и, наконец, не входя во двор, опять сел в сани и велел ехать домой» [12, с. 17].

Тарасенков не сообщает источника этих сведений. Вероятнее всего предположить, что он получил их от графа А.П. Толстого. Об Иване Яковлевиче Корейше Гоголь мог узнать от многих лиц. В частности, 10 мая 1849 года (на другой день после празднования именин Гоголя) у Корейши побывал историк Михаил Петрович Погодин, который записал в своем дневнике: «Ездил в Преобр<аженское> смотреть Иван<а> Яковл<евича>. – Примечатель<ное> явление. Как интересны приходящие. Напишу особо. Я не спрашивал, но, может быть, он говорил что-то и на мой счет, впрочем, не ясно» (Гоголь в письмах, дневниках и воспоминаниях М.П. Погодина) [2, т. 2, с. 497]; и на следующий день, 11 мая: «Обед<ал> <с> Гогол<ем> и гов<орил> с ним об обеде, Хом<якове>, Ив<ане> Як<овлевиче> и пр.» [там же].

Биографам Гоголя остался неизвестным факт посещения Корейши духовным отцом писателя протоиереем Матфеем Константиновским⁴. Об этом посещении рассказывает со слов самого отца Матфея схиархимандрит Михаил (в мире Макарий Косьмич Козлов, в рясофоре Мелетий), духовный писатель (ему приписывают авторство известной книги «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу»).

³ «В пользу указанного дня поездки говорит тот факт, что в это время Гоголь, пораженный смертью Хомяковой, находился в смятении и страшных предчувствиях, не имея духовной поддержки, и стремление встретиться с юродивым было для него, возможно, более важным, чем похороны Хомяковой» [13, с. 169].

⁴ На основании косвенных данных можно предполагать, что этот факт имел место в конце января или начале февраля 1852 года и был известен Гоголю.

«В 1853 году мне пришлось быть в городе Ржеве (Тверской губернии), – вспоминал отец Михаил, – и беседовать с известным целой России по добродетельной жизни отцом-протоиереем Матфеем⁵ Александровичем, который между прочими духовными разговорами говорил о предсказании ему юродивым Иваном Яковлевичем [Корейшей], проживавшим несколько десятков лет в Москве при доме умалишенных:

"Года два тому назад вздумал я, – говорил отец Матфей, – устроить придел во имя преподобного Дионисия, архимандрита Св<ято>-Троицкой Сергиевой лавры, в нашем Ржевском соборе, но средств к этому никаких не было. В это время по неожиданному случаю я вызван был в Москву, где по окончании своих дел, вздумал посетить Ивана Яковлевича, о котором много слышал хорошего. На вопрос мой, – будет ли успех в моем намерении устроить придел в соборе? – он вместо ответа позвал к себе служителя и приказал ему принести маленький рассыпавшийся бочонок, что служитель немедленно исполнил. Иван Яковлевич начал прилежно исправлять бочонок, который через несколько минут и был готов, так что как будто нисколько не был поврежден: дощечки, донышки и обручи были все на своем месте, ни одной щелочки было не видно. Исправленный бочонок он передал мне с сими словами: "На-ка, посмотри, ведь, кажется, хорош будет, не потечет".

«После этого, – продолжил свой рассказ отец Матфей, – я ничего не слышал от Ивана Яковлевича и возвратился в свой город Ржев. Находясь дома, при разговоре с одним благотворительным лицом, я объяснил ему свое намерение устроить новый предел. "Что же, это дело хорошее, начинайте, Бог вам поможет", – так мне ответил благотворительный собеседник и ушел из моего дома. Через несколько дней после этого разговора начали являться ко мне один по одному из богатых граждан, каждый со своим заявлением помогать добродетельному мною делу материальными средствами: один обещался пожертвовать кирпичи, другой – лесу, третий – написать иконы, четвертый – устроить иконостас, а пятый – заплатить за работу. И таким образом, без дальних хлопот с моей стороны, при Божией помощи и помощи благотворительных граждан наших, которых я и не просил о пособии, предел устроен был в прекрасном виде, как вы видите, через непродолжительное время. Значит, предсказание Ивана Яковлевича посредством собранного им рассыпанного бочонка сбылось со мною на самом деле", – заключил покойный отец Матфей» (Записки и письма обратившегося из раскола Афонского инок Мелетия, в схиме Михаила, 1850-х годов. Воспоминание о сбывшихся предсказаниях, [данных] двумя юродивыми. [Афонский вариант текста издания 1916 года]) [8, с. 258; см. также 5, с. 11–12].

Доктор Тарасенков к рассказу о поездке Гоголя сделал примечание: «По случаю дурной погоды, он мог в такую прогулку простудиться; впрочем, начало и течение болезни не показывали простудного (острого) характера. <...> В Преображенской больнице находится один больной (Иван Яковлевич), признанный за помешанного; его весьма многие навещают, приносят ему подарки, испрашивают у него советов в трудных обстоятельствах жизни, берегут его письменные замечания и проч. Некоторые радуются, если он входит с ними в разговор; другие стыдятся признаться, что у него были... Зачем ездил Гоголь в Преображенскую больницу – Бог весть» [12, с. 17–18].

У Ивана Яковлевича Корейши бывали и люди высшего света, – их привлекала к нему его прозорливость. Не пришло ли и к Гоголю желание узнать волю Божию о себе через Божьего человека? И вот он поехал, а в последнюю минуту убоился (страшной могла оказаться правда).

30 января Гоголь в своем приходе заказал панихиду по Екатерине Михайловне. Дом графа А.П. Толстого относился к приходу церкви Преподобного Симеона Столпника, что на Поварской. После панихиды он зашел к Аксаковым, сказал, что ему стало легче. «Но страшна

⁵ Отец Михаил ошибочно пишет «Матфий» вместо «Матфей».

минута смерти!», – добавил он. «Почему же страшна? – возразил кто-то из Аксаковых. – Только бы быть уверену в милости Божией к страждущему человеку, и тогда отрадно думать, что он умрет». – «Ну, об этом надобно спросить тех, кто перешел через эту минуту», – ответил он [2, т. 2, с. 887].

На вопрос, почему его не видели на похоронах Хомяковой, Гоголь ответил: «Я не был в состоянии». «Вполне помню, – рассказывает Вера Сергеевна Аксакова, – он тут же сказал, что в это время ездил далеко. – Куда? – В Сокольники. – Зачем? – спросили мы с удивлением. – Я отыскивал своего знакомого, которого, однако же, не видал» [там же, с. 890].

В Сокольниках жил близкий знакомый Гоголя Московский гражданский губернатор Иван Васильевич Капнист и находилась также дача С.П. Шевырева. По всей видимости, упоминанием о «знакомом» Гоголь просто скрыл свое намерение посетить Корейшу. К тому же Степан Петрович тогда был на погребении Хомяковой. Все мысли и чувства Гоголя в те тяжкие дни заняты трагической смертью Екатерины Михайловны, и потому можно предположить, что цель поездки связана с событиями последних дней, и она была для Гоголя важнее даже похорон Хомяковой.

<2>

Екатерина Михайловна Хомякова была весьма примечательной личностью в кругу московских славянофилов. Происходила она из старинного рода симбирских дворян Языковых. Рано оставшись без отца, она жила с матерью, которая вела уединенный образ жизни. Сергей Нилус в книге «Великое в малом» рассказывает, что Екатериной Михайловной в ранней молодости был увлечен Николай Александрович Мотовилов («служба Божией Матери и Серафимов», как он впоследствии себя называл). Она привлекла его прежде всего свойствами своей высокорелигиозной души. На вопрос о ней преподобного Серафима, Саровского чудотворца, Мотовилов отвечал: «Она хоть и не красавица в полном смысле этого слова, но очень миловидна. Но более всего меня в ней прельщает что-то благодатное, божественное, что просвечивается в лице ее» [6, с. 142].

И далее, в ответ на расспросы старца, он рассказал: «Отец ее, Михаил Петрович Языков, рано оставил ее сиротой, пяти или шести лет, и она росла в уединении при больной своей матери, Екатерине Александровне, как в монастыре, – всегда читывала ей утренние и вечерние молитвы, и так как мать ее была очень религиозна и богомольна, то у одра ее часто бывали и молебны, и всенощные. Воспитываясь более десяти лет при такой боголюбивой матери, и сама она стала как монашеская. Вот это-то мне в ней более всего и в особенности нравится» [там же].

Надежда видеть Екатерину Михайловну своей женой не покидала Мотовилова вплоть до мая 1832 года, когда он сделал предложение (и получил окончательный отказ), – и это несмотря на предсказание преподобного Серафима, что он женится на крестьянке.

В июле 1836 года Екатерина Михайловна вышла замуж за Алексея Степановича Хомякова⁶ и вошла в круг его друзей. Среди них был и Гоголь, который вскоре стал с ней особенно дружен. Издатель журнала «Русский Архив» Петр Иванович Бартенев, не раз встречавший его у Хомяковых, свидетельствует, что «по большей части он уходил беседовать с

⁶ По свидетельству биографа, «после матери этой женщине <...> суждено было иметь огромное влияние на выработку внутреннего мира Хомякова» [9, с. 5].

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
первая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 30-41.

Voropaev V.A.
The death of Gogol as a testament to his
descendants. Article 1
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 30-41.

Екатериною Михайловною, достоинства которой необыкновенно ценил» (воспоминания П.И. Бартенева в записи его дочери Т.П. Бартеневой) [2, т. 3, с. 699].

Дочь Алексея Степановича Мария со слов отца передавала, что Гоголь, не любивший много говорить о своем пребывании в Святой Земле, одной Екатерине Михайловне рассказывал, «что он там почувствовал» (Хомякова М.А. Записная книга) [2, т. 2, с. 203].

Едва ли когда-нибудь можно будет до конца понять, почему смерть Екатерины Михайловны произвела такое сильное впечатление на Гоголя. Несомненно, что это было потрясение духовное. Нечто подобное произошло и в жизни Хомякова. Об этом мы можем судить по запискам Юрия Федоровича Самарина, которые священник отец Павел Флоренский называл документом величайшей биографической важности: «Это чуть ли не единственное свидетельство о внутренней жизни Хомякова, притом о наиболее тонких движениях его души, записанное другом и учеником и вовсе не предназначавшееся для печати» [14, с. 321–322]. Остановимся на данном свидетельстве, чтобы уяснить, какое значение смерть жены имела для Хомякова.

«Узнав о кончине Екатерины Михайловны, – рассказывает Самарин, – я взял отпуск и, приехав в Москву, поспешил к нему (Хомякову. – *В. В.*). Когда я вошел в его кабинет, он встал, взял меня за обе руки и несколько времени не мог произнести ни одного слова. Скоро, однако, он овладел собою и рассказал мне подробно весь ход болезни и лечения. Смысл рассказа его был тот, что Екатерина Михайловна скончалась вопреки всем вероятностям вследствие необходимого стечения обстоятельств: он сам ясно понимал корень болезни и, зная твердо, какие средства должны были помочь, вопреки своей обыкновенной решительности усомнился употребить их. Два доктора, не узнав болезни, которой признаки, по его словам, были очевидны, впали в грубую ошибку и превратным лечением произвели болезнь новую, истощив все силы организма. Он все это видел и уступил им <...> Выслушав его, я заметил, что все кажется ему очевидным теперь, потому что несчастный исход болезни оправдал его опасения и вместе с тем изгладил из его памяти все остальные признаки, на которых он сам, вероятно, основывал надежду на выздоровление. <...>

Тут он остановил меня, взяв меня за руку: "Вы меня не поняли: я вовсе не хотел сказать, что легко было спасти ее. Напротив, я вижу с сокрушительной ясностью, что она должна была умереть для меня, именно потому, что не было причины умереть. Удар был направлен не на нее, а на меня. Я знаю, что ей теперь лучше, чем было здесь, да я-то забывался в полноте своего счастья. Первым ударом я пренебрег; второй – такой, что его забыть нельзя". Голос его задрожал, и он опустил голову; через несколько минут он продолжал: "Я хочу вам рассказать, что со мною было. Тому назад несколько лет я пришел домой из церкви после причастия и, развернув Евангелие от Иоанна, я напал на последнюю беседу Спасителя с учениками после Тайной вечери. По мере того, как я читал, эти слова, из которых бьет живым ключом струя безграничной любви, доходили до меня все сильнее и сильнее, как будто кто-то произносил их рядом со мною. Дойдя до слов: «*вы друзья мои есте*» <Ин. 15, 14>, я перестал читать и долго вслушивался в них. Они проникали меня насквозь. На этом я заснул.

На душе сделалось необыкновенно легко и светло. Какая-то сила подымала меня все выше и выше, потоки света лились сверху и обдавали меня; я чувствовал, что скоро раздастся голос. Трепет проникал по всем жилам. Но в одну минуту все прекратилось; я не могу передать вам, что со мною сделалось. Это было не привидение, а какая-то темная непроницаемая завеса, которая вдруг опустилась передо мною и разлучила меня с областью света. Что на ней было, я не мог разобрать; но в то же мгновение каким-то вихрем пронеслись в моей памяти все праздные минуты моей жизни, все мои бесплодные разговоры, мое суетное тщеславие, моя лень, мои привязанности к житейским дрязгам. Чего тут не было! Знакомые лица, с которыми Бог знает почему сходилась и расходилась, вкусные обеды, карты, бильярдная игра, множество

таких вещей, о которых, по-видимому, никогда я не думаю и которыми, казалось мне, я нисколько не дорожу. Все это вместе слилось в какую-то безобразную массу, налегло на грудь и придавило меня к земле.

Я проснулся с чувством сокрушительного стыда. В первый раз почувствовал я себя с головы до ног рабом жизненной суеты. Помните, в отрывках, кажется, Иоанна Лествичника эти слова: «Блажен, кто видел ангела; сто крат блаженнее, кто видел самого себя»⁷. Долго я не мог оправиться после этого урока, но потом жизнь взяла свое. Трудно было не забыться в той полноте невозмутимого счастья, которым я пользовался. Вы не можете понять, что значит эта жизнь вдвоем. Вы слишком молоды, чтобы оценить ее". Тут он остановился и несколько времени молчал, потом прибавил: "Накануне ее кончины, когда уже доктора повесили головы и не оставалось никакой надежды на спасение, я бросился на колени перед образом в состоянии, близком к иступлению, и стал не то что молиться, а испрашивать ее от Бога. Мы все повторяем, что молитва всеильна, но сами не знаем ее силы, потому что редко случается молиться всею душой. Я почувствовал такую силу молитвы, какая могла бы растопить все, что кажется твердым и непроходимым препятствием: я почувствовал, что Божие всемогущество, как будто вызванное мною, идет навстречу моей молитве и что жизнь жены может быть мне дана. В эту минуту черная завеса опять на меня опустилась, повторилось, что уже было со мною в первый раз, и моя бессильная молитва упала на землю! Теперь вся прелесть жизни для меня утрачена. Радоваться жизни я не могу. <...> Остается исполнить мой урок. Теперь, благодаря Богу, не нужно будет самому себе напоминать о смерти, она пойдет со мной неразлучно до конца"».

«Я записал, – продолжает Самарин, – этот рассказ от слова до слова, как он сохранился в моей памяти; но, перечитав его, я чувствую, что не в состоянии передать того спокойно сосредоточенного тона, которым он говорил со мной. Слова его произвели на меня глубокое впечатление именно потому, что именно в нем одном нельзя было предположить ни тени самообольщения. Не было в мире человека, которому до такой степени было противно и несвойственно увлекаться собственными ощущениями и уступить ясность сознания нервическому раздражению. Внутренняя жизнь его отличалась трезвостью, – это была преобладающая черта его благочестия. Он даже боялся умиления, зная, что человек слишком склонен вменять себе в заслугу каждое земное чувство, каждую пролитую слезу; и когда умиление на него находило, он нарочно сам себя обливал струей холодной насмешки, чтобы не давать душе своей испаряться в бесплодных порывах и все силы ее опять направить на дела. Что с ним действительно совершалось все, что он мне рассказал, что в эти две минуты его жизни самопознание его озарилось откровением свыше, – в этом я так же уверен, как и в том, что он сидел против меня, что он, а не кто другой говорил со мною.

Вся последующая его жизнь объясняется этим рассказом. Кончина Екатерины Михайловны произвела в ней решительный перелом. Даже те, которые не знали его очень близко, могли заметить, что с сей минуты у него остыла способность увлекаться чем бы то ни было, что прямо не относилось к его призванию. Он уже не давал себе воли ни в чем. По-видимому он сохранял свою прежнюю веселость и общительность, но память о жене и мысль о смерти не покидали его. <...> Жизнь его раздвоилась. Днем он работал, читал, говорил, занимался своими делами, отдавался каждому, кому до него было дело. Но когда наступала ночь и вокруг него все улегалось и умолкало, начиналась для него другая пора. <...>

⁷ Точнее, не у преподобного Иоанна Лествичника, а у святого Исаака Сирина: «Кто сподобился увидеть самого себя, тот лучше сподобившегося видеть ангелов» (Слово 41) [3, с. 175].

Раз я жил у него в Ивановском. К нему съехалось несколько человек гостей, так что все комнаты были заняты и он перенес мою постель к себе. После ужина, после долгих разговоров, оживленных его неистощимою веселостью, мы улеглись, погасили свечи, и я заснул. Далеко за полночь я проснулся от какого-то говора в комнате. Утренняя заря едва-едва освещала ее. Не шевелясь и не подавая голоса, я начал всматриваться и вслушиваться. Он стоял на коленях перед походной своей иконой, руки были сложены крестом на подушке стула, голова покоилась на руках. До слуха моего доходили сдержанные рыдания. Это продолжалось до утра. Разумеется, я притворился спящим. На другой день он вышел к нам веселый, бодрый, с обычным добродушным своим смехом. От человека, всюду его сопровождавшего, я слышал, что это повторялось почти каждую ночь...» [14, с. 322–325].

Внутренняя жизнь Хомякова была скрыта от современников. Доктор А.Т. Тарасенков писал, что смерть Екатерины Михайловны не столько поразила ее мужа, как Гоголя. Известно, что тот внимательно следил за ходом болезни Хомяковой и полагал, что ее неправильно лечат. «Он часто навещал ее, – свидетельствует Тарасенков, – и, когда она была уже в опасности, при нем спросили у доктора Альфонского, в каком положении он ее находит». Тот отвечал вопросом: «Надеюсь, что ей не давали каломель, который может ее погубить?» Но Гоголю было известно, что каломель уже был дан. Он вбежал к графу А.П. Толстому и воскликнул: «Все кончено, она погибнет, ей дали ядовитое лекарство!» [12, с. 14]⁸.

Мемуаристы отмечали, что в кончине Екатерины Михайловны Гоголь увидел некое предвестие для себя. «Он еще имел дух утешать овдовевшего мужа, – писал доктор Тарасенков, – но с этих пор сделалась приметна его склонность к уединению; он стал дольше молиться, читал у себя Псалтирь по покойнице» [там же]. «Смерть моей жены и мое горе сильно его потрясли, – вспоминал Хомяков, – он говорил, что в ней для него снова умирают многие, которых он любил всей душою, особенно же Н.М. Языков» (Гоголь в письмах А.С. Хомякова и его жены Е.М. Хомяковой (рожденной Языковой) [2, т. 3, с. 198].

После кончины Екатерины Михайловны Гоголь постоянно молился. «Между тем, как узнали мы после, – рассказывал С.П. Шевырев, – большую часть ночей проводил он в молитве, без сна» [2, т. 2, с. 108]. По словам первого биографа Гоголя П.А. Кулиша, «во все время говенья

⁸Уже в наше время была предложена новая версия причины смерти Гоголя: он якобы был отравлен каломелем. «Особенность каломеля заключается в том, – пишет Константин Смирнов в статье «Тайна гения», – что он не причиняет вреда лишь в том случае, если сравнительно быстро выводится из организма через кишечник. Если же он задерживается в желудке, то через некоторое время начинает действовать как сильнейший ртутный яд сулема. Именно это, по-видимому, и произошло с Гоголем: значительные дозы принятого им каломеля не выводились из желудка, так как писатель в это время постился и в его желудке просто не было пищи. Постепенно увеличивающееся в его желудке количество каломеля вызвало хроническое отравление...» [11, см. также 10]. Однако из записок А.Т. Тарасенкова следует, что каломель Гоголю давал доктор С.И. Клименков в ночь на 21 февраля, за несколько часов до кончины писателя, когда тот был уже в беспамятстве. Утверждение, что каломелем «пичкал Гоголя каждый приступавший к лечению эскулап» произвольно и не подтверждается фактами. Невероятно предположить, что Гоголь стал бы принимать это «ядовитое лекарство» после случая с Хомяковой. Тот же Тарасенков свидетельствует: «О лекарствах аптечных он (Гоголь. – В.В.) имел понятие как о ядах и решительно отказывался от них; если же и принимал какое-либо лекарство, то скорее по совету тех, которые утверждали о его испытанной на себе пользе, нежели по назначению самих врачей» [12, с. 6].

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
первая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 30-41.

Voropaev V.A.
The death of Gogol as a testament to his
descendants. Article 1
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 30-41.

и прежде того – может быть, со дня смерти г-жи Хомяковой – он проводил большую часть ночей без сна, в молитве» [4, т. 2, с. 261].

Незадолго до своей кончины Гоголь на отдельном листке начертал крупным, как бы детским почерком: «Как поступить, чтобы признательно, благодарно и вечно помнить в сердце моем полученный урок? И страшная История Всех событий Евангельских...» [1, т. 6, с. 414]. Биографы гадают, что может означать данная запись. «К чему относились эти слова, – замечал Шевырев, – осталось тайной» [2, т. 2, с. 110]. Ю.Ф. Самарин говорил, что строки, написанные Гоголем перед кончиной, указывают на «какое-то полученное им свыше откровение» (из письма Ю.Ф. Самарина к Н.Ф. Самарину от 16 марта 1852 года) (Свидетельства о Гоголе братьев Ю.Ф. и Д.Ф. Самариных) [2, т. 3, с. 217]. Как знать, не идет ли здесь речь об уроке, сродни тому, который получил Хомяков?..

Литература

1. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. / Сост., подготовка текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.
2. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. / Издание подготовил И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013.
3. <Исаак Сирийский, преподобный.> Иже во святых отца нашего аввы Исаака Сириянина Слова подвижнические. М.: Издание Донского монастыря и изд-ва «Правило веры», 1993 / Репринтное издание: Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1911. XII, 435, X, 87 с.
4. <Кулиш П.А.> Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем: В 2 т. СПб.: В типографии Александра Якобсона, 1856.
5. Михаил (Козлов), архимандрит. Записки и письма / Богородице-Рождественский Бобринев монастырь Московской епархии; Издание подготовил И.В. Басин. М., 1996. 160 с.
6. Нилус С. Великое в малом. Новосибирск: Благовест, 1992 / Репринтное издание Свято-Троицкой Сергиевой лавры: Сергиев Посад, 1911. 392 с.
7. <Попова Е.И.> Дневник Елизаветы Ивановны Поповой. 1847–1852 / Под ред. кн. Н.В. Голицына; предисл. Л.В. Беловинского; Гос. публичная историческая библиотека России. М., 2013. 320 с. – (Вглядываясь в прошлое).
 - а. [Печ. по кн.: Попова Е.И. Дневник Елизаветы Ивановны Поповой / Под ред. кн. Н.В. Голицына. СПб., 1911. XV, 283 [6] с. – (Из московской жизни сороковых годов).]
8. Расев А.И., <протоиерей>. Очерк жизни в Бозе почившего Ржевского протоиерея о. Матфея Александровича Константиновского: Сводная редакция (1860–1890–1915) / [Вступ. статьи В. Воропаева; протоиерея А. Шабанова. Примеч. протоиерея А.И. Расева (в тексте)]. Тверь, 2017. 496 с.
9. Ромашков И.И. А.С. Хомяков, его жизнь и поэзия (По поводу сорокалетия со дня его кончины). М.: Университетская типография, 1900. 15 с.
10. Смирнов К. «Самосожжение Гоголя» – результат врачебной ошибки. Гоголь не уморил себя голодом, не сошел с ума, не умер от менингита, он был отравлен врачами! // Чудеса и приключения. М., 1995. № 11. С. 36–42.
11. Смирнов К. Тайна гения. Автор «Мертвых душ» не уморил себя голодом, не сошел с ума, не умер от менингита. Не исключено, что он просто был отравлен врачами // Труд – 7. М., 1996. 1 марта. № 7. С. 8.

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
первая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 30-41.

Voropaev V.A.
The death of Gogol as a testament to his
descendants. Article 1
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 30-41.

12. Тарасенков А.Т. Последние дни жизни Н.В. Гоголя. Изд. 2-е, доп. по рукописи. М.: Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1902. [2], 33 с.
13. Уракова Н. «...Прошу вас выслушать сердцем мою "Прощальную повесть"...» (О духовных причинах смерти Н.В. Гоголя) // Лепта. М., 1996. № 28. С. 164–180.
14. Флоренский П.А., священник. Около Хомякова (Критические заметки) // Флоренский П.А. Сочинения: В 4 т. Т. 2 / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачева. М.: Изд-во «Мысль», 1996. С. 278–336

"HOW SWEET IT IS TO DIE!"

The death of Gogol as a testament to his descendants. Article 1

Voropaev V.A.,

*Full Ph.D. (Philology), Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
voropaevvl@bk.ru*

The article attempts to reconstruct the picture of the last days of Gogol's life on the basis of reliable documentary facts, to answer the questions without the solution of which the creation of a scientific biography of the writer is impossible. They encircle spiritual, worldview and creative problems. In particular, the events related to the death of Khomyakova E.M., in which Gogol, according to contemporaries, saw a foreknowledge for himself, are considered.

Key Words: Gogol, religious world outlook, dying days, the death of Khomyakova, the Gospel, revelation.

References

1. Gogol N.V. Complete works and letters: In 17 t. / Comp., preparation of texts and comments. I.A. Vinogradova, V.A. Voropaeva. Moscow; Kiev: Publishing house of the Moscow Patriarchate, 2009–2010.
2. Gogol in memoirs, diaries, correspondence of contemporaries. Full systematic collection of documentary evidence. Scientific-critical edition: In 3 t. / The edition was prepared by I.A. Vinogradov. Moscow: IMLI RAS, 2011–2013.
3. <Isaac the Syrian, rev.> In the holy fathers of our Abba Isaac the Syrian. Words of the ascetic. Moscow: Publishing of the Donskoy Monastery and the Publishing House «The Rule of Faith», 1993 / Reprinted: Sergiev Posad: The Printing House of the Holy Trinity Sergius Lavra, 1911. XII, 435, X, 87 p.
4. <Kulish P.A> Notes on the life of Nikolai Vasilyevich Gogol, composed of the memoirs of his friends and acquaintances and from his own letters: In 2 t. St. Petersburg: In the printing house of Alexander Jacobson, 1856.
5. Michael (Kozlov), the archimandrite. Notes and Letters / The Theotokos-Rozhdestvensky Bobrenev Monastery of the Moscow Diocese; The publication was prepared by I.V. Basin. Moscow, 1996. 160 p.
6. Nilus S. The Great in the Small. Novosibirsk: Blagovest, 1992 / Reprinted edition of the Holy Trinity Sergius Lavra: Sergiev Posad, 1911. 392 p.
7. <Popova E.I.> Diary of Elizabeth Ivanovna Popova. 1847–1852 / Ed. book. N.V. Golitsyna; pref. L.V. Belovinsky; Gos. public. historical library of Russia. Moscow, 2013. 320 p. – (Looking at the past).
[Pec. by the book: Popova E.I. Diary of Elizabeth Ivanovna Popova / Ed. book. N.V. Golitsyna. St. Petersburg, 1911. XV, 283 [6] p. – (From the Moscow life of the forties).]

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
первая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 30-41.

Voropaev V.A.
The death of Gogol as a testament to his
descendants. Article 1
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 30-41.

8. Rasev A.I., <protopriest>. An outline of the life in Boz of the deceased Rzhnevsky archpriest Fr. Matthew Aleksandrovich Konstantinovsky: Consolidated edition (1860–1890–1915) / [Intro articles by V. Voropaev; archpriest A. Shabanov. Note. Protopriest A.I. Rasev (in the text)]. Tver, 2017. 496 p.
9. Romashkov I.I. A.S. Khomyakov, his life and poetry (About the fortieth anniversary of his death). Moscow: University Press, 1900. 15 p.
10. Smirnov K. «Self-immolation of Gogol» – the result of a medical error. Gogol did not starve himself, did not go mad, did not die of meningitis, he was poisoned by doctors! // Miracles and adventures. Moscow, 1995. № 11. P. 36–42.
11. Smirnov K. The secret of genius. The author of Dead Souls did not starve himself, did not go mad, did not die of meningitis. It is possible that he was simply poisoned by doctors // Work – 7. Moscow, 1996. March 1. № 7. С. 8.
12. Tarasenkov A.T. The last days of his life. Gogol. Ed. 2 nd, ext. from the manuscript. Moscow: The Society of Speedy Prints. Levenson, 1902. [2], 33 p.
13. Urakova N. «... I ask you to listen to my "Farewell Tale" with my heart ...» (On the spiritual causes of Nikolai Gogol's death) // Lepta. Moscow, 1996. № 28. P. 164–180.
14. Florensky P.A., the priest. About Khomyakov (Critical Notes) // Florensky P.A. Works: In 4 vol. T. 2 / Comp. and society ed. hegumen Andronik (A.S. Trubachev), P.V. Florensky, M.S. Trubachev. Moscow: Izd-vo «Mysl», 1996. P. 278–336.

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
вторая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 42-58.

Voropaev V.A.
“HOW SWEET IT IS TO DIE!”
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 2
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 42-58.

«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»

Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья вторая¹

Воропаев В.А.,

*доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва,
Российская Федерация) voropaevvl@bk.ru*

В статье реконструированы события последних дней жизни Н.В. Гоголя (1–21 февраля 1852 года: Масленая неделя, первая и начало второй седмицы Великого поста). Только в свете церковного мировоззрения Гоголя становится понятным его поведение в предсмертные дни. Предложено истолкование пометы на полях принадлежавшей Гоголю Библии: «Требование» против слов святого апостола Павла: «...имею желание разрешиться и быть со Христом...» (Флп. 1: 23).

Ключевые слова: Гоголь, религиозное мировоззрение, предсмертные дни, аскетическое поведение, сожжение рукописей.

Для цитаты:

Воропаев В.А. «КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!» Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья вторая [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №4. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Voropaev_2.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Voropaev V.A. “HOW SWEET IT IS TO DIE!” The Death of Gogol as a Testament to His Descendants. Article 2 [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 4. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Voropaev_2.shtml (Accessed dd.mm.yyyy)

<1>

Кончина Екатерины Михайловны Хомяковой стала трагическим рубежом в жизни Гоголя: им овладевает мысль о смерти; он почти ежедневно бывает в церкви.

1 февраля, в пятницу, Гоголь – у обедни в своей приходской церкви (Родительская суббота мясопустной недели в том году приходилась на 2 февраля – праздник Сретения Господня, поэтому поминовение усопших было перенесено на пятницу). После обедни он заходит к Аксаковым, хвалит свой приход и священника (отца Алексея Соколова, впоследствии протопресвитера Храма Христа Спасителя). «Видно было, что он находился под впечатлением этой службы, – вспоминала Вера Сергеевна Аксакова, – мысли его были все обращены к тому миру...» (Гоголь в письмах и записных книжках В.С. Аксаковой) [4, т. 2, с. 888].

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 16-04-00523а («Ганатологический дискурс русской словесности XI–XX веков в аспекте межкультурной коммуникации»).

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
вторая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 42-58.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 2
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 42-58.

Разговор зашел о Хомякове. Вера Сергеевна заметила, что Алексей Степанович напрасно выезжает, потому что многие скажут, что он не любил своей жены. «Нет, не потому, – возразил Гоголь, а потому, что эти дни он должен был бы употребить на другое; это говорю не я, а люди опытные. Он должен был бы читать теперь Псалтирь, это было бы утешением для него и для души жены его. Чтение Псалтири имеет значение, когда читают его близкие, это не то, что раздавать читать его другим» [там же, с. 891]. Гоголь говорил также о впечатлении, которое смерть производит на окружающих, о том, «возможно ли было бы с малых лет воспитать ребенка так, чтоб он всегда понимал настоящее значение жизни, чтоб смерть не была для <н>его нечаянностью...» (при этом сказал, что «думает, что возможно» [там же]).

На следующий день, 2 февраля, в праздник Сретения, Гоголь, как можно предположить, был в храме у обедни, а накануне – на всенощной. Днем он пишет письма разным лицам, в том числе матери и Василию Андреевичу Жуковскому, у которых просит молитв. «Мне все кажется, что здоровье мое только тогда может совершенно как следует во мне восстановиться с надлежащей свежестью, – обращается он к матери и сестрам, – когда вы все помолитесь обо мне как следует, то есть соединенно, во взаимной между собой любви, крепкой, крепкой, без которой не приемлется от нас молитва. <...> Подчас мне бывает очень трудно, но Бог милостив. О, если б Он хоть сколько-нибудь ниспослал нам помощь в том, чтобы жить сколько-нибудь в Его заповедях!» [3, т. 15, с. 464].

В письме к Жуковскому Гоголь в последний раз говорит о своем главном труде – «Мертвых душах»: «О себе что сказать? Сижу по-прежнему над тем же, занимаюсь тем же. Помолись обо мне, чтобы работа моя была истинно добросовестна и чтобы я хоть сколько-нибудь был удостоен пропеть гимн красоте небесной» [там же, с. 465].

В этих словах Гоголя, сказанных за три недели до кончины, литературовед Константин Мочульский видит вершину той духовной лестницы, по которой писатель поднимался всю свою жизнь. «В этот день, 2 февраля 1852 года Гоголь достиг вершины своего духовного пути, – пишет исследователь. – В его торжественных словах – увенчание дела всей жизни: «пропеть гимн Красоте Небесной...» [9, с. 135].

Позволим себе не согласиться с подобным заключением. В письме к Жуковскому Гоголь не сказал ничего нового, чего бы он не говорил и раньше. Так, еще в феврале 1843 года он писал Надежде Николаевне Шереметевой из Рима: «Чем глубже взгляну на жизнь свою и на все доселе ниспосланные мне случаи, тем глубже вижу чудное участие высших сил во всем, что ни касается меня, и не достаёт у меня ни слов, ни слез, ни молитв для изливания душевных моих благодарений. И вся бы хотела превратиться в один благодарный вечный гимн душа моя!» [3, т. 12, с. 173]. А отцу Матфею Константиновскому Гоголь признавался: «Видит Бог, ничего бы не хотелось сказать, кроме того, что служит к прославлению Его святого имени» (из письма от конца апреля 1850 года) [там же, т. 15, с. 318]; «Молюсь, чтобы Бог превратил меня всего в один благодарный гимн Ему, которым бы должно быть всякое творенье, а тем более словесное, чтобы, очистивши меня от всех моих скверн, не помянувши всего недостойнства моего, сподобил бы Он меня, недостойного и грешного, превратиться в одну благодарную песнь Ему» (из письма от 30 декабря 1850 года) [там же, с. 386].

3 февраля, в воскресенье, Гоголь опять у обедни в своем приходе, оттуда пешком идет к Аксаковым, снова хвалит священника и всю службу, жалуется на усталость. «В его лице, – вспоминала Вера Сергеевна Аксакова, – точно было видно утомление, хотя и светлое, почти веселое выражение» [4, т. 2, с. 891]. Гоголь снова заговорил о Псалтири. «Всякой раз как иду к вам, – сказал он, – прохожу мимо Хомякова дома и всякий раз, и днем и вечером, вижу в окне свечу, теплящуюся в комнате Кате<рины> Мих<айловны>, – там читают Псалт<ирь>» [там же, с. 888]. На вопрос, был ли он у Хомякова, отвечал, что не был. «Мне кажется, – заметила Вера Сергеевна, – ему слишком было тяжело к нему ходить...» [там же, с. 892].

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
вторая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 42-58.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 2
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 42-58.

Гоголь еще занимается чтением корректур, но в начале Масленицы в нем замечают нечто тревожное. В понедельник, 4 февраля он снова заходит к Аксаковым. По словам Веры Сергеевны, в лице его видно было какое-то утомление. Он сказал, что скоро уйдет, что должен лечь пораньше, потому что чувствовал какой-то холод ночью. «Это нервный», – заметили сестры Аксаковы. – «Да, нервное», – ответил он совершенно спокойно. Видно было, что сам он не придавал этому значения. Сказал, что пойдет к Хомякову, но к нему не заходил [там же, с. 888, 892–893]. Это было последнее свидание Гоголя с Аксаковыми.

Вечером того же дня он заехал к С.П. Шевыреву, чтобы сказать, что «некогда ему теперь заниматься корректурами». Степан Петрович и его жена, Софья Борисовна, заметили перемену в его лице и спросили, что с ним. Он отвечал, что «дурно себя чувствовал и кстати решил попустить и поговеть» (11 февраля начинался Великий пост). «Зачем же на Масленой?» – спросил его Шевырев. – «Так случилось, – отвечал он, – ведь и теперь Церковь читает уже: "Господи, Владыко живота моего!" и поклоны творятся» (Гоголь в письмах и документах С.П. Шевырева) [4, т. 2, с. 107].

Масленица (или неделя мясопустная) по церковному уставу является преддверием Великого поста: в это время уже не вкушается мясная пища. Службы по постовому чину с молитвой преподобного Ефрема Сирина и поклонами совершаются в среду и пятницу. Вероятно, слова Гоголя «ведь и теперь...» относятся ко всей Масленой неделе, а не только к понедельнику; и если Гоголь собирался говеть, то за богослужением среды он как раз должен был услышать молитву святого Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего...»².

5 февраля Гоголь пожаловался посетившему его Шевыреву на «расстройство желудка и на слишком сильное действие лекарства, которое ему дали» [4, т. 2, с. 107]. В тот же день он едет к своему духовнику, отцу Иоанну Никольскому, с которым познакомился еще в 1842 году, когда по приезде из-за границы жил у М.П. Погодина, в приходскую церковь Преподобного Саввы Освященного на Девичьем поле известить, что говеет, и с просьбой назначить день, когда можно приобщиться. Тот поначалу советовал дожидаться первой недели поста, но потом согласился и назначил четверг, то есть ближайшую Божественную Литургию, так как в среду на Масленой ее служить не положено.

Вечером того же дня Гоголь провожал на станцию железной дороги гостившего у графа Толстого ржевского священника Матфея Константиновского. С этих пор он прекратил всякие литературные занятия.

К концу пребывания отца Матфея в Москве Гоголь решает говеть, то есть готовиться к принятию Святых Христовых Таин. Начиная с 5 февраля он почти ничего не ест, большую часть ночей проводит в молитве. Доктор Алексей Терентьевич Тарасенков пишет в своих записках:

² По уставу в храме молитва преподобного Ефрема Сирина первый раз читается в среду на Масленой неделе, но, разумеется, эту молитву можно произносить в любое другое время, что Гоголь, судя по всему, и делал. Ольга Николаевна Смирнова, дочь Александры Осиповны, приводит его слова, сказанные за границей: «...я читаю эту молитву утром и вечером и советую вам поступать так же» (Свидетельства о Гоголе А.О. Смирновой (рожденной Россет) и ее дочери О.Н. Смирновой) [4, т. 2, с. 351]. В 1845 году Надежда Николаевна Шереметева послала Гоголю книгу святителя Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического, «Молитва св. Ефрема Сирина. Беседы на Святую Четырдесятницу» (Харьков, 1844). По словам святителя, «при всей краткости сей молитвы в ней сокрыто великое богатство святых мыслей и чувств и весьма ясно изображены наши нужды духовные» [8, с. 3–4].

«Масленицу он посвятил говенью; ходил в церковь, молился весьма много и необыкновенно тепло; от пищи воздерживался до чрезмерности, за обедом употреблял несколько ложек капустного рассола или овсяного супа на воде. Когда ему предлагали кушать что-нибудь другое, он отказывался болезнью, объясняя, что чувствует что-то в животе, что кишки у него перевертываются, что это болезнь его отца, умершего в такие же лета, и притом оттого, что его лечили. Трудно решить, сколько правды было в его словах; однако, легко можно себе представить, что при такой внезапной перемене образа жизни он действительно становился болен. Впрочем, в это время болезнь его выражалась только одною слабостью, и в ней не было заметно ничего важного...» [12, с. 16–17].

Тарасенков едва ли прав, говоря о том, что Гоголь резко изменил образ жизни (с его слов об этом писали потом и другие). Гоголь был православным христианином, исполняющим церковные обряды, и это было далеко не первое его говенье. Сомнение вызывает также следующее место из записок Тарасенкова: «Переменять свойство и количество пищи он не мог без вреда для своего здоровья: по собственному его уверению, при постной пище он чувствовал себя слабым и нездоровым. "Нередко я начинал есть постное по постам (говорил он мне), но никогда не выдерживал: после нескольких дней пощения я всякий раз чувствовал себя дурно и убеждался, что мне нужна пища питательная". (Эти слова были ответом на мое признание, что я делаюсь неспособным к хорошему исполнению своих обязанностей, если некоторое время употребляю постную пищу)» [там же, с. 9].

Из слов Тарасенкова с несомненностью следует только то, что сам он не постился в дни, определенные для этого Церковью. В отношении Гоголя его суждение принять за правду никак нельзя. Лев Иванович Арнольди, сводный брат Александры Осиповны Смирновой, свидетельствует, что Гоголь был необыкновенно строг к себе и боролся со своими слабостями. Так, в Италии он «сам бегал на кухню и учился готовить макароны. А между тем очень редко позволял себе такие увлечения и был в состоянии довольствоваться самою скудною пищею и постился иногда как самый строгий отшельник, а во время говенья почти ничего не ел» (Гоголь в воспоминаниях Л.И. Арнольди) [4, т. 2, с. 384].

Всеволод Андреевич Чаговец, наиболее авторитетный специалист начала XX века по семейным делам Гоголя, пишет, что Николай Васильевич не превосходил набожностью своих родных, «проникнутых с самых младенческих лет религиозным настроением и идеалами христианской жизни». И только в отношении соблюдения поста он держался несколько иного взгляда, нежели окружающие: «в постные дни, когда в деревнях готовились разнообразные постные блюда, различные винегреты и т. п., он даже иногда бывал недоволен. "Какой же это пост, когда все объедаются еще хуже, чем в обыкновенные дни?" – говорил он, отодвигая подальше блюдо с какою-нибудь заманчивой постной пищею...» (Чаговец В.А. На родине Гоголя) [4, т. 1, с. 224].

Несмотря на общую слабость, Гоголь продолжает выезжать из дома. 6 февраля, в среду, он посетил Шевырева. «Казалось, ему лучше: лицо было спокойнее, хотя следы усталости какой-то были видны на нем», – свидетельствует тот [4, т. 2, с. 108].

В один из этих дней Гоголя навестил Михаил Семенович Щепкин. «Видя его в хандре и желая его развеселить, – пишет Тарасенков, – рассказал он ему много смешного и, когда тот оживился, он напомнил, что у него нынче отличнейшие блины, самая лучшая икра и так далее, распisał ему обед так, что у Гоголя, как говорится, слюнки потекли. Гоголь обещался приехать обедать; условились во времени; но он приехал к Щепкину за час до обеда и, не застав его, приказал сказать, что извиняется и обедать не будет оттого, что вспомнил о прежде данном обещании обедать в другом месте. От Щепкина он возвратился домой и обедать не поехал никуда» [12, с. 16].

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
вторая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 42-58.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 2
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 42-58.

Об этом эпизоде вспоминает в своих записках и Владимир Осипович Шервуд, в ту пору молодой художник, которому покровительствовал Гоголь, а впоследствии известный архитектор и академик живописи: «Когда Н<иколай> В<асильевич> ле<жал> больной, приехал Мих<аил> Семен<ович> Щепкин и з<вал> его на блины: б<ыла> Масленица, и т<а>к рассказал а<п>петитно о св<оих> блинах, что у Гоголя невольно загорелись глаза: "Отойди от меня, сатана, ты меня искушаешь"» (Шервуд В.О. Вечера у Шевырева (Гоголь)) [4, т. 3, с. 715]³. Напомним, что в это время Гоголь держал строгий пост и готовился к причастию.

7 февраля, в четверг, рано поутру Гоголь едет в свою бывшую приходскую церковь, исповедуется и причащается там. Погодин со слов священника свидетельствует, что перед принятием Святых Даров, за обеднею, он «пал ниц и много плакал. Был уже слаб и почти шатался» [10, с. 47].

Доктор Тарасенков мимоходом заметил, что духовник Гоголя, по-видимому, вовсе не понимал его. Но фактов, подтверждающих это свое суждение, не приводит. Погодин, однако, свидетельствует, что «старика Гоголь очень любил» (Гоголь в письмах, дневниках и воспоминаниях М.П. Погодина) [4, т. 2, с. 505]. Об этом же говорит и дочь Погодина Александра Михайловна Зедергольм. По ее словам, Гоголь в последние два года своей жизни часто присылал к ним с просьбой придти к нему местного священника, настоятеля Саввинской церкви, возле которой жили Погодины: «К престарелому священнику этому Гоголь относился с глубочайшим уважением и любовью, этот священник часто исповедовал и приобщал Гоголя Св. Таин» (Гоголь в воспоминаниях А.М. Зедергольм) [4, т. 2, с. 540].

Именно отца Иоанна Никольского имел в виду Гоголь в письме к С.П. Шевыреву из Неаполя от 8 декабря (н. ст.) 1846 года, где он просит передать «Выбранные места из переписки с друзьями» своему духовнику: «Отыщи, пожалуйста, того самого священника, у которого я говел и исповедовался в Москве. Имени его не помню. Погодин или, еще лучше, – мать его должна знать его. Священник этот <...> мне очень понравился. Простое слово у него проникнуто душевным чувством. Все, что я услышал о нем потом, было в его пользу. Отдай ему один экземпляр книги, скажи, что я его помню и книгу мою нахожу приличным вручить ему как продолжение моей исповеди» [3, т. 13, с. 443].

Вечером того же дня (в четверг 7 февраля) Гоголь снова возвращается в ту же церковь и просит священника отслужить благодарственный молебен, упрекая себя, что забыл исполнить это поутру. Из церкви он заехал к жившему по соседству Погодину, который также заметил перемену в нем. На вопрос, что с ним, отвечал: «Ничего, я нехорошо себя чувствую» [10, с. 48].

³Ср. в воспоминаниях А.О. Смирновой: «Нащокин и Щепкин позвали Гоголя на блины в пятницу в трактир Бубнова. Когда они за ним пришли, он наотрез отказался. Щепкин начал кощунствовать; он его взял за ухо: "Ты когда-нибудь будешь за эти слова раскаиваться, смотри, чтобы не было позд<н>о"» [4, т. 2, с. 269]. По словам Смирновой, это событие произошло в пятницу, то есть 8 февраля, но, по-видимому, она ошибается. Скорее всего, данный эпизод имел место во время говения Гоголя. Этому есть подтверждения и других мемуаристов. В 1852 году А.Н. Афанасьев со слов М.С. Щепкина записал: «На Масленой (незадолго перед смертью Гоголя) Щепкин пригласил его на блины, но Гоголь задумал приготовляться к говенью и не приехал, а когда Щепкин заехал к нему, не сказался дома» (Афанасьев А.Н. Отрывки из моей памяти и переписки) [4, т. 3, с. 26].

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
вторая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 42-58.

Voropaev V.A.
“HOW SWEET IT IS TO DIE!”
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 2
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 42-58.

Просидев несколько минут, он встал – в комнате находились посторонние⁴ – и сказал, что зайдет к домашним, но остался у них еще менее.

Граф Толстой, видя необычное состояние Гоголя, убедил его посоветоваться с врачом. Доктор Тарасенков пишет: «Призван был доктор Иноземцев, давнишний знакомец Гоголя, который нашел, что у него катар кишек, посоветовал ему спиртные натирания, лавровишневую воду и ревенные пилюли, запретил выезжать. Не веря вообще медицине и медикам, Гоголь не воспользовался и его советами, как следовало, хотя и чувствовал себя весьма дурно» [12, с. 18].

В эти дни Гоголя часто навещал Шевырев. В письме к Марии Николаевне Синельниковой (двоюродной сестре Гоголя, дочери его родной тетки по матери Екатерины Ивановны Ходаревской) от 2 апреля 1852 года он рассказал многие подробности о последних днях и кончине Гоголя. «Доктор Иноземцев, – пишет Шевырев, – определил состояние его (Гоголя. – *В.В.*) катаральным и не находил в нем ничего важного. Впрочем, Николай Васильевич отвергал всякое медицинское пособие и врачу не верил. <...> Он почти не хотел говорить о своей болезни; сказал мне, что его постигла болезнь та самая, от которой умер отец его, что нашел на <н>его страх смерти, но что отец Матвей, ржевский священник, которого он очень уважал, успокоил его» [4, т. 2, с. 109].

«Я застал его с молитвенником в руках, – продолжает свой рассказ Шевырев, – говорил ему, что он напрасно напрягает умственные силы на молитву, что такая молитва требует сил телесных, что для больного довольно призывания имени Иисуса Христа (то есть Иисусовой молитвы. – *В.В.*). Но видно было, что весь он погружен был в молитву, готовясь торжественно к переходу в вечность. Семен говорил мне, что он ест очень мало, отказывается от всякой пищи и не принимает бульону. Я убеждал его именем всех его любящих принять пищу, которая могла бы подкрепить его. Я говорил ему, что пост – есть великая продолжительная наука, что нам невозможно от обыкновенной сытной пищи вдруг переходить к воздержанию великих подвижников Церкви; что покушения <на это> – самоубийство» [там же].

«В тот самый день, как приобщился он Святых Тайн, – рассказывает далее Шевырев, – я был у него и со слезами, на коленях, молил его о том, но он как будто оскорбился такою просьбою; уверял меня, что ест весьма довольно» [там же].

Из этих слов следует, что Шевырев, как и доктор Тарасенков, видели в говении Гоголя нечто необычное и болезнь его приписывали резкому переходу от обычной сытной пищи к строгому посту. Как видно, даже близкие Гоголю люди не понимали его душевного состояния. Хомяков говорил, что после смерти Екатерины Михайловны Гоголь «был в каком-то нервном расстройстве, которое приняло характер религиозного помешательства. Он говел и стал себя морить голодом...» (из письма А.С. Хомякова к А.Н. Попову от конца февраля 1852 года) (Гоголь в письмах А.С. Хомякова и его жены Е.М. Хомяковой (рожденной Языковой) [4, т. 3, с. 198].

Говение и причащение Гоголя на Масленицу было воспринято с недоумением многими его современниками. Между тем Масленая неделя, согласно установлениям Церкви, является началом подвигов воздержания. «Наступающие дни (Масленицы), – пишет преподобный Феодор Студит, – обыкновенно считаются у людей какими-то праздничными, по причине бывающих тут пиров и гуляний, не разумея, что дни сии чрез воздержание от мясожестия возвещают об общем воздержании, а не о пресыщении и пьянстве» [5, с. 505].

⁴ Это были Дмитрий Александрович Ровинский, собиратель и исследователь гравюры и лубка, и историк Иван Егорович Забелин (как следует из позднейшего примечания М.П. Погодина [см.: 4, т. 2, с. 506].

Княжна Варвара Николаевна Репнина-Волконская вспоминала, что последний раз видела Гоголя в четверг на Масленой, то есть 7 февраля. «Он был ясен, но сдержан, – рассказывает она, – и всеми своими мыслями обращен к смерти; глаза его блистали ярче, чем когда-либо, лицо было очень бледно. За эту зиму он очень похудел, но настроение духа его не заключало в себе ничего болезненного; напротив, оно было ясным, более постоянно, чем прежде. Мысль, что мы его скоро потеряем, была так далека от нас; а между тем тон, с каким он прощался, на этот раз показался нам необычайным, и мы между собою заметили это, не догадываясь о причине. Ее разъяснила нам его смерть» (Из воспоминаний княжны В.Н. Репниной о Гоголе) [4, т. 3, с. 102].

После 7 февраля Гоголь перестал принимать у себя знакомых, даже тех, которым прежде никогда не отказывал. Однако в пятницу и субботу он еще продолжает выезжать.

В ночь с 8 на 9 февраля после продолжительной молитвы на коленях перед образом Гоголь уснул на диване без постели и во сне слышал некие голоса, говорившие ему, что он умрет. В тревоге он призвал приходского священника и хотел собороваться маслом, но когда тот пришел, Гоголь уже успокоился и решил отложить совершение таинства.

На следующий день, в субботу, он едет к Хомякову, у которого не был с 27 января, играет там со своим маленьким крестником. «В субботу на Масленице, – пишет Погодин, – он посетил также некоторых своих знакомых. Никакой особенной болезни не было в нем заметно, не только опасности; а в задумчивости его, молчаливости не представлялось ничего необыкновенного» [10, с. 47].

10 февраля, в Прощеное воскресенье, Гоголь просит графа Толстого передать свои рукописи святителю Филарету, митрополиту Московскому, чтобы тот определил, что нужно печатать, а чего не следует: «Пусть он наложит на них свою руку; что ему покажется ненужным, пусть зачеркивает немилосердно» [12, с. 19]. Граф не принял бумаг, опасаясь утвердить в нем мысль о смерти. С этого дня Гоголь перестал выезжать из дома.

Святитель Филарет был большим авторитетом для Гоголя и как богослов, писатель-аскет, и как духовный пастырь. Намерение довериться его суду не было для Гоголя новым. Ранее он не раз бывал у него и всегда отзывался о нем очень высоко. В записке к С.П. Шевыреву (от конца 1851 года) Гоголь замечал: «К митрополиту я хотел ехать вовсе не затем, чтобы беседовать о каких-либо умных предметах <...> Мне хотелось только прийти к нему на две минуты и попросить молитв, которые так необходи<мы> изнемогающей душе моей» [3, т. 15, с. 459]. Можно думать, что Шевырев был обеспокоен намерением Гоголя говорить с московским владыкой о втором томе «Мертвых душ».

В понедельник и вторник первой недели Великого поста в доме графа (на верхней половине) служили Великое повечерие. Граф и графиня говели; Гоголь, по всей видимости, говел вместе с ними. В эти дни читается Великий канон святого Андрея Критского с покаянным припевом: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя!». Гоголь едва смог подняться наверх по ступеням, однако отстоял всю службу. День он провел почти без пищи, ночь – в молитве со слезами. Граф Толстой, видя, как это изнуряет Гоголя, прекратил у себя богослужения.

В ночь с 11 на 12 февраля, в третьем часу, Гоголь будит своего слугу Семена, велит ему бесшумно подняться на второй этаж, где располагались печные задвижки, растопить печь в кабинете и затем сжигает бумаги. Наутро он (по запискам доктора Тарасенкова) сказал графу Толстому: «Вот что я сделал! Хотел было сжечь некоторые вещи, давно на то приготовленные, а сжег все. Как лукавый силен, вот он до чего меня довел! Я было думал разослать на память друзьям по тетрадке: пусть бы делали, что хотели» (Тарасенков А.Т. Н.В. Гоголь в последнее время жизни. Черновой автограф) [4, т. 3, с. 912].

Физическое состояние Гоголя в эти дни резко ухудшается: очевидцы заметили в нем усталость, вялость и даже изнеможение – отчасти следствие обострения болезни, отчасти

Воропаев В.А.

«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»

Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья вторая

Язык и текст langpsy.ru

2017. Том 4. № 4. С. 42-58.

Voropaev V.A.

"HOW SWEET IT IS TO DIE!"

The Death of Gogol as a Testament to His Descendants. Article 2

Language and Text langpsy.ru

4, pp. 42-58.

действие поста. Со слов графа Толстого известно, что Гоголь принимал пищу два раза в день: утром хлеб или просфору, которую запивал липовым чаем, вечером – кашницу, саго или чернослив. Но всего очень понемногу [см.: 4, т. 2, с. 506]. Он почти перестал разговаривать с теми, кто приезжал к нему. Характерно признание Шевырева: «...он тяготился моим присутствием и всех друзей своих допускал на несколько минут и потом отзывался сном, что ему дремлет, что он говорить не может. В положении его, мне казалось, более хандры, нежели действительной болезни» [4, т. 2, с. 109].

Собственно говоря, в таком поведении Гоголя не было ничего необычного. Крупный чиновник, дипломат и церковный писатель Александр Скарлатович Стурдза вспоминал, что «во время Великого поста Гоголь умел отторгаться без огласки от сообщества людей и посвящать по несколько дней врачеванию души своей и богомыслию» (Гоголь в воспоминаниях и письмах А.С. Стурдзы) [4, т. 3, с. 632]. О том, как Гоголь понимал говение, можно отчасти судить по его письму к М.П. Погодину 1843 года из Дюссельдорфа, где он замечает: «...у тебя будет одно такое время, в которое ты будешь иметь возможность прожить созерцательною и погруженною в самого себя жизнью. Именно во время говенья» [3, т. 12, с. 284].

14 февраля, в четверг, Гоголь, по свидетельству Хомякова, сказал: «Надобно меня оставить в покое. Я знаю, что я должен умереть» [4, т. 2, с. 507].

В эти же дни Гоголь делает распоряжения графу Толстому насчет своего крепостного слуги Семена и рассылает деньги «бедным и на свечки». Средства, которые будут выручены от последнего издания его сочинений, он незадолго до этого просил раздать неимущим.

16 февраля, в субботу, Гоголь, по свидетельству графа Толстого, приобщился Святых Таин [там же, с. 506]. Древний христианский обычай причащаться в субботу первой седмицы Великого поста издавна существовал на Руси (он связан с празднованием памяти святого великомученика Феодора Тирона, которое всегда совершается в этот день). Соблюдал его и Гоголь.

В этот же день Гоголя посетил доктор Тарасенков (впервые за время болезни) и убеждал его подчиниться указаниям врачей. Гоголь отвечал вяло, но внятно и с полной уверенностью: «Я знаю, врачи добры: они всегда *желают* добра». При этом ничем не выразил готовности следовать совету Тарасенкова. «Он смотрел как человек, для которого все задачи разрешены, всякое чувство замолкло, всякие слова напрасны...» [12, с. 22].

16 или 17 февраля Гоголя навестил Дмитрий Николаевич Свербеев, который свидетельствует: «Я был допущен с предупреждением от слуги пробыть недолго. Принял он меня ласково, посадил и через две-три минуты судорожно вскочил со своего стула, говоря, что ему давно уже нездоровится. Нашел я его каким-то странным, бледным и, судя по глазам, чем-то встревоженным и пламенеющим. Я несколько подождал и от него вышел. Таким видел я его в последний раз, дней за пять пред концом» (Свербеев Д.Н. <Воспоминания о последних днях жизни Н.В. Гоголя>) [4, т. 3, с. 850].

Граф Толстой стремился употребить все возможное для исцеления больного: просил Московского гражданского губернатора Ивана Васильевича Капниста, которого Гоголь любил и уважал, уговорить его послушаться указаний медиков; ездил к святителю Филарету, митрополиту Московскому, и рассказал ему об опасной болезни Гоголя. Владыка прослезился и сказал, что на Гоголя надо было действовать иначе: убеждать, «что его спасение не в посте, а в послушании» [12, с. 23]. После этого он ежедневно призывал к себе отца Иоанна Никольского и приходского священника отца Алексия Соколова, расспрашивал их о болезни Гоголя и поручил им передать, что просит его исполнять назначения врачей (он не предполагал, что лечили Гоголя неправильно). Но ничего не помогло.

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
вторая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 42-58.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 2
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 42-58.

«Духовник Гоголя навещал его часто, – пишет Тарасенков, – приходской священник являлся к нему ежедневно. При нем нарочно подавали тут же кушать саго, чернослив и проч. Священник начинал первый и убеждал его есть вместе с ним. Неохотно, немного, но употреблял он эту пищу ежедневно; потом слушал молитвы, читаемые священником. "Какие молитвы вам читать?" – спрашивал он. – "Все хорошо; читайте, читайте!"» [12, с. 23].

Утром 18 февраля, в понедельник, отец Иоанн Никольский предложил Гоголю собороваться священным елеем, исповедаться и причаститься. Тот согласился с радостью. Все положенные на соборовании Евангелия он выслушал «в полной памяти, держа в руках свечу, проливая слезы» [10, с. 48].

После чтения Евангелия, Гоголь сказал: «Горе тем, кот<орые> теперь остаются жить! теперь наступят страшные бедствия и войны» (<Воспоминания графа А.П. Толстого, записанные П.А. Кулишом> [4, т. 2, с. 399]. Религиозное сознание Гоголя глубоко эсхатологично и укоренено в апокалиптике Нового Завета и святоотеческом наследии [см.: 2].

В этот день Гоголь, по свидетельству доктора Тарасенкова, слег в постель и больше уже не вставал. К нему приглашали знаменитейших московских докторов, но он наотрез отказывался лечиться⁵. «Трудно было предпринять что-нибудь с человеком, – вспоминал Тарасенков, – который в полном сознании отвергает всякое лечение» [12, с. 24]. Как и в прежние годы, Гоголь был твердо убежден, что жизнь его в руках Господа, а не в руках врачей. «Ежели будет угодно Богу, чтобы я жил еще, – буду жив...» – говорил он [там же].

19 февраля, во вторник, Гоголя посетил доктор Тарасенков. Гоголь лежал на диване, в халате, в сапогах, отвернувшись лицом к стене (на которой висел образ Богородицы), с закрытыми глазами; в руках у него были четки. Приехал профессор А.А. Альфонский, который предложил магнетизирование (гипноз)⁶, чтобы покорить волю больного и заставить его принимать пищу. Приехали также доктора А.И. Овер и К.И. Сокологорский [см.: 12, с. 24–25]. Последний пытался делать пассы, но Гоголь, без сомнения, в это время читал про себя Иисусову молитву, и магнетизирование не удалось.

Граф Толстой, видя критическое положение, созвал консилиум, который подтвердил диагноз профессора Овера, что у Гоголя менингит, и принял решение лечить его насильно. Врачи действовали следующим образом: больного сажали в теплую ванну и обливали холодной водой; ставили к носу пиявки, тело обкладывали горчичниками. С Гоголем обращались как «с сумасшедшим», как «с человеком, не владеющим собою». Об этом рассказывает, например, в своих записках доктор Тарасенков.

Насильственное лечение, вероятно, ускорило смерть Гоголя. Последнюю ночь он был уже в беспамятстве. Елизавета Фоминична Вагнер, теща Погодина, на руках которой Гоголь скончался, свидетельствует: «...по-видимому, он не страдал, ночь всю был тих, только дышал тяжело; к утру дыхание сделалось реже и реже, и он как будто уснул...» (из письма Е.Ф. Вагнер к М.П. Погодину от 21 февраля 1851 года) [4, т. 3, с. 524].

⁵ Ср. слова святителя Игнатия (Брянчанинова), сказанные незадолго до кончины брату Петру Александровичу Брянчанинову: «Прошу, когда я буду умирать, не вздумайте посылать за доктором, дайте мне умереть христианином, – не подымайте суматохи» [7, т. 1, с. 72].

⁶Святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет: «Употребление магнетизма есть отрасль волхвования» (Слово о чувственном и о духовном видении духов) [7, т. 3, с. 21].

21 февраля, в четверг, около восьми утра, Гоголь преставился ко Господу. Последними его словами, сказанными в полном сознании, были: «Как сладко умирать!» [4, т. 2, с. 110]. Доктор Тарасенков, прибывший через два часа после смерти Гоголя, писал об увиденном: «Нельзя вообразить, чтобы кто-нибудь мог терпеливее его сносить все врачебные пособия, насильно ему навязываемые; лицо умершего выражало не страдание, а спокойствие, ясную мысль, унесенную с собою за гроб» [12, с. 28].

Накануне, часу в одиннадцатом, Гоголь громко произнес: «Лестницу, поскорее, давай лестницу!...» [там же, с. 27]. Подобные слова о лестнице сказал перед смертью святитель Тихон Задонский, один из любимых духовных писателей Гоголя, сочинения которого он перечитывал неоднократно.

<2>

Праведная христианская кончина Гоголя стала вершиной его духовного пути, последней ступенью той лестницы, по которой он поднимался всю жизнь. В словах «Как сладко умирать!» ясно слышится известное изречение близкого душе Гоголя святого апостола Павла: «...имею желание разрешиться и быть со Христом...» (Флп. 1: 23). На церковнославянском языке эти слова читаются так: «...желание имый разрешитися и со Христом быти». В принадлежавшей Гоголю славянской Библии 1820 года издания, хранящейся ныне в Рукописном отделе Пушкинского Дома, против данного стиха – загадочная помета: «Требование<?>» [3, т. 9, с. 155].

Можно предположить, что слово «требование» употреблено здесь Гоголем как церковнославянское в значении: нужда, потребность, необходимость. В предисловии к «Словарю трудных слов из богослужения» О.А. Седакова приводит глагол *требовати* (русское значение: «настоятельно просить», церковнославянское: «сильно нуждаться») в качестве образца церковнославяно-русских паронимов⁷ [11, с. 7]. В словаре даются многочисленные примеры такого словоупотребления в Священном Писании и богослужебных книгах.

Вот несколько подобных случаев.

«Рех Господеви: Господь ми еси Ты, яко благих моих не требуеши» (Пс. 15: 2) (русский перевод: «Я сказал Господу: Ты Господь мой, не имеешь нужды в моих благах»).

«И той глаголаше им: несте ли николиже читали, что сотвори Давид, егда требование име и взалка сам и иже с ним» (Мк. 2: 25) (русский перевод: «Он сказал им: неужели вы не читали никогда, что сделал Давид, когда имел нужду и взалкал сам и бывшие с ним?»).

«Народи же разумевше, по нем идоша: и прием их, глаголаше им о Царствии Божии, и требующия исцеления целяше (Лк. 9: 11) (русский перевод: «Но народ, узнав, пошел за Ним; и Он, приняв их, беседовал с ними о Царствии Божием и требовавших исцеления исцелял»).

В данном случае синодальный перевод 1876 года, по которому печатается Новый Завет и в современных изданиях Московской Патриархии, представляется не совсем удачным. Более точен в переводе этого места В.А. Жуковский: «Народ же о том узнав, последовал за Ним; и Он их принял, и говорил им о Царствии Божием, и исцелял искавших исцеления» [6, с. 122].

⁷ Паронимы – слова, близкие по звучанию или морфемному составу, но имеющие разное значение.

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
вторая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 42-58.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 2
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 42-58.

Работа Жуковского над переводом Нового Завета в 1845 году протекала в период интенсивного духовного общения с Гоголем, который был едва ли не единственным, кого поэт посвятил в свой замысел (см.: Долгушин Д.В. Новый Завет в переводе В.А. Жуковского) [там же, с. 478–479]. От Гоголя об этом переводе узнавали и другие. Так, П.А. Плетнев извещал Я.К. Грота: « Сюда приехал Гоголь <...> Он рассказывал мне про новый подвиг Жуковского. Каждый день во время утренней молитвы он выбирал по одной главе из Евангелия или Апостолов и перекладывал ее на такой русский язык, в котором при сохранении всей силы славянского и целых иногда выражений подлинника период выходил ясным, звучным, точным» [цит. по: 6, с. 479]. Гоголь высоко оценил переводческий труд Жуковского. В письме от 28 февраля 1850 года он советовал ему сделать с Библией (то есть Ветхим Заветом) то же, что с Евангелием, то есть всякий день переводить из нее по главе [см.: 3, т. 15, с. 307].

Гоголь свободно читал богослужебные книги, и ему хорошо известно было церковнославянское слово «требование» (в значении «нужда, потребность, необходимость»). Многочисленные случаи подобного словоупотребления встречаются в выписках Гоголя из служебных Миней. Например, тропарь святому великомученику Феодору Тирону: «Все сердце мое и помышление простираю к тебе и душу, твоя, страстотерпче, помощи требую» [3, т. 9, с. 294].

Впрочем, это слово без перевода понятно любому православному христианину, который ежедневно читает в молитвах на сон грядущим: «Богородице Дево, не презри мене грешнаго, требующа Твоя помощи и Твоего заступления, на Тя бо упова душа моя, и помилуй мя» («Требующа Твоя помощи...» означает здесь «нуждающегося в Твоей помощи»).

Святой апостол Павел не печалился при мысли о смерти, но радовался; не боялся смерти, но желал ее: «...имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше...». По учению святых отцов, подобным образом должны мыслить все христиане, потому что Христос победил смерть⁸, и теперь она для них не зло, а приобретение (Флп. 1: 21). Святитель Феофан Затворник пишет: «Имею желание разрешиться от тела посредством смерти, какую угодно будет Богу послать мне. И это было бы гораздо лучше, потому что чрез это я тотчас стал бы со Христом быть и в Нем блаженствовать. Такова прямая надежда и всех христиан, пребывших верными вере, а тем паче апостолов» [13, с. 329–330].

Известный духовный писатель епископ Варнава (Беляев), обобщая аскетический опыт святых отцов, говорит о христианской кончине: «Физический страх смерти переходит в духовное радование, и мрачные мысли заменяются светлыми. Подвижник начинает уже созерцать Царствие Небесное, блаженство, уготованное святым, поучается в любви к Богу. Тогда приходит благодать и человека осеняет сила Святого Духа. Представления его собственные заменяются видениями, посылаемыми от Бога. Такой уже перестанет любопытствовать о мире, не привязан более к своему телу и не ожидает, а желает уже смерти, на всякий час (Флп. 1: 23)» [1, с. 116].

И далее: «Говоря вообще, "боязнь смерти есть свойство человеческого естества" (слова преподобного Иоанна Лествичника. – В. В.) и произошла в нас от преслушания прародителей. В ней (боязни) ничего предосудительного и ненормального нет, и Христос боялся, по

⁸ Ср. «Смерти празднуем умерщвление, адово разрушение, инога жития вечнога начало» (Канон Пасхи, песнь 7-я); «...побеждена смерть победою. Смерть! где твое жало? Ад! где твоя победа?» (1 Кор. 15: 54–55).

человечеству, смерти, хотя в отличие от святых людей и добровольно <принял ее>, по Своему желанию. Но страшиться умереть от сознания пагубности содеянных грехов недостойно истинного христианина, такой трепет ненормален, и от человека требуется, чтобы его не было. Для новонаначального и только что начавшего подвизаться он конечно терпим и даже похвален, но мы должны знать, что Господь, в конечном счете, призывает нас не в качестве рабов, не к трепету перед Ним, а призывает нас к любви как свободных сынов. И с этой точки зрения, со стороны совершенства и святости, боязнь смерти ненормальна, и в раю до грехопадения страха смерти не было» [там же, с. 116–117].

Умирал Гоголь в состоянии духовного просветления: без страха, с радостью. Он ушел в вечность с верой в Сладчайшего Иисуса, Который сильнее смерти. В его словах «Как сладко умирать!» с несомненностью угадывается хорошо знакомое православным христианам речение: «*Иисусе пресладостный, преподобных радование...*» (Акафист Иисусу Сладчайшему). Господь даровал своему подвижнику вкусить божественную радость и утешение.

Праведная христианская кончина Гоголя стала вершиной его духовного пути, последней ступенью той лестницы, по которой он поднимался всю жизнь. В словах «Как сладко умирать!» ясно слышится известное изречение близкого душе Гоголя святого апостола Павла: «*...имею желание разрешиться и быть со Христом...*» (Флп. 1: 23). На церковнославянском языке эти слова читаются так: «*...желание имый разрешитися и со Христом быти*». В принадлежавшей Гоголю славянской Библии 1820 года издания, хранящейся ныне в Рукописном отделе Пушкинского Дома, против данного стиха – загадочная помета: «Требование<?>» [3, т. 9, с. 155].

Можно предположить, что слово «требование» употреблено здесь Гоголем в церковнославянском значении: нужда, потребность, необходимость. В предисловии к «Словарю трудных слов из богослужения» О.А. Седакова приводит глагол *требовати* (русское значение: «настоятельно просить», церковнославянское: «сильно нуждаться») в качестве образца церковнославяно-русских паронимов⁹[11, с. 7]. В словаре даются многочисленные примеры такого словоупотребления в Священном Писании и богослужебных книгах.

Вот несколько подобных случаев.

«*Рех Господеви: Господь ми еси Ты, яко благих моих не требуеши*» (Пс. 15: 2) (русский перевод: «*Я сказал Господу: Ты Господь мой, не имеешь нужды в моих благах*»).

«*И той глаголаше им: несте ли николиже читали, что сотвори Давид, егда требование име и взалка сам и иже с ним*» (Мк. 2: 25) (русский перевод: «*Он сказал им: неужели вы не читали никогда, что сделал Давид, когда имел нужду и взалкал сам и бывшие с ним?*»).

«*Народи же разумевше, по нем идоша: и прием их, глаголаше им о Царствии Божии, и требующия исцеления целяше* (Лк. 9: 11) (русский перевод: «*Но народ, узнав, пошел за Ним; и Он, приняв их, беседовал с ними о Царствии Божиим и требовавших исцеления исцелял*»).

В данном случае синодальный перевод 1876 года, по которому печатается Новый Завет и в современных изданиях Московской Патриархии, представляется не совсем удачным. Более точен в переводе этого места В.А. Жуковский: «*Народ же о том узнав, последовал за Ним; и Он их принял, и говорил им о Царствии Божиим, и исцелял искавших исцеления*» [6, с. 122].

⁹ Паронимы – слова, близкие по звучанию или морфемному составу, но имеющие разное значение.

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
вторая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 42-58.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 2
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 42-58.

Работа Жуковского над переводом Нового Завета в 1845 году протекала в период интенсивного духовного общения с Гоголем, который был едва ли не единственным, кого поэт посвятил в свой замысел (см.: Долгушин Д.В. Новый Завет в переводе В.А. Жуковского) [там же, с. 478–479]. От Гоголя об этом переводе узнавали и другие. Так, П.А. Плетнев извещал Я.К. Грота: « Сюда приехал Гоголь <...> Он рассказывал мне про новый подвиг Жуковского. Каждый день во время утренней молитвы он выбирал по одной главе из Евангелия или Апостолов и перекладывал ее на такой русский язык, в котором при сохранении всей силы славянского и целых иногда выражений подлинника период выходил ясным, звучным, точным» [цит. по: 6, с. 479]. Гоголь высоко оценил переводческий труд Жуковского. В письме от 28 февраля 1850 года он советовал ему сделать с Библией (то есть Ветхим Заветом) то же, что с Евангелием, то есть всякий день переводить из нее по главе [см. 3, т. 15, с. 307].

Гоголь свободно читал богослужебные книги, и ему хорошо известно было церковнославянское слово «требование» (в значении «нужда, потребность, необходимость»). Многочисленные случаи подобного словоупотребления встречаются в выписках Гоголя из служебных Миней. Например, тропарь святому великомученику Феодору Тирону: «Все сердце мое и помышление простираю к тебе и душу, твоя, страстотерпче, помощи требую» [3, т. 9, с. 294].

Впрочем, это слово без перевода понятно любому православному христианину, который ежедневно читает в молитвах на сон грядущим: «Богородице Дево, не презри мене грешнаго, требующа Твоя помощи и Твоего заступления, на Тя бо упова душа моя, и помилуй мя» («Требующа Твоя помощи...» означает здесь «нуждающегося в Твоей помощи», «настоятельно просящего Твоей помощи»).

Святой апостол Павел не печалился при мысли о смерти, но радовался; не боялся смерти, но желал ее: «...имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше...». По учению святых отцов, подобным образом должны мыслить все христиане, потому что Христос победил смерть¹⁰, и теперь она для них не зло, а приобретение (Флп. 1: 21). Святитель Феофан Затворник пишет: «Имею желание разрешиться от тела посредством смерти, какую угодно будет Богу послать мне. И это было бы гораздо лучше, потому что чрез это я тотчас стал бы со Христом быть и в Нем блаженствовать. Такова прямая надежда и всех христиан, пребывших верными вере, а тем паче апостолов» [13, с. 329–330].

Современный богослов, епископ Варнава (Беляев), обобщая аскетический опыт святых отцов, говорит о христианской кончине: «Физический страх смерти переходит в духовное радование, и мрачные мысли заменяются светлыми. Подвижник начинает уже созерцать Царствие Небесное, блаженство, уготованное святым, поучается в любви к Богу. Тогда приходит благодать и человека осеняет сила Святого Духа. Представления его собственные заменяются видениями, посылаемыми от Бога. Такой уже перестанет любопытствовать о мире, не привязан более к своему телу и не ожидает, а желает уже смерти, на всякий час (Флп. 1: 23)» [1, с. 116].

И далее: «Говоря вообще, "боязнь смерти есть свойство человеческого естества" (слова преподобного Иоанна Лествичника. – В. В.) и произошла в нас от преслушания прародителей. В

¹⁰ Ср. «Смерти празднуем умерщвление, адово разрушение, иного жития вечнаго начало» (Канон Пасхи, песнь 7-я); «...побеждена смерть победою. Смерть! где твое жало? Ад! где твоя победа?» (1 Кор. 15: 54–55).

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
вторая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 42-58.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 2
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 42-58.

ней (боязни) ничего предосудительного и ненормального нет, и Христос боялся, по человечеству, смерти, хотя в отличие от святых людей и добровольно <принял ее>, по Своему желанию. Но страшиться умереть от сознания пагубности содеянных грехов недостойно истинного христианина, такой трепет ненормален, и от человека требуется, чтобы его не было. Для новонаначального и только что начавшего подвизаться он, конечно, терпим и даже похвален, но мы должны знать, что Господь, в конечном счете, призывает нас не в качестве рабов, не к трепету перед Ним, а призывает нас к любви как свободных сынов. И с этой точки зрения, со стороны совершенства и святости, боязнь смерти ненормальна, и в раю до грехопадения страха смерти не было» [там же, с. 116–117].

Умирал Гоголь в состоянии духовного просветления: без страха, с радостью. Он ушел в вечность с верой в Сладчайшего Иисуса, Который сильнее смерти. В его словах «Как сладко умирать!» с несомненностью угадывается хорошо знакомое православным христианам речение: «*Иисусе пресладостный, преподобных радование...*» (Акафист Иисусу Сладчайшему). Господь даровал своему подвижнику вкусить божественную радость и утешение.

Литература

1. Варнава (Беляев), епископ. *Основы искусства святости. Опыт изложения православной аскетики: В 4 т. Т. 4.* Нижний Новгород: Издание Братства во имя святого князя Александра Невского, 1998. 415 с.
2. Воропаев В.А. *Эсхатология Н.В. Гоголя [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Том 3. №4. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n4/Voropaev.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2016030402. С. 9–24.*
3. Гоголь Н.В. *Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. / Сост., подготовка текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.*
4. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. *Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. / Издание подготовил И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013.*
5. *Добротолубие в русском переводе, дополненное: [В 5 т.]. Т. 4. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1992 / Репринтное издание: М.: Издание Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря, 1901. 634, XXX с.*
6. Жуковский В.А. *Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 11 (второй полутом): Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет в переводе В.А. Жуковского / Сост., вступ. статья, примеч. Д.В. Долгушина; подгот. текста Ф.З. Кануновой, И.А. Айзиковой, Д.В. Долгушина; ред. Д.В. Долгушин, А.С. Янушкевич. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. 664 с.*
7. <Игнатий, святитель.> *Полное собрание творений святителя Игнатия (Брянчанинова): [В 8 т.] / Сост. А.Н. Стрижева, О.И. Шафрановой; общ. ред. А.Н. Стрижева. М.: Паломник, 2001–2006.*
8. *Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический. Поучения на Св. Четырдесятницу на молитву св. Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего» / Воспроизведение издания Одесской Типо-хромолитографии М. Соколовской 1910 г. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский ин-т, Акционерная рекламно-издательская компания «Арико», 1995. 112 с.*
9. Мочульский К. *Духовный путь Гоголя. Париж: YMCA-PRESS, 1976. 147 с.*
10. *Погодин М.П. Кончина Гоголя // Москвитянин. 1852. № 5. Отд. VII. Современные известия. С. 47–50.*
11. *Седакова О.А. Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2008. 432 с.*

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
вторая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 42-58.

Voropaev V.A.
“HOW SWEET IT IS TO DIE!”
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 2
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 42-58.

12. *Тарасенков А.Т. Последние дни жизни Н.В. Гоголя. Изд. 2-е, доп. по рукописи. М.: Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1902. [2], 33 с.*
13. *<Феофан Затворник, святитель.> Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Толкования посланий апостола Павла. Послание к Колоссаем и к Филиппийцам. М.: Московский Сретенский монастырь; Паломник, Правило веры, 1998 / Репринтное издание: М.: Издание Русского Пантелеимонова монастыря, 1892. 464 с..*

“HOW SWEET IT IS TO DIE!”

The Death of Gogol as a Testament to His Descendants. Article 2

Voropaev V.A.,

Full Ph.D. (Philology), Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
voropaevvl@bk.ru

The article reconstructs the events of the last days of Gogol's life (1-21 February 1852: The Maslenaya Week, the first and the beginning of the second week of Lent). Only in the light of Gogol's church world outlook his behavior in the days of death becomes understandable. The interpretation of the litter on the margins of the Bible belonging to Gogol is offered: "Demand" against the words of St. Apostle Paul: "... I have a desire to be dissolved and to be with Christ ..." (Phil. 1: 23).

Key Words: Gogol, religious outlook, dying days, ascetic behavior, burning of the manuscripts.

References

1. Varnava (Belyayev), yepiskop. Osnovy iskusstva svyatosti. Opyt izlozheniya pravoslavnoy asketiki: V 4 t. T. 4. Nizhniy Novgorod: Izdaniye Bratstva vo imya svyatogo knyazya Aleksandra Nevskogo, 1998. 415 s.
2. Voropayev V.A. Eskhatologiya N.V. Gogolya [Elektronnyy resurs] // Yazyk i tekst langpsy.ru. 2016. Tom 3. №4. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n4/Voropaev.shtml> (data obrashcheniya: dd.mm.gggg) doi: 10.17759 / langt.2016030402. S. 9–24.
3. Gogol' N.V. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 17 t. / Sost., Podgotovka tekstov i komment. I.A. Vinogradova, V.A. Voropayeva. Moscow; Kiyev: Izd-vo Moskovskoy Patriarkhii, 2009-2010.
4. Gogol' v vospominaniyakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov. Polnyy sistemicheskiy svod dokumental'nykh svidetel'stv. Nauchno-kriticheskoye izdaniye: V 3 t. / Izdaniye podgotovil I.A. Vinogradov. Moscow: IMLI RAN, 2011–2013.
5. Dobrotolyubiye v rusском perevode, dopolnennoye: [V 5 t.]. T. 4. Svyato-Troitskaya Sergiyeva lavra, 1992 / Reprintnoye izdaniye: Moscow: Izdaniye Russkogo na Afone Panteleimonova monastyrya, 1901. 634, 634, XXX p.
6. Zhukovskiy V.A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. T. 11 (vtoroy polutom): Gospoda nashego Iisusa Khrista Novyy Zavet v perevode V.A. Zhukovskogo / Sost., Vstup. stat'ya, primech. D.V. Dolgushina; podgot. tekst F.Z. Kanunovoy, I.A. Ayzikovoy, D.V. Dolgushina; red. D.V. Dolgushin, A.S. Yanushkevich. Moscow: Izdatel'skiy Dom YASK, 2016. 664 s.
7. <Ignatiy, svyatitel'.> Polnoye sobraniye tvoreniy svyatitelya Ignatiya (Bryanchaninova): [V 8 t.] / Sost. A.N. Strizheva, O.I. Shafranovoy; obshch. red. A.N. Strizheva. Moscow: Palomnik, 2001-2006.
8. Innokentiy, arkhiepiskop Khersonskiy i Tavricheskoy. Poucheniya na Sv. Chetyredesyatnitsu na molitvu sv. Yefrema Sirina «Gospodi i Vladyko zhivota moyego» / Vosproizvedeniye

Воропаев В.А.

«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»

Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
вторая

Язык и текст langpsy.ru

2017. Том 4. № 4. С. 42-58.

Voropaev V.A.

“HOW SWEET IT IS TO DIE!”

The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 2

Language and Text langpsy.ru

4, pp. 42-58.

izdaniya Odesskoy Tipo-khromo-litografii Moscow Sokolovskoy 1910 g. Moscow: Pravoslavnyy Svyato-Tikhonovskiy bogoslovskiy in-t, Aktsionernaya reklamno-izdatel'skaya kompaniya «Ariko», 1995. 112 s.

9. Mochul'skiy K. Dukhovnyy put' Gogolya. Parizh: YMCA-PRESS, 1976. 147 c.
10. Pogodin M.P. Konchina Gogolya // Moskvityanin. 1852. № 5. Otd. VII. Sovremennyye izvestiya. S. 47–50.
11. Sedakova O.A. Slovar' trudnykh slov iz bogoslužheniya: Tserkovnoslavyano-russkiye paronimy. M.: Greko-latinskiy kabinet YU.A. Shichalina, 2008. 432 s.
12. Tarasenkov A.T. Posledniye dni zhizni N.V. Gogol'. Izd. 2-ye, dop. po rukopisi. Moscow: Tovarishchestvo skoropechatni A.A. Levenson, 1902. [2], 33 s.
13. <Feofan Zatvornik, svyatitel'.> Tvoreniya izhe vo svyatykh ottsa nashego Feofana Zatvornika. Tolkovaniya poslaniy apostola Pavla. Poslaniye k Kolossayem i k Filippiytsam. Moscow: Moskovskiy Sretenskiy monastyr'; Palomnik, Pravilo very, 1998 / Reprintnoye izdaniye: Moscow: Izdaniye Russkogo Panteleimona monastyr'a, 1892. 464 s.

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
третья
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 59-77.

Voropaev V.A.
“HOW SWEET IT IS TO DIE!”
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 3
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 59-77.

«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»

Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья третья¹

Воропаев В.А.,

*доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва,
Российская Федерация) voropaevvl@bk.ru*

В статье рассмотрены события последних дней жизни Гоголя, обстоятельства сожжения рукописей, а также версии о причинах смерти писателя, в частности, распространенное убеждение, что он уморил себя голодом. Сороковой день по кончине Гоголя на кладбище Свято-Данилова монастыря. Слова «Ей, гряди, Господи Иисусе» (Апок. 22: 20), выбитые на надгробном камне Гоголя выражают, без сомнения, самое главное в его жизни и творчестве: стремление к стяжанию Духа Святого и приготовление души к встрече с Господом.

Ключевые слова: Гоголь, религиозное мирозерцание, последние дни жизни, обстоятельства сожжения рукописей, светлые сороковины.

Для цитаты:

Воропаев В.А. «КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!» Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья третья [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №4. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Voropaev_3.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Voropaev V.A. “HOW SWEET IT IS TO DIE!” The Death of Gogol as a Testament to His Descendants. Article 3 [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 4. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Voropaev_3.shtml (Accessed dd.mm.yyyy)

<1>

Смерть Гоголя породила множество толков. Широкое распространение получило мнение, что он уморил себя голодом. На этом настаивал еще Н.Г. Чернышевский на основании воспоминаний доктора А.Т. Тарасенкова. Так думали многие, не исключая и людей религиозных. Например, профессор Киевской Духовной академии В.З. Завитневич утверждал: «Гоголь умер от истощения сил, до которого он добровольно довел себя посредством отказа от принятия пищи» [11, с. 403].

Современные исследователи пытаются подвести под это предположение научный фундамент. Так, известный богослов и историк Церкви А.В. Карташев в книге «Вселенские соборы» пишет, что Гоголь «покаянно отверг все плотское и уморил себя голодом в подвиге

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 16-04-00523а («Ганатологический дискурс русской словесности XI–XX веков в аспекте межкультурной коммуникации»).

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
третья
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 59-77.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 3
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 59-77.

спиритуализма». [13, с. 289]. Литературовед М.Я. Вайскопф в своей монографии о Гоголе утверждает, что смерть писателя «была типичным замаскированным самоубийством гностика, разрывающего плотские узы» [3, с. 656].

Однако Гоголь был православным христианином, исполняющим все церковные установления. Он знал, что такое смертный грех самоубийства [см.: 4]. Правильно понимаемый и исполняемый пост никак не может послужить причиной смерти человека. А то, что Гоголь понимал пост в церковном духе, неопровержимо свидетельствуют его выписки из творений святых отцов. Вот несколько примеров.

«Обманывается тот, кто думает, что сущность поста состоит в уменьшении только телесной пищи. Ибо известно, нарушители правил истинной добродетели не получают от того никакой пользы. Изнурение тела бесполезно для тех, которые в сердце питают ненависть и в груди своей носят закоренелую злобу и мстительность, Бог не войдет в такое гнусное жилище. Не лишнее ли дело мучить тело голодом и жаждою, когда душа измучена и гибнет от пороков? И молитва и пост бесполезны для тебя, когда ты не украшен верою, надеждою и любовью» (святой Ефрем Сирий) [7, т. 9, с. 41]; «Чтобы пост был настоящий – одного воздержания от пищи недостаточно. Будем поститься постом богоприятным. Истинный пост есть воздержание от пороков, обуздание языка, укрощение гнева и страстей, отложение злоречий, лжи, обмана, воздержание от сего есть истинный пост» (святой Василий Великий) [там же]; «Принимай на себя столько поста, сколько нести можешь. И пощение твое должно быть чисто, просто, нелицемерно, умеренно и несуетно» (Блаженный Иероним) [там же].

О том же говорят и пометы на принадлежавшей Гоголю Библии (ныне хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома). «Пост не дверь к спасенью», – написал он карандашом на полях против слов св. апостола Павла: *«Брашно же нас не поставляет пред Богом: ниже бо аще ямы, избыточествуем: ниже аще не ямы, лишаемся»* (*«Пища не приближает нас к Богу: ибо едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем»*, 1 Кор. 8: 8) [там же, с. 152].

Внутренняя жизнь Гоголя, под которой он понимал жизнь в Боге², была скрыта от окружающих. Не имея собственного дома и живя все время на людях, он, конечно, часто вынужден был скрывать свое пощение, как это и заповедано Евангелием. Гоголь чувствовал себя как дома, по-видимому, только у графа А.П. Толстого³. Бывая у тех знакомых, которые не

² 20 июня (н. ст.) 1843 года Гоголь писал из Эмса своему старому приятелю Александру Данилевскому в ответ на его упреки в охлаждении их отношений: «Внутреннюю жизнь я понимаю ту жизнь, когда человек уже не живет своими впечатлениями, когда не идет отведывать уже известной ему жизни, но когда сквозь все видит одну пристань и берег – Бога и во имя Его стремится и спешит употребить в дело данный Им же ему талант, а не зарыть его в землю, слыша, что не для своих удовольствий дана ему жизнь, что строже ее долг и что взыщется страшно с него, если он, углубясь во внутрь себя, и спросил себя и не узнал, какие в нем сокрыты стороны, полезные и нужные миру, и где его место, ибо нет ненужного звена в мире. А внешняя жизнь само собою есть противоположность внутренней, когда человек под влиянием страстных увлечений влечется без борьбы потоками жизни, когда нет внутри его центра, на который опершись, мог бы он пересилить и самые страдания и горе жизни. <...> Внешняя жизнь вне Бога, внутренняя жизнь в Боге» [7, т. 12, с. 252].

³ По свидетельству Тertia Ивановича Филиппова, служившего при графе Толстом чиновником особых поручений по вопросам Восточных Православных Церквей, тот «усердно исполнял все постановления Церкви и в особенности был точен в соблюдении

придавали большого значения посту, Гоголь старался не смущать их. Именно в этом смысле, видимо, надо понимать его записку Сергею Тимофеевичу Аксакову от 19 марта 1849 года: «...имеют сегодня подвернуться вам к обеду два приятеля: Петр Михайлович Языков и я, оба греховодники и скоромники. Упоминаю об этом обстоятельстве по той причине, чтобы вы могли приказать прибавить кусок бычачины на одно лишнее рыло» [7, т. 15, с. 168]. На эту записку, например, ссылается доктор Тарасенков, говоря, что Гоголь любил «сытные мясные кушанья» [20, с. 9].

Известно, что именно 19 марта Гоголь отмечал свой день рождения, который, бывая в Москве, нередко проводил у Аксаковых. В 1849 году день этот приходился на Великий пост. Зная духовное устройство Гоголя, можно с уверенностью утверждать, что он не ел у Аксаковых в этот день бычачины, хотя и счел необходимым в шуточной форме заблаговременно предупредить друзей, чтобы они чувствовали себя свободно.

Отметим, что через несколько дней Гоголь должен был причаститься Святых Таин. 3 апреля 1849 года, в день Светлого Христова Воскресенья, он писал матери и сестрам Анне и Елизавете: «Христос воскрес! От всей души поздравляю вас всех с радостнейшим праздником. Я провел его, слава Богу, не без душевного веселия. Вероятно, и вы также были счастливы в этот день по мере того, как умела душа возрадоваться воскресенью Того, Кто воскрешает всех, в Него верующих. Письмо ваше (от 19 марта) с поздравлением пришло ко мне в тот день, когда я удостоился приобщиться Св<ятым> Тайнам» [7, т. 15, с. 174]. Гоголь, по всей вероятности, причащался на Страстной неделе, скорее всего, в Великий четверг.

Само собой разумеется, что вкушение мяса Великим постом, за полторы недели до приобщения Святых Таин, недопустимо (это понятно даже для новоначальных). В выписках Гоголя из творений святых отцов и учителей Церкви находим следующее место о тех, кто причащается недостойно: «Таинство Евхаристии, принимаемое устами недостойных, вместо отпущения грехов их, вместо запечатления их к наследию небесному и вечному блаженству, вызывает на них праведный суд страшного Судии – Бога; и Пречистая Кровь Иисуса Христа в устах нечистых еще громче крови Авелевой вопиет к Богу об отмщении. Кому из вас, братия мои, не известны страшные поразительные опыты Божественного мщения на осквернителей святыни? <...> В первенствующей Церкви видимым образом – болезнью или смертью казнь небесная отпечатлевалась на тех, которые, не быв достойными, приступали к Евхаристии. Сего ради, говорит апостол, *в вас мнози немощны и недужливы, и усыпают*, то есть умирают, *довольни* (1 Кор. 11: 30)» (Приготовление к Исповеди и Причащению) [7, т. 9, с. 89].

Доктор Тарасенков на протяжении своих записок не раз говорит о молитвенном устройстве Гоголя в последние дни: «Свое пощение он не ограничивал одною пищею, но и сон умерял до чрезмерности; после ночной продолжительной молитвы он вставал рано и шел к заутрени...» [20, с. 16]. Со слов того же Тарасенкова известно, что Гоголь почти до самой смерти не ложился в постель, а оставался в креслах: «Несмотря на свое убеждение, что постель будет

поста, которое доводил до такой строгости, что некоторые недели Великого поста избегал употребления даже постного масла. На замечания, которые ему приходилось нередко слышать о бесполезности такой строгости в разборе пищи, он обыкновенно отвечал, что другие, более высокие требования христианского закона, как, например, полной победы над тонкими, глубоко укоренившимися от привычки страстями, он исполнить не в силах, а потому избирает по крайней мере такое простое и ему даже доступное средство, чтобы выразить свою покорность велениям Церкви...» (Гоголь в воспоминаниях Т.И. Филиппова) [9, т. 3, с. 889–890].

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
третья
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 59-77.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 3
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 59-77.

для него смертным одром (почему он старался оставаться в креслах), в понедельник на второй неделе поста (то есть 18 февраля. – *В. В.*) он улегся, хотя в халате и сапогах, и уже более не вставал с постели» [там же, с. 24].

Можно думать, однако, что Гоголь сидел в креслах не из страха умереть на постели. Скорее это было в некотором роде подражанием монашескому обычаю проводить ночной отдых не на ложе, а на стуле, то есть вообще сидя⁴. Павел Васильевич Анненков, рассказывая о пребывании вместе с Гоголем в Риме летом 1841 года, пишет в своих воспоминаниях: «Одно обстоятельство только тревожило меня, возбуждая при этом сильное беспокойное чувство, которое выразить я, однако же, не смел перед Гоголем, а именно тогдашняя его причуда – проводить иногда добрую часть ночи, дремля на диване и не ложась в постель. Поводом к такому образу жизни могла быть, во-первых, опасная болезнь, недавно им выдержанная и сильно напугавшая его, а во-вторых, боязнь обморока и замирания, которым он, как говорят, действительно был подвержен. Как бы то ни было, но открыть секрет Гоголя, даже из благодушного желания пособить ему, значило нанести глубочайшую рану его сердцу. Таким образом, Н<иколай> В<асильевич> довольно часто, а к концу все чаще и чаще приходил в мою комнату, садился на узенький плетеный диван из соломы, опускал голову на руку и дремал долго после того, как я уже был в постели и тушил свечу. Затем переходил он к себе на цыпочках и так же точно усаживался на своем собственном соломенном диванчике вплоть до света, а со светом взбивал и разметывал свою постель для того, чтоб общая наша служанка, прибиравшая комнаты, не могла иметь подозрения о капризе жильца своего, в чем, однако же, успел весьма мало, как и следовало ожидать. Обстоятельство это, между прочим, хорошо поясняет то место в любопытной записке Ф.В. Чижова о Гоголе 1843 года, где автор касается апатических вечеров Н.М. Языкова, на которых все присутствующие находились в состоянии полудремоты и после часа молчания или редких отрывистых замечаний расходились, приглашаемые иногда ироническим замечанием Гоголя: "Не пора ли нам, господа, окончить нашу шумную беседу" <...> Вечера эти могли быть для Н<иколая> В<асильевича> началом самой ночи, точно так же проводимой, только без друзей и разговоров» (Гоголь в воспоминаниях и письмах П.В. Анненкова) [9, т. 3, с. 450–451].

Завершает мемуарист свой рассказ следующими словами: «Конечно, тут еще нельзя искать обыкновенных приемов аскетического настроения, развившегося впоследствии у Гоголя до необычайной степени, но путь для них был уже намечен».

Думается все-таки, что здесь было не начало, а уже некоторая полнота аскетического поведения Гоголя. Косвенным подтверждением этому могут служить упомянутые Анненковым воспоминания Федора Васильевича Чижова, общавшегося с Гоголем в Риме в 1843 году. Он, в частности, говорит: «В каком сильном религиозном напряжении была тогда душа Гоголя, покажет следующее. В то время одна дама, с которою я был очень дружен, сделалась сильно больна. Я посещал ее иногда по несколько раз на день и обыкновенно приносил известия о ней в нашу беседу, в которой все ее знали – Иванов лично, Языков по знакомству ее с его родными, Гоголь понаслышке. Однажды, когда я опасался, чтоб у нее не было антонова огня в ноге, Гоголь просил меня зайти к нему. Я захожу, и он, после коротенького разговора, спрашивает: "Была ли она у святителя Митрофана?" – Я отвечал: "Не знаю". – "Если не была, скажите ей,

⁴ Например, никогда не имел постели в своих келлиях преподобный Серафим Саровский. В новейшее время архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Максимович) ночью отдыхал только сидя.

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
третья
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 59-77.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 3
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 59-77.

чтоб она дала обет помолиться у его гроба⁵. Сегодняшнюю ночь за нее здесь сильно молился один человек, и передайте ей его убеждение, что она будет здорова. Только, пожалуйста, не говорите, что это от меня". По моим соображениям, этот человек, должно было, был сам Гоголь...» (Гоголь в воспоминаниях, дневниках и письмах Ф.В. Чижова) [9, т. 3, с. 47–48].

Гоголь глубоко верил в силу молитвы, в том числе и своей собственной. «Неужели вы думаете, что я не сумел бы так же помочь и вашим неизлечимым больным? – писал он в статье "Что такое губернаторша", обращаясь к Александре Осиповне Смирновой. – Ведь вы позабыли, что я могу и помолиться, молитва моя может достигнуть и до Бога...» [7, т. 6, с. 98–99].

Умирал Гоголь с четками в руках. Это значит, что он постоянно внутренне произносил Иисусову молитву («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного»), исполняя заповедь Господню «*Непрестанно молитесь*» 1 Фес. 5, 17)⁶. В своей Библии Гоголь на полях повторил этот и предшествующий стих: «всегда радуйтесь и непрестанно молитесь» [7, т. 9, с. 157].

Оптинский иеромонах отец Климент (Зедергольм) говорил, что размышляя о смерти Гоголя, он всегда мысленно повторял слова: «Узрят кончину праведника и не уразумеют, что усоветова о нем Господь» (Матвеев П.А. Гоголь в Оптиной Пустыни) [9, т. 3, с. 728]. Изречение это, взятое из книги Премудрости Соломона (4: 17), в полном виде выглядит так: «*Узрят бо кончину премудрого и не уразумеют, что усоветова о нем и во что утверди его Господь*». Оно высечено на надгробии Ивана Васильевича Киреевского, погребенного в Оптиной Пустыни. Судьбы его и Гоголя во многом схожи.

<2>

После кончины Гоголя, в тот же день, прошел слух, что он сжег свои бумаги. Современники были уверены, что уничтожена рукопись второго тома «Мертвых душ». Была названа и дата сожжения – ночь с 11 на 12 февраля. Первым публично объявил о сожжении глав второго тома М.П. Погодин в своей некрологической статье: «Поутру он (Гоголь. – В. В.) сказал графу Т<олсто>му: «Вообразите, как силен злой дух! Я хотел сжечь бумаги, давно уже на то определенные, а сжег главы «Мертвых душ», которые хотел оставить друзьям на память после моей смерти» [18, с. 47].

Но самого Погодина не было рядом с Гоголем в последние дни, он писал со слов графа Толстого. Перед публикацией Погодин послал ему рукопись статьи с запиской (ныне хранится

⁵ Обретение мощей святителя Митрофана, епископа Воронежского, состоялось 7 августа 1832 года и сопровождалось многочисленными чудесными исцелениями. По свидетельству писателя Григория Петровича Данилевского, в Васильевке, во флигеле, где по обыкновению жил и работал Гоголь, над кроватью в углу висел «образ св. угодника Митрофана» (Свидетельства о Гоголе в воспоминаниях и письмах Г.П. Данилевского) [9, т. 1, с. 286].

⁶ По всей видимости, Гоголь и раньше творил Иисусову молитву. Николай Григорьевич Тройницкий, редактор «Одесского Вестника», посетивший его вместе с Львом Сергеевичем Пушкиным (братом поэта) в апреле 1848 года в здании Одесского карантинного дома, вспоминал, что приветствуя их, Гоголь имел в руках монашеские четки (Тройницкий Н.Г. <Гоголь в Одессе>) [см. 9, т. 3, с. 628]. Н.Г. Тройницкий написал стихотворение, посвященное Гоголю, в котором вспоминает эту встречу. Там есть такие строки: «Перебирая молча четки, / Ты нам привет послал рукой...» [там же, с. 629].

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
третья
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 59-77.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 3
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 59-77.

в Рукописном отделе Пушкинского Дома): «Вот что я набросал. Сделайте милость, граф, поправьте, дополните, сделайте, что угодно, – но только, прошу вас, поскорее: книга моего журнала должна выйти завтра. Мне показалось, совестно пройти молчанием – что мы за неучи – но я ничего не знаю и написал только, что вы рассказали. Так вы и окончите ваше доброе дело» [ИРЛИ. 16033; 5, с. 236].

Граф Толстой, просмотрев рукопись, писал Погодину: «Думаю, что последние строки о действии и участии лукавого в сожжении бумаг можно и должно оставить (то есть оставить не напечатанными. – В.В.). Это сказано было мне одному без свидетелей: я мог бы об этом не говорить никому, и, вероятно, сам покойный не пожелал бы сказать это *всем*. Публика не духовник, и что поймет она об такой душе, которую и мы, близкие, не разгадали. Вот и еще замечание: последние строки портят всю трогательность рассказа о сожжении бумаг» (Свидетельства о Гоголе графов А.П. и И.П. Толстых и графини А.Г. Толстой (рожденной княжны Грузинской)) [9, т. 3. с. 723].

Однако граф Толстой оговаривал, что он болен, и просил Погодина несколько не останавливаться за его мнением, которое есть мнение больного [там же]. Погодин и сам сомневался в целесообразности публикации этих строк, о чем сообщал в ответной записке графу, но все же поместил их.

Остается открытым вопрос, что именно сжег Гоголь перед смертью. Догадки современников и позднейших биографов разноречивы. Большинство считало, что погибла беловая редакция второго тома «Мертвых душ». Были и другие предположения: уничтожены «Размышления о Божественной Литургии» (над которыми Гоголь работал в последние годы жизни), политически опасные бумаги, – вплоть до версии, что Гоголь вовсе ничего не сжигал, а рукописи были спрятаны графом Толстым. Все эти гипотезы не имеют документального подтверждения, тем более что мы даже не знаем, закончил ли Гоголь второй том⁷.

О втором томе как завершенной рукописи говорит доктор Тарасенков: «"Литургия" и "Мертвые души" были переписаны набело его (Гоголя. – В.В.) собственной рукою, очень хорошим почерком» [20, 12]. Это сообщение, по сути, является единственным аргументом в пользу утверждения, что Гоголь сжег законченный второй том. На него ссылаются, например, комментаторы советского академического издания. Однако Тарасенков, как и все другие мемуаристы, основывался в первую очередь на рассказах графа Толстого: он не мог видеть воочию рукописей второго тома, поскольку был приглашен к Гоголю 13 февраля (то есть сразу после сожжения), а тот принял его только 16-го. Впрочем, Тарасенков и не говорит, что видел рукописи, – этого не могло быть уже потому, что Гоголь тщательно оберегал свои бумаги от постороннего взгляда.

Кстати, доктор Тарасенков не был, как иногда считают, домашним врачом Гоголя. Из записок архитектора и академика живописи Владимира Осиповича Шервуда явствует, что Тарасенков пользовал семью графа Толстого: «Он был, между прочим, доктором Толстых и следил последнее время за болезнью Гоголя, которую и описал в брошюре и где, между прочим, были ему сообщены и мною некоторые факты» [9, т. 3, с. 717]. Как следует из собственных записок Тарасенкова, он видел Гоголя во время его предсмертной болезни всего три раза: 16, 19 и 20 февраля. До этого они были едва знакомы.

После смерти Гоголя разбиравшие его бумаги И.В. Капнист, граф А.П. Толстой и С.П. Шевырев обнаружили пять черновых тетрадей, заключавших в себе пять неполных глав второго тома: четыре начальные главы, датируемые 1849–1850 годами и первоначальный набросок одной из последних глав (условно называемой пятой) более раннего происхождения.

⁷ Сомнение в том, действительно ли Гоголь завершил второй том, высказывал еще В.И. Шенрок [см.: 24, с. 910].

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
третья
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 59-77.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 3
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 59-77.

Уцелевшие тетради имеют несколько слоев правки. В текст в разное время вносились исправления карандашом и чернилами, превратившие рукопись мало-помалу в черновик для последующей переписки. Вся дальнейшая работа Гоголя остается нам неизвестной. Ни одной рукописи, ни одного текста последней редакции, кроме незначительных отрывков, до настоящего времени не обнаружено.

Характерно, что в воспоминаниях современников, слушавших в чтении Гоголя второй том, речь идет почти исключительно о начальных главах, то есть о тех, которые мы знаем по сохранившимся черновикам. Известно, что до отъезда из Москвы в Васильевку летом 1850 года Гоголем были выправлены и переписаны набело три начальные главы, которые он читал знакомым. Примерно за полгода до этого он писал Петру Александровичу Плетневу: «Все почти главы соображены и даже набросаны, но именно не больше, как *набросаны*; собственно написанных две-три и только» [7, т. 15, с. 294].

Больше всех Гоголь прочел Шевыреву: до седьмой включительно. Но это были, по всей видимости, только наброски, во всяком случае главы эти не были отделаны. «Из второго тома он читал мне <...> семь глав, – сообщал Шевырев сестре Гоголя Марии Николаевне Синельниковой. – Он читал их, можно сказать, наизусть, по написанной канве, содержа окончательную отделку в голове своей» [9, т. 2, с. 108]. Это чтение состоялось в июле – начале августа 1851 года на подмосковной даче Шевырева в селе Троицком или Кагулове по Рязанской дороге.

Последним, кто ознакомился с главами второго тома «Мертвых душ», был отец Матфей Константиновский. Вероятно, это произошло во время его последней встречи с Гоголем незадолго до сожжения рукописей. Ему нередко ставят в вину, что именно он подтолкнул писателя к этому. Отец Матфей отрицал, что по его совету Гоголь сжег второй том, хотя и говорил, что несколько набросков не одобрил и даже просил уничтожить.

«Говорят, что вы посоветовали Гоголю сжечь 2-й том "Мертвых душ"? – «Неправда и неправда... Гоголь имел обыкновение сжигать свои неудавшиеся произведения и потом снова восстанавливать их в лучшем виде. Да едва ли у него был готов 2-й том; по крайней мере, я не видал его. Дело было так: Гоголь показал мне несколько разрозненных тетрадей с надписаниями: *Глава*, как обыкновенно писал он главами. Помню, на некоторых было написано: глава I, II, III, потом, должно быть, 7, а другие были без означения; просил меня прочитать и высказать свое суждение. Я отказывался, говоря, что я не ценитель светских произведений, но он настоятельно просил, и я взял и прочитал... Возвращая тетради, я воспротивился опубликованию некоторых из них. В одной или двух тетрадях был описан священник. Это был живой человек, которого всякий узнал бы, и прибавлены такие черты, которых... во мне нет, да к тому же еще с католическими оттенками, и выходил не вполне православный священник. Я воспротивился опубликованию этих тетрадей, даже просил уничтожить. В другой из тетрадей были наброски... только наброски какого-то губернатора, каких не бывает. Я советовал не публиковать и эту тетрадь, сказавши, что осмеют за нее даже больше, чем за переписку с друзьями» (воспроизведение протоиереем Феодором Образцовым по памяти разговора между Т.И. Филипповым и отцом Матфеем) [15, с. 138–139; см. также 9, т. 3, с. 903].

Свидетельство отца Матфея крайне важно для нас потому, что это едва ли не единственный человек, который в то время был для Гоголя авторитетом, даже более – судьей его труда, приобретшего для самого автора не столько литературное, сколько духовно-нравственное значение. Трудно предположить, что Гоголь, имея законченный беловик, мог дать ему на суд разрозненные тетради с набросками.

Вероятно, и Шевыреву, и отцу Матфею были известны одни и те же главы, и, скорее всего, именно эти главы были уничтожены Гоголем в ночь с 11 на 12 февраля.

<3>

Нам теперь не узнать истинного чувства, которое испытывал Гоголь, сжигая рукописи. Погодин в статье-некрологе вопрошал по поводу этого события: «Было ль это действие величайшим подвигом христианского самоотвержения, самую трудную жертвою, какую может только принести наше самолюбие, или таился в нем глубоко сокрытый плод тончайшего самообольщения, высшей духовной прелести, или, наконец, здесь действовала одна жестокая душевная болезнь?» [18, с. 49].

На эти вопросы существуют разные ответы. Некоторые современники Гоголя и его биографы считали, что он сжигал рукописи в минуту безумия. Этой версии придерживается, например, Константин Мочульский. «Несомненно, – пишет он, – что Гоголь совершил сожжение в состоянии умоисступления; очнувшись, он раскаивался в нем и плакал» [14, с. 143]. С таким мнением согласиться никак нельзя.

Решение Гоголя жечь рукописи не было внезапным. Вот как рассказывает об этом Погодин: «Ночью, во вторник, он долго молился один в своей комнате. В три часа призвал своего мальчика и спросил его, тепло ли в другой половине его покоев. – "Свежо," – отвечал тот. – "Дай мне плащ, пойдем: мне нужно там распорядиться". И он пошел, со свечой в руках, крестясь во всякой комнате, чрез которую он проходил. Пришед, велел открыть трубу как можно тише, чтоб никого не разбудить, и потом подать из шкафа портфель. Когда портфель был принесен, он вынул оттуда связку тетрадей, перевязанных тесемкой, положил ее в печь и зажег свечой из своих рук.

Мальчик, догадавшись, упал пред ним на колени и сказал: "Барин, что вы это, перестаньте!" – "Не твое дело, – отвечал он, – молись!". Мальчик начал плакать и просить его. Между тем огонь погасал, после того как обгорели углы у тетрадей. Он заметил это, вынул связку из печки, развязал тесемку и уложил листы так, чтоб легче было приняться огню, зажег опять и сел на стуле перед огнем, ожидая, пока все сгорит и истлеет. Тогда он, перекрестясь, воротился в прежнюю свою комнату, поцеловал мальчика, лег на диван и заплакал. – "Иное надо было сжечь, – сказал он, подумав, – а за другое помолились бы за меня Богу; но, Бог даст, выздоровею и все поправлю"» [18, с. 49].

Это самый полный рассказ, основанный на свидетельствах гоголевского слуги Семена и графа Толстого. Из него следует, что Гоголь сжигал рукописи после продолжительной молитвы⁸, в его действиях не было ничего, что напоминало бы исступление. Тщательное изучение источников приводит к заключению, что Гоголь действовал совершенно осознанно.

Литературовед Василий Гиппиус высказал предположение, что сожжение явилось результатом роковой случайности. По его мнению, Гоголь не проверил содержимого перевязанной тесемкой пачки [см.: 6, с. 170]. Едва ли это так. Тем более что, по словам Шевырева, Гоголь отбирал бумаги: «некоторые откладывал в портфель, другие обрекал на сожжение. Эти последние велел мальчику связать трубкою и положить в камин» [9, т. 2, с. 108].

Примечательно, что Константин Леонтьев, духовный сын преподобного Амвросия Оптинского, говорил, что тот «больше сочувствовал сожжению Гоголем своих произведений, чем писанию» [1, с. 101]. Прозорливый и святой старец в точности понял духовный смысл происшедшего – Гоголь следовал твердо воле Божией и сделал свой выбор сознательно.

⁸ Святые отцы учат, что начатое с молитвой дело не может быть неудачным и тем более безрассудным, потому что оно начато с любовью, надеждой и верой.

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
третья
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 59-77.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 3
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 59-77.

Широкое распространение имеет версия, что Гоголь сжигал рукописи, будучи недоволен своим трудом как художник. Ее придерживался, например, такой авторитетный ученый, как академик Николай Савич Тихонравов. По его словам, предсмертное сожжение «было сознательным делом художника, убедившегося в несовершенстве всего, что было выработано его многолетним мучительным трудом» [8, т. 3, с. 576].

Однако оценивать эстетическую, художественную сторону второго тома сложно уже потому, что мы имеем дело с черновыми главами и набросками. Поэтому нет причин говорить о неудаче творческого характера. Неизвестно, как сожженные главы выглядели бы в беловике. Ведь не оцениваем мы художественные достоинства черновики первого тома, – нет у нас на это права, – они не предъявлены автором читателю. И все же отметим, что слушавшие главы второго тома в чтении Гоголя в подавляющем большинстве отзывались о них очень высоко. Так, 29 августа 1849 года Сергей Тимофеевич Аксаков сообщал сыну Ивану: «Не могу больше скрывать от тебя нашу общую радость: Гоголь читал нам первую главу 2-го тома "Мертвых душ". Слава Богу! Талант его стал выше и глубже...» (Гоголь в письмах и воспоминаниях С.Т. Аксакова) [9, т. 2, с. 605].

В начале января 1850 года Гоголь снова прочел Аксаковым первую главу, но уже в переработанном виде. Иван Сергеевич Аксаков, присутствовавший на чтении, писал родным из Ярославля 9 января этого года: «Спасибо Гоголю! Все читанное им выступало передо мною отдельными частями во всей своей могучей красоте... Если б я имел больше претензий, я бы бросил писать: до такой степени превосходства дошел он, что все другие перед ним пигмеи» (Гоголь в письмах И.С. Аксакова) [9, т. 2, с. 928].

Через две недели, 19 января, Гоголь прочитал Аксаковым вторую главу. На другой день Сергей Тимофеевич спешил поделиться своим впечатлением с сыном Иваном: «До сих пор не могу еще придти в себя <...> Такого высокого искусства: показывать в человеке пошлом высокую человеческую сторону, нигде нельзя найти <...> Теперь только я убедился вполне, что Гоголь может выполнить свою задачу, о которой так самонадеянно и дерзко, по-видимому, говорит он в первом томе» [9, т. 2, с. 609–610].

По свидетельству современников, слушавших в чтении Гоголя первые главы второго тома в период с 1849 по 1851 год, окончательный текст отличался от тех черновики, которые дошли до нас. Отличия эти касались главным образом более тщательной отделки произведения. Однако, без сомнения, и сохранившиеся главы имеют высокие достоинства, являются своеобразным художественным завещанием Гоголя русской прозе второй половины XIX века. Знаменательно, что Н.Г. Чернышевский, вовсе не сочувствовавший позднему направлению Гоголя, писал в «Очерках гоголевского периода русской литературы»: «В уцелевших отрывках есть очень много таких страниц, которые должны быть причислены к лучшему, что когда-либо давал нам Гоголь...» [23, т. 3. с. 13].

Гоголь, как и всякий писатель, конечно, испытывал сомнения, отчасти проверяя впечатление от вновь написанных вещей на слушателях. Однако высшим судьей был он для себя сам. И судил Гоголь свои произведения в свете Евангелия. «Всякому человеку следует выполнить на земле призвание свое добросовестно и честно, – говорил он в 1850 году. – Чувствуя, по мере прибавленья годов, что за всякое слово, сказанное *здесь*, дам ответ *там*, я должен подвергать мои сочиненья несравненно большему соображенью и осмотрительности, чем сколько делает молодой, не испытанный жизнью писатель» [7, т. 15, с 341].

В этой связи весьма симптоматичны слова Сергея Тимофеевича Аксакова, писавшего Шевыреву после смерти Гоголя: «...в самое последнее свидание с моей женой Гоголь сказал, что он *не будет печатать второго тома*, что в нем *все никуда не годится* и что *надо все переделать*» (из письма от 5 мая 1852 года) [9, т. 2, с. 619]. Вера Сергеевна Аксакова в своих воспоминаниях также свидетельствует, что Гоголь зимой 1851/52 года несколько раз виделся с ее матерью и

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
третья
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 59-77.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 3
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 59-77.

однажды на вопрос Ольги Семеновны, скоро ли он думает печатать второй том, ответил: «Нет, не скоро, многого недостает, и, если б теперь пришлось начинать, совсем бы иначе начал» (Гоголь в письмах и записных книжках В.С. Аксаковой) [9, т. 2, с. 899].

Гоголь хотел так написать свою книгу, чтобы из нее путь к Христу был ясен для каждого. Напомним его слова, сказанные по поводу сожжения второго тома в 1845 году: «...бывает время, что даже вовсе не следует говорить о высоком и прекрасном, не показавши тут же ясно, как день, путей и дорог к нему для всякого» («Четыре письма к разным лицам по поводу "Мертвых душ"») [7, т. 6, с. 87]. Цели, поставленные Гоголем, далеко выходили за пределы литературного творчества. Невозможность осуществить свой замысел, столь же великий, сколь и несбыточный, становится его личной писательской трагедией.

«Создал меня Бог и не скрыл от меня назначения моего, – писал Гоголь, объясняя причину сожжения первой редакции второго тома в 1845 году. – Рожден я вовсе не затем, чтобы произвести эпоху в области литературной. Дело мое проще и ближе: дело мое есть то, о котором прежде всего должен подумать всяк человек, не только один я. Дело мое – *душа и прочное дело жизни*. А потому и образ действий моих должен быть прочен, и сочинять я должен прочно.<...> Жгу, когда нужно жечь, и, верно, поступаю как нужно, потому что без молитвы не приступаю ни к чему» [там же].

Как видим, Гоголь не оставляет никаких причин для иных толкований своего поступка. Покорность воле Божией, без которой ничего не совершается в мире, полагал он, есть неперемное условие для художника, работающего Богу. «Мне нет дела до того, кончу ли я свою картину или смерть меня застигнет на самом труде, – писал он живописцу Александру Андреевичу Иванову 28 декабря (н. ст.) 1847 года из Неаполя, – я должен до последней минуты своей работать, не сделавши никакого упущенья с своей собственной стороны. Если бы моя картина погибла или сгорела пред моими глазами, я должен быть так же покоен, как если бы она существовала, потому что я не зевал, я трудился. Хозяин, заказавший это, видел. Он допустил, что она сгорела. Это Его воля. Он лучше меня знает, что и для чего нужно» [7, т. 14, с. 487].

Писатель в известных случаях имеет несчастье приносить вред и после смерти. Автор умирает, а произведение остается и продолжает губить души человеческие. Это прекрасно понимал Гоголь. В статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» он вспоминает басню Крылова «Сочинитель и Разбойник». Мораль этой басни угадывается в словах Гоголя из его «Завещания»: «Стонет весь умирающий состав мой, чужа исполинские возрастанья и плоды, которых семена мы сеяли в жизни, не прозревая и не слыша, какие страшилища от них подымутся...» [там же, т. 6, с. 11–12].

В сохранившихся главах второго тома помещик Костанжогло говорит: «Пусть же, если входит разврат в мир, так не через мои руки. Пусть я буду перед Богом прав...» [там же, т. 5, с. 430]. В этом речении слышится отзвук слов Спасителя: «*Горе миру от соблазнов: ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит*» (Мф. 18: 7). Святитель Филарет, митрополит Московский, толкуя это евангельское изречение, пишет: «Воистину плачевен грех и страшен, но соблазн более. Грех мой, при помощи благодати Твоя, могу я прекратить и покаянием очистить; но соблазна, если он виною моею подан и перешел к другим, уже не властен я ни прекратить, ни очистить» [22, т. 4, с. 130].

Другой современник Гоголя, святитель Феофан Затворник говорит о том же: «Соблазн растет и увеличивает беду самого соблазнителя, а он того не чует и еще больше расширяется в соблазнах. Благо, что угроза Божия за соблазн здесь, на земле, почти не исполняется в чаянии исправления; это отложено до будущего суда и воздаяния; тогда только почувствуют соблазнители, сколь великое зло соблазн» [21, с. 171].

Без сомнения, боялся писать на соблазн ко греху и Гоголь. В последнее десятилетие своей жизни он мало ценил прежние свои сочинения, пересматривая их глазами христианина. В предисловии к «Выбранным местам из переписки с друзьями» Гоголь говорит, что своей новой книгой он хотел искупить бесполезность всего, доселе им написанного. Эти слова вызвали немало нареканий и побудили многих думать, что Гоголь отрекается от своих прежних произведений. Между тем совершенно очевидно, что о бесполезности своих сочинений он говорит в смысле религиозном, духовном, ибо, как пишет далее Гоголь, в письмах его, по признанию тех, к которым они были писаны, находится более нужного для человека, чем в его сочинениях.

«Обращаться с словом нужно честно, – говорил Гоголь. – Оно есть высший подарок Бога человеку. Беда произносить его писателю <...> когда не пришла еще в стройность его собственная душа: из него такое выйдет слово, которое всем опротивеет. И тогда с самым чистейшим желаньем добра можно произвести зло» [7, т. 6, с. 21].

Талант, данный ему Богом, Гоголь хотел направить для прославления Бога и на пользу людям. И чтобы достичь этого, он должен был очистить себя молитвой и истинно христианской жизнью. Преображение русского человека, о котором мечтал Гоголь, совершалось в нем самом. Жизнь своей он продолжил свои писания.

Зародыши тех страстей, которые довели его героев до их ничтожества и пошлости, Гоголь находил в себе. В 1843 году, отвечая на вопрос одного из своих друзей, отчего герои «Мертвых душ», будучи далеки от того, чтобы быть портретами действительных людей, будучи сами по себе свойства совсем непривлекательного, неизвестно почему близки душе, Гоголь говорит: «...герои мои потому близки душе, что они из души; все мои последние сочинения – история моей собственной души». И далее замечает: «Не думай, однако же <...> чтобы я сам был такой же урод, каковы мои герои. Нет, я не похож на них. Я люблю добро, я ищу его и сгораю им; но я не люблю моих мерзостей и не держу их руку, как мои герои; я не люблю тех низостей моих, которые отдаляют меня от добра. Я воюю с ними, и буду воевать, и изгоню их, и мне в этом поможет Бог» [там же, с. 85].

«В этом же моем ответе найдешь ответ и на другие запросы, если попристальней взглядишься, – продолжает Гоголь. – Тебе объяснится также и то, почему не выставил я до сих пор читателю явлений утешительных и не избирал в мои герои добродетельных людей. Их в голове не выдумаешь. Пока не станешь сам хотя сколько-нибудь на них походить, пока не добудешь медным лбом и не завоюешь силою в душу несколько добрых качеств, – мертвечина будет все, что ни напишет перо твое, и, как земля от Неба, будет далеко от правды» [там же, с. 86].

В то время как большая часть читателей потешалась над его героями, считая себя неизмеримо выше них, Гоголь страдал и томился, понимая, что и он несовершенен. Он почувствовал, что ему не только не удаются положительные герои, но и не могут удалиться. Почему это так, отчасти можно понять из писаний святителя Игнатия (Брянчанинова). В статье «Христианский пастырь и христианин-художник» он высказывает глубокую мысль: «Большая часть талантов стремились изобразить в роскоши страсти человеческие. Изображено певцами, изображено живописцами, изображено музыкою зло во всевозможном разнообразии. Талант человеческий, во всей своей силе и несчастной красоте, развился в изображении зла; в изображении добра он вообще слаб, бледен, натянут.<...> Когда усвоится таланту евангельский характер, – а это сначала сопряжено с трудом и внутреннею борьбою, – тогда художник озаряется вдохновением свыше, только тогда он может говорить свято, петь свято, живописать свято». [12, т. 4, с. 505–506].

Духовный смысл кончины Гоголя не укрылся от наиболее пронизательных его современников. Княжна Варвара Николаевна Репнина-Волконская писала в своих

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
третья
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 59-77.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 3
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 59-77.

воспоминаниях: «Я понимаю, что Гоголь сжег свое творение и не понимаю плача С.Т. Аксакова и недоумения многих по поводу того, что Гоголь под конец своей жизни не остался прежним Гоголем, юмористом, а сделался истинным христианином. Все и вся должно исчезнуть; в новом, обновленном мире тленное не будет иметь места, и Гоголь обновленный в Царстве Небесном уже не Гоголь земной, но бессмертная ликующая душа, воспевающая "Свят, свят, свят!"». (Из воспоминаний княжны В.Н. Репниной о Гоголе) [9, т. 3, с. 101–102].

<4>

Существует еще несколько не попавших в поле зрения исследователей (или истолкованных неверно) свидетельств современников о сожжении рукописей – точнее, о следах сожжения. Широко известны воспоминания князя Дмитрия Александровича Оболенского, пришедшего в дом, где умер Гоголь, на следующий день после его смерти. «От гр<афа> Толстого узнал я все подробности странной кончины Гоголя и все подробности сожжения рукописей. Убитый горем, вошел я в комнату, среди которой стояла кафельная печь, еще полная пепла от сгоревшей рукописи» (Оболенский Д.А., князь. О первом издании посмертных сочинений Гоголя. Воспоминания. 1855 г.) [9, т. 3, с. 690].

Литературовед А. Бельшева, приводя эти воспоминания, обвиняет автора едва ли не в лжесвидетельстве: «Вот уже поистине усердие паче чаяния! Рукопись сжигалась 11–12 февраля. Неужели в эту холодную зиму печь не топили целых одиннадцать дней!» [2, с. 180–181].

Исследователь не принимает во внимание тот очевидный факт, что комнаты, где произошло сожжение, в то время действительно могли не топиться: они были нежилыми. Эти две комнаты, в которых жил Гоголь, пустовали с тех пор, как граф Толстой перевел его в другую спальню в левой части дома, где было теплее. В этой спальне Гоголь провел последние дни жизни, здесь он и умер.

Лев Иванович Арнольди, посетивший Гоголя накануне его кончины, вспоминает: «Гоголь, видно, переменял комнаты в последнее время или был перенесен туда уже больной, потому что прежде я бывал у него от входной двери направо, а теперь меня ввели налево в том же первом этаже» (Гоголь в воспоминаниях Л.И. Арнольди) [9, т. 2, с. 384].

Сожжение же произошло именно в нетопленном кабинете, что видно из рассказа слуги Семена в передаче графа Толстого. Не доверять свидетельству князя Оболенского нет оснований. Мемуарист описал то, что слышал от графа Толстого и видел собственными глазами. Об этих остатках рукописей вспоминают и другие очевидцы. Приведем два письма близко знавшего Гоголя композитора Алексея Николаевича Верстовского к директору Императорских театров Александру Михайловичу Гедеонову.

Первое письмо датировано 23 февраля 1852 года. «Вчерашнего числа, желая навестить на днях занемогшего писателя нашего драматического Гоголя, я наехал на его кончину – и сколько ни было мне грустно видеть эту картину, не менее того жаль было видеть остатки сожженных лепестьев многих его сочинений. Это приписывают уже сумасшествию последних минут его жизни... Какой-то фатализм овладел им совершенно. Ничтожное средство могло спасти его, но он умер с тою неизменною мыслию, что если ему суждено определенно жить, то он не умрет» [Цит. по 10, с. 337].

В другом письме к тому же адресату (от 9 декабря 1852 года), после представления драмы немецкого писателя графа Альфреда де Виньи «Чаттертон» Верстовский вновь обращается к обстоятельствам, сопутствующим смерти Гоголя: «Глядя на эту пьесу, я пожалел, что у нас не позволяют пьес современных. Сколько бы можно было собрать денег, если б

дозволено было представить смерть Гоголя, который за несколько часов до смерти сжег лучшие сочинения свои. А что касается до гонителей, то оных было поболее старого милорда Beckforda (персонажа драмы А. де Виньи. – *В. В.*). Мне остались еще в памяти минуты его кончины, в которую квартальный с хожалым разбирали не совсем догоревшие его бумаги» [там же].

В этом свидетельстве интересно упоминание о разборе бумаг Гоголя полицейским, но явно настораживает утверждение, что сожжение произошло за несколько часов до смерти; в это время Гоголь настолько ослаб, что уже не вставал с постели. По словам доктора Тарасенкова, не доверять которым у нас нет оснований, накануне кончины, вечером 20 февраля, Гоголь «уже не мог сам приподнять голову и держать рюмку; надобно было придержать и то и другое, чтоб он был в стоянии выпить поданное» [20, с. 27].

Примечательно, хотя и не совсем надежно свидетельство корреспондента газеты «Санкт-Петербургские Ведомости», который сообщал 4 марта 1852 года читателям об обстоятельствах кончины Гоголя: «Три дня или, собственно, три ночи перед смертью он жег находившиеся у него бумаги, и потому одни говорят, что он уничтожил все, что у него было, но другие надеются, что у некоторых из его друзей окажутся его рукописи и в числе их будто бы и второй том "Мертвых душ"».

И далее корреспондент передает рассказ камердинера Гоголя Семена, сообщенный ему на другой день после смерти писателя: «Застав его одного около покойного, я к нему обратился с некоторыми расспросами и, между прочим, спросил о бумагах. "Жгли, батюшка, дня три жгли, все ночью; походят, походят здесь, пожгут; пойдут в ту комнатку, там пожгут. Один раз много что-то пожгли; я вошел к ним, они и говорят мне: сжег, а теперь самому жалко стало, многие бы за это спасибо сказали... Ну я, конечно, говорю: дал бы Бог здоровья, батюшка Николай Васильевич, может, еще лучше напишете... Они посмотрели на меня, да только улыбнулись..."».

В этой заметке настораживают два обстоятельства: во-первых, известный со слов не только Семена, но и самого Гоголя (графу Толстому) рассказ об однократном сожжении превращается в целые три дня; во-вторых, диалог между Гоголем и Семеном в некоторых деталях буквально совпадает с разговором, который произошел у Гоголя с графом Толстым на следующий день после сожжения. И конечно же вызывает сомнение сообщение о том, что это были «три ночи перед смертью» – о причинах этого уже сказано выше.

Тем не менее эти факты заслуживают внимания, а именно тем, что ставят новые вопросы: почему оба не связанных между собой свидетеля упоминают о сожжении перед самой кончиной? Имеет ли место в данном случае ошибка памяти или здесь кроется еще одна загадка?⁹.

<5>

⁹ Заметим также, что в Москве в это время прошел слух, что Гоголь сжег рукописи перед самой смертью. Дмитрий Николаевич Свербеев писал жене 26 февраля 1852 года: «Еще до кончины узнали, что за день или два он ночью тайно от всех сжигает все свои сочинения и тут же "Мертвые души"...» (Гоголь в воспоминаниях и письмах Свербеевых) [9, т. 3, с. 846]; Федор Иванович Иордан извещал художника Александра Андреевича Иванова 19 марта того же года: «За два дня до <...> смерти, ночью, топился у него камелек, и он все рвал и жег... <...> "Мертвых душ" второй части не находят... <...> говорят, что и это сжег...» (Гоголь в воспоминаниях и письмах Ф.И. Иордана) [9, т. 3, с. 382].

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
третья
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 59-77.

Voropaev V.A.
"HOW SWEET IT IS TO DIE!"
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 3
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 59-77.

После кончины Гоголя в его бумагах были обнаружены обращение к друзьям, наброски духовного завещания, молитвы, написанные на отдельных листках, предсмертные записи.

Молюсь о друзьях моих. Услыши, Господи, желанья и моления их. Спаси их, Боже. Прости им, Боже, как и мне, грешному, всякое согрешенье пред Тобою.

Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк прелезай иначе есть тать и разбойник.

Аще не будете малы, яко дети, не внидете в Царствие Небесное.

Помилуй меня, грешного, прости, Господи! Свяжи вновь сатану таинственную силою неисповедимого Креста!

Как поступить, чтобы признательно, благодарно и вечно помнить в сердце моем полученный урок? И страшная история всех событий Евангельских... [7, т. 6, с. 412, 414].

В завещании Гоголь советовал сестрам открыть в своей деревне приют для бедных девиц, а по возможности и превратить его в монастырь, и просил: «Я бы хотел, чтобы тело мое было погребено если не в церкви (в родной Васильевке. – В.В.), то в ограде церковной, и чтобы панихиды по мне не прекращались» [там же, с. 413].

На похоронах Гоголя возникли споры. Друзья хотели отпевать его в приходской церкви Преподобного Симеона Столпника, которую он любил и посещал. Однако по настоянию начальства Гоголь был отпет в университетской церкви Святой мученицы Татианы. Позднее, в 1881 году Иван Сергеевич Аксаков в письме к известному библиографу Степану Ивановичу Пономареву так освещал эту распрю: «Сначала делом похорон стали распоряжаться его ближайшие друзья, но потом университет, трактовавший Гоголя в последнее время как полусумасшедшего, опомнился, предъявил свои права и оттеснил нас от распоряжений. Оно вышло лучше, потому что похороны получили более общественный и торжественный характер, и мы все это признали и предоставили университету полную свободу распоряжаться, сами став в тени» [17, с. 142].

Хоронили Гоголя 24 февраля в Свято-Даниловском монастыре. «Погребение совершал приходский священник Алексей Иоаннович Соколов, с диаконом Иоанном Михайловым Пушкиным, дьячком Георгием Александровичем Линьковым и пономарем Петром Кирилл<л>овым Марковым» (Свидетельства о Гоголе в записи Н.П. Бочарова) [9, т. 3, с. 578]. Псалтирь у гроба Гоголя в университетской Татианинской церкви читала Елизавета Ивановна Попова [см.: 19, с. 308].

Незадолго до своей кончины, убеждая князя Петра Андреевича Вяземского приняться за написание истории царствования Екатерины Великой, Гоголь высказал мысль о необходимости оставить «завещанье после себя потомству»: «потомству, которое так же должно быть нам родное и близкое нашему сердцу, как дети близки сердцу отца (иначе разорвана связь между настоящим и будущим)...» (из письма от 1 января 1852 года) [7, т. 15, с. 461]. Таким завещанием Гоголя потомкам (помимо его сочинений), стала его христианская кончина, в которой проявилась во всей непреложности связь между настоящим и будущим, связь между поколениями.

<6>

Сороковой день по кончине Гоголя пришелся на понедельник Светлой седмицы (Пасха Христова в 1852 году праздновалась 30 марта). У могилы Гоголя на кладбище Свято-Данилова монастыря собрались его друзья и почитатели: С.Т. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, А.С. Хомяков, П.В. Киреевский, Н.В. Берг, Т.Н. Грановский, А.Н. Островский, Т.И. Филиппов и другие – всего

около сорока человек. После заупокойной обедни была отслужена панихида по усопшему рабу Божию Николаю. «Утешением было в нашем горе, – вспоминал С.П. Шевырев, – слышать воскресный колокол вместе с заупокойным пением. На могиле его, убранной зеленью и цветами среди снега, мы слышали: "Христос Воскресе!"» [9, т. 2, с. 110].

Кончина Гоголя примирила рассорившихся было С.Т. Аксакова и С.П. Шевырева, Ю.Ф. Самарина и М.П. Погодина. Последний записал в своем дневнике 29 марта 1852 года: «А ведь действительно в смерти Гоголя что-то примиряющее и любовное» (Гоголь в письмах, дневниках и воспоминаниях М.П. Погодина) [9, т. 2, с. 515]. Уместно вспомнить здесь слова, обращенные к графу А.П. Толстому в статье «Занимающему важное место» (запрещенной цензурой и увидевшей свет только после смерти Гоголя): «Я даже уверен, что когда буду умирать, со мной простятся весело все меня любившие: никто из них не заплачет и будет гораздо светлее духом после моей смерти, чем при жизни моей» [7, т. 6, 152–153].

После панихиды предложена была трапеза (согласно завещанию Гоголя¹⁰) шестидесяти бедным и монашествующей братии. На поминальном обеде в покоях настоятеля, архимандрита Пармена, Шевырев прочел «Светлое Воскресенье» – последнее напечатанное при жизни произведение Гоголя. Все были тронуты до слез. «Можете себе представить, – писал М.П. Погодин, – какую силу получило каждое его слово, само по себе сильное, теперь послышавшееся из могилы, запечатленное великой печатью смерти – и бессмертия» (Погодин М.П. Поминовение по Гоголе (Отрывок из письма в Петербург <к А.О. Смирновой> [9, т. 2, с. 515]). В этот день впервые столь светло и победно прозвучало духовное слово Гоголя, единодушно и сердечно воспринятое друзьями его.

Во время поминальной трапезы обдумывали, какой памятник поставить Гоголю. «Две надписи встретили всеобщее сочувствие, – вспоминал Шевырев. – Одна относится к нему как к писателю и взята из пророка Иеремии: "Горьким словом моим посмеюся". Другая относится к любимым мыслям последнего десятилетия его жизни. В ней выражается сосредоточие всех его мыслей: "Ей, гряди, Господи Иисусе!". Поминки происходили в замечательный день: 30 марта, по преданию Церкви, было распятие Спасителя. С 31-го марта на первое апреля совершилось Воскресение. 31-го марта мы поминали его» [9, т. 2, с. 110]. Ни Шевырев, ни кто-либо другой из присутствовавших, не знали, что это был день смерти отца Гоголя, Василия Афанасьевича, умершего на третий день Светлого Христова Воскресения и завещавшего похоронить себя в родной деревне возле церкви.

Предполагаемые надписи на гоголевском памятнике были предложены Шевыревым; во всяком случае, первая из них – из пророка Иеремии (на церковнославянском языке: 20: 8): «Горьким словом моим посмеюся». Этот стих из Священного Писания, помещенный на надгробной плите из черного мрамора и ныне наиболее часто цитируемый, по словам писателя Петра Паламарчука, «замечательно отразил союз художественной правды с пророческим служением, в котором сам Гоголь видел смысл своего творчества» [16, с. 389]. Слова «Ей, гряди, Господи Иисусе», взятые из Апокалипсиса (22: 20), впоследствии были выбиты на надгробном камне Гоголя (так называемой Голгофе) и выражают, без сомнения, самое главное в его жизни и творчестве: стремление к стяжанию Духа Святого и приготовление души к встрече с Господом.

Литература

¹⁰ В «Завещании», напечатанном в книге «Выбранные места из переписки с друзьями», Гоголь писал: «Предать же тело мое земле, не разбирая места, где лежать ему, ничего не связывать с оставшимся прахом; <...> прошу лучше помолиться покрепче о душе моей, а вместо всяких погребальных почестей угостить от меня простым обедом нескольких не имущих насущного хлеба» [7, т. 6, с. 10].

Воропаев В.А.

«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»

Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
третья

Язык и текст langpsy.ru

2017. Том 4. № 4. С. 59-77.

Voropaev V.A.

“HOW SWEET IT IS TO DIE!”

The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 3

Language and Text langpsy.ru

4, pp. 59-77.

1. Аггеев К., священник. Христианство и его отношение к благоустройению земной жизни: Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К.Н. Леонтьевым понимания христианства. Киев: Типография «Петр Барский», 1909. [2], X, 333 с.
2. Белышева А. Тайна смерти Гоголя // Нева. Л., 1967. № 3. С. 170–181.
3. Вайскопф М.Я. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. Изд. 2-е, испр. и расшир. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 2002. 686 с.
4. Воропаев В.А. «Да будет воля Твоя...». О причинах смерти Н.В. Гоголя // Кусковские чтения – 2017: Материалы международной научной конференции «Культурно-семиотическое пространство русской словесности: история развития и перспективы изучения» / Министерство образования и науки Российской Федерации, Московский гос. психолого-педагогический ун-т; сост. И.В. Дергачевой. М.: Кругъ, 2017. С. 9–20.
5. Воропаев В.А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. 2-е изд., испр., доп. М.: Паломник, 2014. 336 с.
6. Гиппиус В. Гоголь // Гиппиус В. Гоголь; Зеньковский В. Н.В. Гоголь / Предисл. и сост. Л. Аллена. СПб.: Изд-во «Logos», 1994. С. 9–188.
7. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. / Сост., подготовка текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.
8. Гоголь Н.В. Сочинения: [В 7 т.] Изд. 10-е / Текст сверен с собственноручными рукописями автора и первоначальными изданиями его произведений Николаем Тихонравовым. М.: Издание книжного магазина В. Думнова, под фирмой «Наследники бр. Салаевых», 1889. Т. 3. 617 с.
9. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. / Издание подготовил И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013.
10. Гозенпуд А. Русский оперный театр XIX века: [В 3 т.]. Т. 1: 1836–1856. Л.: Музыка, 1969. 464 с.
11. Завитневич В. Религиозно-нравственное состояние Н.В. Гоголя в последние годы его жизни // Памяти Гоголя. Научно-литературный сборник, изданный Историческим Обществом Нестора-летописца / Под ред. Н.П. Дашкевича. Киев, 1902. Отд. II. С. 338–424.
12. <Игнатий, святитель.> Полное собрание творений святителя Игнатия (Брянчанинова): [В 8 т.] / Сост. А.Н. Стрижева, О.И. Шафрановой; общ. ред. А.Н. Стрижева. М.: Паломник, 2001–2006.
13. Карташев А.В. Вселенские соборы. М.: Изд-во Республика, 1994. 216 с.
14. Мочульский К. Духовный путь Гоголя. Париж: YMCA-PRESS, 1976. 147 с.
15. Образцов Ф., протоиерей. О. Матфей Константиновский, протоиерей Ржевского собора. По моим воспоминаниям // Тверские Епархиальные Ведомости. 1902. № 5. 1 марта. Часть неофициальная. С. 128–141.
16. Паламарчук П.Г. «Ключ» к Гоголю // Паламарчук П.Г. Козацкие могилы: Повести, сказания, художественные исследования. М.: Современник, 1990. С. 336–422.
17. Письма к библиографу С.И. Пономареву. М.: Издание Л.Э. Бухгейма, 1915. [4], 230, [2] с.
18. Погодин М.П. Кончина Гоголя // Москвитянин. 1852. № 5. Отд. VII. Современные известия. С. 47–50.
19. <Попова Е.И.> Дневник Елизаветы Ивановны Поповой. 1847–1852 / Под ред. кн. Н.В. Голицына; предисл. Л.В. Беловинского; Гос. публичная историческая библиотека России. М., 2013. 320 с. – (Вглядываясь в прошлое).

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
третья
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 59-77.

Voropaev V.A.
“HOW SWEET IT IS TO DIE!”
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 3
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 59-77.

20. Тарасенков А.Т. Последние дни жизни Н.В. Гоголя. Изд. 2-е, доп. по рукописи. М.: Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1902. [2], 33 с.
21. <Феофан, святитель.> Епископ Феофан. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из Слова Божия. М.: Издание Московской Патриархии, 1991 / Репринтное издание.
22. <Филарет, святитель.> Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского: В 5 т. М.: Типография А.И. Мамонтова и К, 1873–1885.
23. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 3. М.: Гослитиздат, 1947. 885 с.
24. Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя. Т. 4. М., 1897. 974 с.

“HOW SWEET IT IS TO DIE!”

The Death of Gogol as a Testament to His Descendants. Article 3

Voropaev V.A.,

Full Ph.D. (Philology), Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
voropaevvl@bk.ru

The article examines the events of the last days of Gogol's life, the circumstances of the burning of manuscripts, as well as the version of the causes of the death of the writer, in particular, the widespread belief that he starved himself to death. Fortieth day after the death of Gogol in the cemetery of the St. Daniel Monastery. The words "She, come, Lord Jesus" (Revelation 22:20), carved on the tombstone of Gogol, undoubtedly express the most important thing in his life and work: the desire to acquire the Holy Spirit and prepare the soul for a meeting with the Lord.

Key Words: Gogol, religious world outlook, the last days of life, circumstances of the burning of the manuscripts, holy fortieth.

References

1. Aggeev K., the priest. Christianity and its relation to the improvement of earthly life: The experience of critical study and theological evaluation of the disclosed K.N. Leontief understanding of Christianity. Kiev: Typography "Peter Barsky", 1909. [2], X, 333 p.
2. Belysheva A. The mystery of Gogol's death // Neva. Leningrad, 1967. № 3. P. 170–181.
3. Weisskopf M.Ya. Gogol's story: Morphology. Ideology. Context. Ed. 2 nd, corrected. and expanded. Moscow: Russian state. Humanitarian University, 2002. 686 p.
4. Voropaev V.A. «Thy will be done ...». About the causes of N.V. Gogol // Kuskov Readings – 2017: Proceedings of the International Scientific Conference «Cultural-Semiotic Space of Russian Literature: History of Development and Prospects for Study» / Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Moscow State University. psychological-pedagogical university; comp. I.V. Dergacheva. Moscow: Krug, 2017. P. 9–20.
5. Voropaev V.A. Nikolay Gogol: Experience of spiritual biography. 2 nd ed., Rev., ext. Moscow: Pilomnik, 2014. 336 p.
6. Gippius V. Gogol // Gippius V. Gogol; Zenkovsky V. N.V. Gogol / Preface and sost. L. Allen. St. Petersburg: Publishing house «Logos», 1994. P. 9–188.
7. Gogol N.V. Complete works and letters: In 17 tons / Comp., preparation of texts and comments. I.A. Vinogradova, V.A. Voropaeva. Moscow; Kiev: Publishing house of the Moscow Patriarchate, 2009–2010.
8. Gogol N.V. Compositions: [In 7 t.] Ed. 10-th / The text is checked with the handwritten manuscripts of the author and the original editions of his works by Nikolai Tikhonravov. Moscow: Publishing of V. Dumnov's bookstore, under the company «Heirs of Br. Salaev», 1889. T. 3. 617 p.

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
третья
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 59-77.

Voropaev V.A.
“HOW SWEET IT IS TO DIE!”
The Death of Gogol as a Testament to His
Descendants. Article 3
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 59-77.

9. Gogol in memoirs, diaries, correspondence of contemporaries. Full systematic collection of documentary evidence. Scientific-critical edition: В 3 т. / The edition was prepared by I.A. Vinogradov. Moscow: IMLI RAS, 2011–2013.
10. Gosenpud A. Russian opera theater of the nineteenth century: [In 3 vol.]. T. 1: 1836–1856. Leningrad: Music, 1969. 464 p.
11. Zavitnevich V. Religious and moral state N.V. Gogol in the last years of his life // In memory of Gogol. Scientific and literary collection published by the Historical Society of Nestor the Chronicler / Ed. N.P. Dashkevich. Kiev, 1902. Otd. II. P. 338–424.
12. <Ignatius, saint.> Complete collection of the creations of St. Ignatius (Brianchaninov): [In 8 vol.] / Comp. A.N. Strizheva, O.I. Saffron; Society. ed. A.N. Strizhev. Moscow: Pilomnik, 2001–2006.
13. Kartashev A.V. Ecumenical Councils. Moscow: Publishing House of the Republic, 1994. 216 p.
14. Mochulsky K. Spiritual path of Gogol. Paris: YMCA-PRESS, 1976. 147 c.
15. Samples of F., archpriest. O. Matthew Konstantinovsky, Archpriest of the Rzhev Cathedral. According to my recollections // The Tver Diocesan Gazette. 1902. № 5. March 1. The part is informal. P. 128–141.
16. Palamarchuk P.G. «The key» to Gogol // Palamarchuk P.G. Cossack graves: Tales, legends, artistic studies. Moscow: Contemporary, 1990. P. 336–422.
17. Letters to the bibliographer S.I. Ponomarev. Moscow: Ed. L.E. Buchheim, 1915. [4], 230, [2] p.
18. Pogodin M.P. The death of Gogol // Moskvityanin. 1852. № 5. Otd. VII. Modern news. P. 47–50.
19. <Popova E.I.> Diary of Elizabeth Ivanovna Popova. 1847–1852 / Ed. book. N.V. Golitsyna; pref. L.V. Belovinsky; Gos. public historical library of Russia. Moscow, 2013. 320 p. – (Looking at the past).
20. Tarasenkov A.T. The last days of his life Gogol. Ed. 2 nd, ext. from the manuscript. Moscow: The Society of Speedy Prints. Levenson, 1902. [2], 33 p.
21. <Theophanes, Bishop.> Bishop Theophanes. Thoughts for every day of the year on church readings from the Word of God. Moscow: Publishing of the Moscow Patriarchate, 1991 / Reprint edition.
22. <Filaret, prelate.> Compositions of Filaret, Metropolitan of Moscow and Kolomna: In 5 vol. Moscow: Typography A.I. Mamontov and K, 1873–1885.
23. Chernyshevsky N.G. Complete Works: In 15 vols. T. 3. Moscow: Goslitizdat, 1947. 885 p.
24. Shenrok V.I. Materials for the biography of Gogol. T. 4. Moscow, 1897. 974 p..

Лекарство душевное — воспоминание смертное¹

Дергачева И.В.,

доктор филологических наук, профессор, декан факультета «Иностранные языки»
ФГБОУ ВО МГППУ (Москва, Россия) dergachevaiv@mgppu.ru

Стремление познать тайны инобытия проходит через всю историю мировой литературы. Каждая эпоха давала свои ответы на эти вопросы и по-своему представляла идею таинственного соединения человеческого с трансцендентным. С самых истоков существования древнерусской письменности были популярны идеи о нахождении смысла жизни перед лицом смерти. В статье приведен краткий анализ танатологических смыслов как важнейших регуляторов мировоззренческих установок и поведения героев некоторых значимых произведений мировой литературы в диахроническом аспекте.

Ключевые слова: Лекарство душевное, Синодики, антитезы «жизнь-смерть», смертный час, воздаяние праведным, наказание грешным, Дракула, Влад Цепеш.

Для цитаты:

Дергачева И.В. Лекарство душевное — воспоминание смертное [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №4. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Dergacheva.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Dergacheva I.V. The medicine of the soul — a remembrance of death [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 4. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Dergacheva.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

«К чему наши потуги?... Почему сказано, что соблазны надобны Ему, но горе тем, через кого пройдет соблазн? Как бежать нам этих тупиков, отец Леонид...» [1, с. 282] – вопрошал Андрей Арсениевич Лучников, впервые представший перед читателем редактором-издателем "Русского Курьера", выражающего Идею Общей Судьбы Острова Крыма (Базы Временной Эвакуации) и «ЕДИНОЙ-НЕДЕЛИМОЙ-УБОГОЙ и ОБИЛЬНОЙ-МОГУЧЕЙ и БЕССИЛЬНОЙ... матушки-Руси», зашорившимся со своей Идеей, со своей газетой, отца Леонида уже год не посещавший, крестившийся на светофоры, а некоторое время спустя – обретший дорогу к храму – хоронить своих любимых, а вместе с ними и сам остров, «память о старой России и мечту о Новой». Обряд погребения открывает ему глаза и очищает душу .

Осмысление жизни через «память смертную и Страшный суд» характерно для христианской морали [5, 6, 10]. Соответственно и почитание усопших в «Старой России» обусловило необычайную популярность Помянников вплоть до начала XX века. Эти книги обычно назывались синодиками, с конца XV века часто содержали наряду с перечнем имен для поминовения предисловия, в которые входили литературно-учительные, назидательные, литургические, догматические, апокрифические, исторические, агиографические тексты,

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 16-04-00523а («Танатологический дискурс русской словесности XI–XX веков в аспекте межкультурной коммуникации»).

объединенные общей синодичной темой поминовения усопших. С XVII века Синодик может обособляться от Помянника и состоять целиком из текстов, составляющих характерную для Синодика тематику и направленность. Синодик XVII-начала XX вв. становится одной из самых распространенных на Руси книг, не тиражируемых, но каждый раз составляемых заново. Статьи, вошедшие в состав синодичных предисловий, заимствовались из «Золотого фонда» письменности Средних веков - из житий, Скитского и Синайского патериков, Пролога, Триоди постной, Соборника, патристики, Библии, апокрифов, Великого и Малого Зерцала, Неба Нового Иоанникия Голятовского, а также литературных произведений, популярных в средневековой России. Обычно анонимные, составители предисловий, представляющих образец церковно-учительной литературы, излагали и комментировали смысл обряда поминовения усопших, а в статьях уставного характера описывали последование погребения. Скорбью о «маловременности сего жития» и призывом к своевременному покаянию и спасению души проникнуты статьи лирико-аскетического характера, построенные на антитезах «жизнь-смерть», «мгновение-вечность», «богатство-пепел». Составители предисловий призывают читателя: «Приидите, мудрствуйте, земная видите гроб, плачители и рыдайте, помышляйте всегда смерть...». Смертный час интересовал составителей синодичных предисловий как начало воздаяния праведным и грешным в зависимости от их образа жизни. По мнению составителей Синодика, в исключительных случаях возможно взаимопроникновение двух миров - земного и трансцендентного для свидетельства и назидания живым: «Старец некто, имея житие чисто в ските, и преставльшуся ему, братия ж начаша над ним пети надгробная пения и видев брата умершаго трижды возсмеющегося. И вопрошиша его братия глаголя: "Чесо ради возсмеялся еси трижды во гробе, кую доброту узрев?" Отвеща старец и рече: «Братие, первые возсмеясь, яко все на мя зря, поминаете смертный час. Второе возсмеясь, яко избави мя Бог от сует мира сего. Третие возсмеясь яко в покои гряду. Братия же о сем прославиша Бога и погребоша его с честью великою в ските» [4, с. 62]. Загробные мучения грешников являют собой страшный пример для назидания живым. В более позднее время (третья четверть XVII-XVIII вв.) на базе основного тематического ядра синодичных предисловий сформировался сборник, в названии которого - «Лекарство душевное - воспоминание смертное, сиречь синодик. Повести зело душеполезны суть. Избраны древних святых мужей, трудившихся Бога ради, царствия ради небеснаго и своего ради спасения, его же ради восприяша венць нетленныя, и царствию небесному наследницы быша» [4, с. 78-87] - подчеркнута неразрывная связь между двумя ипостасями человеческого существования - «маловременного сего жития» и «жизни вечной». Ибо, как гласят заимствованные составителями Синодиком из «В субботу мясопустную, Слова Иоанна Златоустаго, еже не плакаться по умерших»: «Восстанию вси веруем. Исаия бо вопиет ясно: «Востанут мертвии сущии...» Сего ради о умерших не скорбите и веруйте воскресению, несть зло смерть...»

Авторство первого Помянника с синодичными предисловиями принадлежит выдающемуся просветителю и книжнику русского Средневековья, игумену Волоколамского монастыря, преподобному Иосифу Волоцкому. В синодике Иосифа Волоцкого 1479 года после Помянника приведены «предисловия» 1503 года, открывающиеся «Сказанием, имущим свидетельство от божественных писании, о спасительных и душеполезных книгах, о сенанице и о повседневном поминании, како подобает нам о сих попечение имети и какова польза бывает от сего живым же и умершим душам» [4, с. 21-25].. По определению самого Иосифа, вместе они составляют «божественное писание, еже написаном зде, от многих малая о еже вере усопших, и як бываемыя о них службы и приношение, молитвы же и милостыня пльзуют их и прочетше утешитися имут». В основе сюжетных статей этого Синодика лежит трехчастная композиция, условной схеме которой «Грех - Молитва - Отпущение грехов» или «Несчастье - Молитва - Спасение» суждено жить в вековой истории русской литературы. В повествовании о «Макарии и черепа элина» [язычника. - И.Д.] удвоение сюжетной схемы и некоторое ее изменение (вторая схема «Смертный грех - Вечные муки») обусловлено желанием автора подчеркнуть

концепционное ядро предисловий Синодика Иосифа - положение о том, что невозможно отмотить лишь единый грех - грех людей, познавших истинного Бога, но отступивших от него (в слове Макария Египетского об обретении лба языческого жреца говорится, что худшим мукам обречены души христиан, имевших возможность познать истинного Христа, но отвергнувших от него ради гонений или впадших в ересь).

Начало XX века в России еще до апокалипсических событий 17-го года отмечено столь резкой драматизацией мироощущения, которая, пожалуй, была сродни дуалистическому видению, характерному для ересей, от павликианской и мессальянской до богомильской (X века, Болгария), оказавшей влияние на ломбардских патаринов и другие секты Северной Италии, а во Франции - на движение альбигойцев. Представление о жизни как о борьбе Бога и дьявола, воспринимаемых как дух и история, синтезированные в человеке, своем общем творении, конечная победа Бога над дьяволом, добра над злом, вытекающее отсюда отрицание материального как сатанинского порождения - подобные тезисы были характерны не только для вышеназванных еретических течений, но, позже, в том числе и для декаданса «серебряного века».

Тема «черта» неизменно фигурирует в мемуаристике начала века. Например, З.Н. Гиппиус, «Живые лица»: «Мне особенно ясно запомнился профессор Н. Бугаев, математик, лысый и приятный [Отец Б. Бугаева – Андрея Белого]. Он, к общему удивлению, весь вечер говорил... о чертах. Рассказывал с хохотом, как чорт его на извозчике возил, и другие случаи из своей жизни, где чертовское присутствие обнаруживалось с несомненностью» [7, 257]. Это – о событиях 1901–1902 годов. А вот как писал Н.Н. Евреинов в 1912 году («Театр, как таковой»): «Нет пределов театральной иллюзии, как нет пределов моей воле и представлению... Подзадорьте меня только! Поставьте только на рельсы, по которым вы хотите, чтоб помчался мой фантастический поезд, а уж я поеду, поеду, уеду отсюда куда хотите, хоть к чорту в лапы, хоть на край света!.. Бейте меня там, поите расплавленной серой, – я буду благодарен за эту поездку, я заплачу вам!.. И всему поверю, – и тому, что есть край света, и что там живет чорт с лапами, и что меня «особенно» мучат, и что мне «особенно» больно. (Не забудьте только красный рефлектор, пожалуйста костюмчик чорту постраховиднее, опять же хоть какую-нибудь декорацию «края света» (горы там или отверстый люк...))» [8, 76].

Не так уж много оставалось и до того времени, когда «ничтожество», по словам Андрея Арсениевича Лучникова, недооценившего живучесть «Биопсихического аспекта Великой русской Революции», «понесло гибель во все просторы земли» Русской, а «дренажная система ГУЛАГа быстро откачала избыток таланта и творчества...» [1].

В литературной жизни того времени нашли место романы о графе Дракуле, получившем бессмертие совершением греха, «который тяжелее и страшнее всех грехов смертных», – богоотступничества. На сюжетном уровне в двух рассматриваемых романах о Дракуле, короле вампиров, этот тезис реализуется по-разному: в творении (б)Олшеври акцентируется языческая стихия, захлестнувшая Дракулу и определившая трагическую судьбу нескольких поколений его потомков: «... граф Дракула уехал в Индию и изучал там черную магию под наблюдением браминов и... уже оттуда его наследники попали в Америку... Причиной и началом всех несчастий был старый граф Дракула, ухитрившийся сам себя привезти в гробу из Америки под видом старого слуги; с его приездом началась первая загадочная эпидемия, во время которой и погибла молодая графиня Мария Дракула» [2]. Погибла она, укушенная змеей, оживленной «таинственной силой», заключенной в «ожерелье из жемчуга, вернее из

жемчужной змеи с зелеными глазами, некогда украшавшем грудь языческого бога Вицли-Пуцли», пропавшего с разорением испанцами храма Вицли-Пуцли и подаренного «американским дьяволом» графине. Языческая стихия усиливается введением в сюжетную схему мотива покровительства «Бовами... кровожадной богини Индии», оказываемого своим «избранникам», капитану Райту и доктору Джемсу, отмеченным ею «татуированным рисунком лотоса». И, наконец, языческие боги прямо названы покровителями вампиров: «У вампиров есть что-то вроде иерархии, они преклоняются перед сильнейшими. Но кто эти сильнейшие, опять не разберешь, в одном месте выходит даже так, что это древние боги, которым приносились человеческие кровавые жертвы» [2].

Брэм Стокер приводит более подробное жизнеописание графа Дракулы, акцентируя в нем дьявольское начало: «Дракулы, как сообщает Арминий, большой и знатный род. По мнению современников, кое-кто из этого рода имел дело с нечистым. Многие тайны узнали они в школе дьявола – Шоломанче, среди гор, где каждого десятого ученика дьявол делает своим помощником. В выписках Арминия были такие слова, как «stregoica» - ведьма, «Ordog» и «Pokol» – сатана и ад. А в одной рукописи об этом самом Дракуле говорилось, что он вампир, о чем нам уже хорошо известно» [3]. Христианская диалектика противоборства добра и зла подчеркнута автором в следующем наблюдении: «Он плоть от плоти великих мужей и добрых жен своего рода, и лишь на земле, освященной их могилами, могла родиться такая мерзость. Ведь самое ужасное то, что зло глубоко коренится в добре: в земле, не освященной, его останки не упокоились бы» [3].

Кто же этот великий отступник, «посланец дьявола», своим кровавым крещением вампира «превращающий людей в «стрелу» в борьбе против Того, что умер за нас всех»? «Это, действительно, тот воевода Дракула, что прославился в борьбе с турками на границе владений султана», а именно - господарь Влад, правивший в Восточной Валахии в 1456–1462 и 1477 годах. Этой неординарной личности, в исторической памяти оставшейся под двумя прозвищами «Цепеш» (Сажатель на кол) – «Дракула» (Дьявол), с XV века вплоть до настоящего времени посвящался целый ряд художественных произведений (подробная библиография приведена в капитальной монографии Я.С. Лурье [9]. См. также виртуозное исследование В. Цымбургского «Граф Дракула, философия истории и Зигмунд Фрейд», опубликованное в качестве послесловия к роману Б. Стокера «Вампир» [3]. «Зломудрый» жестокий тиран, тезоименный Дьяволу, беспощадно расправляющийся со своими подданными, Дракула древнерусской повести XV века не наделен чертами вампира. Однако факт его отступничества от православия («И предпочел Дракула радости суетного мира вечному и бесконечному, и изменил православию, и отступил от истины, и оставил свет, и вверг себя во тьму. Увы, не смог перенести временных тягот заключения, и отдал себя на вечные муки, и оставил нашу православную веру, и принял ложное учение католическое» [11] – эпизод это является неотъемлемой частью двух основных редакций повести – Кирилловской и Румянцевской) согласно догматам православной христианской церкви неизбежно обрекает его на вечные загробные мучения. И если в теологических конструкциях синодичных предисловий смерть грешника рисовалась с привлечением возможно более страшных и ужасающих образов, то в романе об отступнике Дракуле была создана своего рода литературная гипербола, позволившая в образной форме изложить ключевое положение христианской доктрины Страшного суда и загробного воздаяния. Леденящие душу похождения вампира (ср. трагедию Катерины из «Страшной мести» Н.В. Гоголя, пережившей гибель мужа и ребенка от руки отца-оборотня, богоотступника, «турецкого игумена») и избранных его жертв, таких как Леди Приведение, по сути, представляет собой в особом роде художественно переосмысленную иллюстрацию тезиса древнерусской повести: «и оставил свет, и вверг себя во тьму».

Литературные обработки легенд о Дракуле, а также киносерии по их мотивам, пользующиеся невероятным успехом с 20-х годов XX века вплоть до настоящего момента, сохраняют концепционный императив христианской этики – противоборство Бога и дьявола, добра и зла, света и тьмы, – вечный, как сама жизнь. В этом, вероятно, и заключается одна из причин притягательности «неумирающего» Короля Вампиров, в течение двух ночей державшего в страхе самого А.А. Блока.

Но вампиры Стокера и (б)Олшеври нашли свое упокоение с помощью заупокойных молитв и осинового кола, стали «верными покойниками Бога», души которых «вместе с Ним».

Андрею Арсениевичу Лучникову, прошедшему через соблазны и испытанному горю, достало заупокойной молитвы для обретения тесных врат и узкого пути, ведущих в жизнь... и даже полковнику Сергееву запоздало, ибо «Очи несмысленных ослепляет власть», приоткрывается истина: «Боже, как я живу, - думал он. - Чем я всю жизнь занимаюсь» [1, с. 283]. Истинное понимание смысла жизни через «память смертную», интенция, столь характерная для древнерусских книжников, которую они неустанно повторяли для спасения души своих читателей, а через их спасение и спасение собственной души, приходит полковнику Сергееву как нельзя более кстати: временной хронотоп изменился и время повествования потекло с невообразимой скоростью: «В душе его была тревога, он часто посматривал на светящийся циферблат своих часов... Вдруг что-то случилось с современным механизмом: стрелки, секундная. Минутная и часовая. Закрутились с невероятной скоростью, словно в бессмысленной гонке, а в рамке дней недели стали выскакивать один за другим: понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье, понедельник, вторник, среда, четверг...» [1, с. 283]. Кто теперь разгадает замысел автора – не готов ли он был поставить своих героев перед Страшным судом, на котором они бы точно получили ответы на свои вечные вопросы...

Литература

1. Аксенов В.П. Остров Крым. М., 1990.
2. Барон Олшеври. Вампиры. Из семейной хроники графов Дракула-Карди. [Электронный ресурс]. URL: https://aldebaran.ru/author/olshevri_baron/kniga_vampiryi_iz_semeyinoyi_hroniki_grafov_dr (Дата обращения: 20.11.2017).
3. Брэм Стокер. Дракула. [Электронный ресурс]. URL: <http://librebook.me/dracula> (Дата обращения: 20.11.2017).
4. Дергачева И.В. Древнерусский Синодик: исследования и тексты / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VI. М., 2011.
5. Дергачева И.В. Топосы иного мира в «Житии Василия Нового» [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2016. Том 3. № 4. С. 33–43. doi:10.17759/langt.2016030404
6. Дергачева И.В. «Устроение души» как основная доминанта сознания авторов вкладных, данных и духовных [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Том 3. No3. URL <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n3/Dergacheva.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2016030302/
7. Гиппиус З. Стихотворения; Живые лица / Серия «Забытая книга». М.: Художественная литература, 1991.
8. Евреинов Н. Н. Театр как таковой . Берлин: Academia, 1923.
9. Лурье Я.С. Повесть о Дракуле. М.-Л., 1964.

Дергачева И.В.
Лекарство душевное — воспоминание смертное
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 78-84.

Dergacheva I.V.
The medicine of the soul — a remembrance
of death
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 78-84.

11. Мильков В.В. Тема земного рая в древнерусских апокрифах 1: Хождение Зосимы к рахманам [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2016. Том 3. № 4. С. 44–71. doi:10.17759/langt.2016030405/.
12. Сказание о Дракуле воеводе. Перевод О.В. Творогова. URL: <http://www.infoliolib.info/rlit/drl/dracula.html#2> (Дата обращения 20.11.2017).

The medicine of the soul — a remembrance of death

Dergacheva I.V.,

doctor of philology, professor, dean of the Faculty of Foreign Languages, MSUPE (Moscow, Russia) dergachevaiv@mgppu.ru

The desire to learn the secrets of otherness passes through the whole history of world literature. Each epoch gave its answers to these questions and in its own way represented the idea of the mysterious union of man with the transcendent. From the very beginnings of the existence of Old Russian writing, the ideas of finding the meaning of life in the face of death were popular. The article presents a brief analysis of thanatological meanings as the most important regulators of worldview attitudes and the behavior of the heroes of some significant works of world literature in the diachronic aspect.

Key Words: The medicine of the soul, the Synodiki, the antithesis "life-death", the hour of death, the reward of the righteous, the punishment of sinners, Dracula, Vlad Tepes.

References

1. Aksenov V.P. Ostrov Krym. M., 1990.
2. Baron Olshevri. Vampiry. Iz semejnoy hroniki grafov Drakula-Kardi. [Elektronnyj resurs]. URL: https://aldebaran.ru/author/olshevri_baron/kniga_vampiryi_iz_semeyinoyi_hroniki_grafov_dr (Data obrashcheniya: 20.11.2017).
3. Brem Stoker. Drakula. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://librebook.me/dracula> (Data obrashcheniya: 20.11.2017).
4. Dergacheva I.V. Drevnerusskij Sinodik: issledovaniya i teksty / Pamyatniki drevnerusskoj mysli: issledovaniya i teksty. Vyp. VI. M., 2011.
5. Dergacheva I.V. Toposy inogo mira v «ZHitii Vasiliya Novogo» [Elektronnyj resurs] // YAzyk i tekst. 2016. Tom 3. № 4. S. 33–43. doi:10.17759/langt.2016030404
6. Dergacheva I.V. «Ustroenie dushi» kak osnovnaya dominanta soznaniya avtorov vkladnyh, dannyh i duhovnyh [Elektronnyj resurs] // YAzyk i tekst langpsy.ru. 2016. Tom 3. No3. URL http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n3/Dergacheva_shtml (data obrashcheniya: dd.mm.gggg) doi: 10.17759/la
7. ngt.2016030302/
8. Gippius Z. Stihotvoreniya; ZHivye lica / Seriya «Zabytaya kniga». M.: Hudozhestvennaya literatura, 1991.
9. Evreinov N. N. Teatr kak takovoj . Berlin: Academia, 1923.
10. Lur'e YA.S. Povest' o Drakule. M.-L., 1964.
11. Mil'kov V.V. Tema zemnogo raya v drevnerusskikh apokrifah 1: Hozhdenie Zosimy k rahmanam [Elektronnyj resurs] // YAzyk i tekst. 2016. Tom 3. № 4. S. 44–71. doi:10.17759/langt.2016030405/.
12. Skazanie o Drakule voevode. Perevod O.V. Tvorogova. URL: <http://www.infoliolib.info/rlit/drl/dracula.html#2> (Data obrashcheniya 20.11.2017).

Мильков В.В.

Апокрифические образы иного мира в апокрифах
«Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху»
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 85-118.

Milkov V.V.

Apocryphal images of the other world in the Apocrypha "The vision of the Apostle Paul", "Walking of the Virgin by Flour", "Questions and Answers of St. Athanasius to the Antiochus"
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 85-118.

Апокрифические образы иного мира в апокрифах «Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху»¹

Мильков В.В.,

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН (ИФРАН), г. Москва, Россия, dr_milkov@mail.ru

В публикации воспроизводятся и анализируются апокрифические тексты, в которых содержится описание иного мира и посмертных судеб душ умерших людей. Места мучений грешных описываются в апокрифах в жанре, совмещающем черты видения и хождения («Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по мукам»), а феномены рая и геены в «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху» рассматриваются как географические реалии. В аналитической части публикации автор систематизирует данные о редакциях апокрифических сочинений и дает информацию о рукописях, в которых данные редакции представлены. Публикация снабжена переводом апокрифов на современный русский язык.

Ключевые слова: древнерусская книжность, апокрифы, жанры описания иного мира, публикация текста и перевода, земной рай, геена, посмертные судьбы умерших.

Для цитаты:

Мильков В.В. Апокрифические образы иного мира в апокрифах «Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху» [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №4. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Milkov.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Milkov V.V. Apocryphal images of the other world in the Apocrypha "The vision of the Apostle Paul", "Walking of the Virgin by Flour", "Questions and Answers of St. Athanasius to the Antiochus" [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 4. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Milkov.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

В силу отсутствия прямых указаний Св. Писания на устройство инобытийной сферы действительности круг представлений о рае и аде в общественном сознании Древней Руси формировался на основе сведений, которые можно было почерпнуть из апокрифической книжности.

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 16-04-00523а («Ганатологический дискурс русской словесности XI–XX веков в аспекте межкультурной коммуникации»).

Мильков В.В.

Апокрифические образы иного мира в апокрифах
«Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху»
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 85-118.

Milkov V.V.

Apocryphal images of the other world in the Apocrypha "The vision of the Apostle Paul", "Walking of the Virgin by Flour", "Questions and Answers of St. Athanasius to the Antiochus"
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 85-118.

Благодаря произведениям неканонического круга древнерусский читатель знакомился с будоражившими воображение образами потустороннего мира. Почерпнутые там сведения впоследствии отражались в оригинальном творчестве древнерусских книжников и особенно в произведениях изобразительного искусства отечественного Средневековья. Без учета апокрифического компонента составить представление о мировосприятии древнерусского человека в таком важнейшем с доктринальной точки зрения вопросе как тайна инобытия весьма и весьма затруднительно. Здесь мы предлагаем несколько апокрифических текстов, в которых образы иного мира сопрягаются с трактовкой посмертных судеб душ и гипотезами об устройении и локализации ада и рая.

1

«Видение апостола Павла» относится к наиболее распространенным произведениям инобытийной тематики в древнерусской письменности. В нем как бы со слов авторитетнейшего в христианском мире проповедника христианства (апостола язычников) повествуется о посмертной участи людей. Как и в других апокрифических откровениях, персонажами которых являются Божии избранники (ср.: «Книга Еноха», «Откровение Варуха», «Видение Исая»), апостолу открывается тайны сокровенного, которые недоступны простым смертным. Взору Павла с высот мироздания предстают души умерших людей, на примерах судеб которых конкретизируется посмертная участь праведных и грешных, описываются места, предназначенные для воздаяния отошедшим душам.

В исследовательской литературе принято считать, что в «Видении апостола Павла» в пленяющих воображение образах получает конкретизацию новозаветное свидетельство о восхищении Богом апостола на третьем небе, где тот созерцал рай (2 Кор. 12, 2–4). Рассказу об ином мире, облик которого чудесным образом был открыт апостолу Павлу, и посвящено содержание неканонического повествования.

Согласно тексту апокрифа, Павел находился в особом состоянии – **въ дѣствѣ**. Именно в этом состоянии прорыва к трансцендентному ему открывается инобытийная сфера, перемещение по грандиозным пространствам которой описывается как путешествие в сопровождении ангела. Сюжетно путешествие в иной мир начинается с вознесения Павла на третье райское небо. В апокрифе яркими красками живописуется устройство открывшейся ему райской обители: вход для чистых сердцем праведников обрамляют два столпа, на которых записаны имена служащих Богу; внутреннее пространство рая наполнено чудесными деревьями с изобильными плодами; в окружении ослепительного сияния перед апостолом открылся двенадцатистенный золотой град Христов – Небесный Иерусалим, откуда изливались сладостные песни Давида, славившего сидящих на седьмом небе Отца и Сына. В тексте перечисляются также библейские праведники, с которыми довелось в небесном раю встретиться Павлу (названы: Исая, Авраам, Исаак, Иаков, Иеремия, Захария, Михей). На третьем небе избраннику Божию были показаны райские реки, которые текли медом, молоком, вином и елеем. Они с четырех сторон окружали райский град. Каждый из этих потоков соотносится с одной из библейских рек. Из сюжета следует, что райские источники чудесным образом дают начало великим земным рекам: Геону, Фисону, Евфрату и Тигру. Данный мотив соотносим с «Книгой Еноха», также помещавшей исток земных рек в небесный рай.

Затем путь визионера был направлен его божественным спутником с вершин мироздания к аду. Он предстал расположенным в западной стороне, причем апостол Павел увидел места мучений извне (т. е. со стороны неба-небес), где «начало небесное» (твердь) имеет свое основание за водами Мирового Океана. Расположенный с наружной стороны сотворенного пространства ад описывается в самых мрачных чертах загробного мира – без света и в подземных глубоких пропастях, локусы которых наполнены огнем, червями, дыханием нестерпимого холода. Там протекает огненная река,

Мильков В.В.

Апокрифические образы иного мира в апокрифах
«Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху»
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 85-118.

Milkov V.V.

Apocryphal images of the other world in the Apocrypha "The vision of the Apostle Paul", "Walking of the Virgin by Flour", "Questions and Answers of St. Athanasius to the Antiochus"
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 85-118.

степень погруженности в которую грешников зависит от глубины их падения. Путь в бездну рисуется как узкий колодец из обжигающих нечестивцев камней. В общем и целом, с этой частью апокрифа связана одна из важнейших тем апокрифа – это тема воздаяния за грехи. Причем изощренные муки описываются вполне телесно и этой своей особенностью апокриф повторяет типичную для неканонической письменности манеру визуализации духовных по сути своей мучений. Описание мук сопровождается обращением героя повествования к Богу помиловать грешников. Введением данного мотива апокриф утверждает необходимость человеколюбия, терпения, прощения и милости. Идея конечного воздаяния, тем не менее, не подвергается ревизии. Осужденные на муки грешники получают по ходатайству Павла, Михаила архангела и пророка Ильи передышку от мучений раз в неделю. В такой форме текст формировал установку на мягкое и человеколюбивое отношение к жизни и слабостям человеческой природы.

На следующем этапе своего необыкновенного путешествия Павел был поставлен ангелом в раю Эдемском, откуда в начале истории были изгнаны Адам с Евой. Там он снова лицезреет исток четырех рек, которые вытекают из рая и несут свои воды в мир с четкой географической привязкой. Это означает, что визионер посещает чувственный рай, являющийся частью сотворенной природы. Поэтому неправильно говорить, как это делается в ряде работ, о повторном посещении Павлом рая. Упоминание Фисона, Геона, Тигра и Евфрата в пределах земного пространства в спорах о рае было важнейшим аргументом в пользу доказательства существования земной обители праведных. Данная часть повествования идейно созвучна таким неканоническим произведениям, развивавшим тему земного рая, как «Хождение Зосимы к рахманам», «Житие Макария Римского», «Хождение Агапия в рай». Правда, в сравнении с этими произведениями облик земного рая не обладает чертами выдающейся броскости и в этом своем качестве контрастирует с обликом небесного рая. Реалиями райского устройства на земле, кроме рек, предстают древо добра и зла, из-за которого смерть вошла в мир, а также второе древо – древо жизни. Надо сказать, что в земном раю Павла приветствуют и беседуют с ним Мария, Авраам, Исаак, Иаков, Моисей, Илия, Иеремия, Ной, Исая, Елисей. Значительная часть из этих персонажей выше уже упоминались в апокрифе как насельники небесного рая. Характерно, что мотив райских истоков могучих рек мира в апокрифе так же повторяется. Подобное дублирование можно объяснить только следствием соединения разнородных по своему происхождению частей апокрифа, из которого не были устранены противоречия. В силу подобных рассогласований логично ожидать, что компиляция чревата нарушением цельности картины мира, которая создается апокрифом. Проверим, так ли это.

Описание ада и рая в «Видении апостола Павла» является частью глобального мироустройства, каковым он представлялся создателю этого апокрифического текста. О космологических воззрениях автора можно судить по тем деталям, которые приводятся по ходу повествования о перемещениях визионера по пространствам мироздания. Во время чудесного путешествия Павлу было открыто «начало небесное», имевшее опору на Мировом Океане. Эта важная и недвусмысленно заявленная деталь космоописания дает основание считать, что автор апокрифа был приверженцем плоскокомарной концепции мироздания. Сторонники этого направления в богословии представляли пространство земли плоским, окруженным водами Океана, на внешние пределы которого опираются стены небесного свода. В данной космосхеме рай Эдемский локализовался за Мировым Океаном в пределах горизонтального пространства сотворенной материальности. Тот факт, что в апокрифе повествуется о двойственной райской природе, позволяет предполагать, что в согласии с доктриной речь идет о рае прошлого (земном рае, где были созданы прародители) и рае будущего века. Упоминание в тексте третьего и седьмого небес вряд ли следует трактовать как указание на многослойность сфер, характерную для геоцентризма. Упоминание седьмого неба – это родимое

Мильков В.В.

Апокрифические образы иного мира в апокрифах
«Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху»
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 85-118.

Milkov V.V.

Apocryphal images of the other world in the Apocrypha "The vision of the Apostle Paul", "Walking of the Virgin by Flour", "Questions and Answers of St. Athanasius to the Antiochus"
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 85-118.

пятно находившегося в распоряжении составителя источника геоцентрической направленности. Например, в «Апокалипсисе Павла», с которым связывается апокриф, фигурировало многоярусное устройство небес. В общей последовательности древнерусской версии древнерусского апокрифического повествования о геоцентризме уже ничего не говорит, кроме унаследованной от одного из источников текста идеи небесной многослойности. С третьим небом в произведении вполне однозначно соотносится ноуменальное пространство неба-небес – приближенная к Богу область, населенная духовными существами, область чаемых чертогов для праведников. В небесной стратиграфии плоскостно-комарного устройства второму небу соответствует твердь, а первому – воздушное пространство. Так что чудесные перемещения визионера даются с точки зрения характерной для антиохийской традиции плоскостно-комарной модели мироздания.

Нельзя не признать, что космологические мотивы представляют собой только сопутствующие детали чудесных путешествий. Апокриф не относится к разряду чисто космологических описаний. Однако сообщавшиеся в нем сведения формировали у читателей представление не только об инобытии, но и об устройении собственно бытия (т. е. о космоустройении).

Апокрифическое повествование имеет богатую и разветвленную историю своего бытования. Считается, что апокриф уже существовал к III в. н. э. На это указывает упоминание о нем Иериния Лионского (ок. 130–202) и знакомство с идеями «Видения» Оригена (ок. 185–254). Мотивы этого апокрифа просматриваются в «Апокалипсисе Пала» из библиотеки Наг-Хамати, книги которой датируются IV в. и являются коптскими переводами с греческих текстов I–III вв. Связанный с именем апостола Павла текст упоминал Епифаний Кипрский (367–403), а Августин Блаженный (354–430) отверг произведение как сомнительное. Апокриф получил широкое распространение как в западной, так и в восточной частях христианского мира. Он дошел до нас в сирийской, армянской, грузинской, коптской версиях. Первоначальный греческий текст не сохранился. Временем ок. 420 г. датируется появление второй греческой редакции, более краткой по сравнению с первой и с некоторыми дополнениями. К ней восходит традиция славянских переводов, бытовавших в пространной и кратких редакциях. В греческой версии нет плача природы, который является особенностью древнерусской версии, но присутствует так же и в сирийских текстах апокрифа. Н. Трунте реконструирует прототип славянских версий (о классификации списков по редакциям см.: 20, s. 93–99; 12, p. 193–198).

Древнейший русский список пространной редакции входит в состав сборника РНБ. Соф. № 1264. (XV в.). Он имеет южнославянское происхождение (публикацию см.: 13, с. 40–58; 1, с. 59–69 [в переводе Л. М. Хачатурян]). Апокриф в полной его версии был известен на Руси по крайней мере уже с XIV в. Он цитируется составителем «Слова некоего христороубца, ревнителя по правой вере», которое в XIV в. было включено в состав знаменитого «Паисиевского сборника». От протографа славянскую версию отличает отсутствие истории находки апокрифа, которая излагалась в самом начале греческой версии (рассказ о благочестивом жителе Тарса, которому ангел указал на заложенную в фундамент дома шкатулку с «Видением»). В сравнении с греческими и латинскими текстами наблюдается разноречивость при передаче числовых значений, что объясняется существованием глаголического оригинала у древнейшего русского списка. Славянская версия имеет общие чтения с эфиопской, поэтому они могут восходить к одному оригиналу. Появление славянского перевода Н. Трунте датирует XIII – началом XIV вв. На ранний перевод могло бы указывать включение апокрифа в индекс запретных книг из «Изборника 1073 года», но данный Индекс представляет собой переводной с греческого перечень, репертуар которого не отражает реального круга болгарской книжности. Оснований для датировки перевода временем Первого Болгарского царства нет,

Мильков В.В.

Апокрифические образы иного мира в апокрифах
«Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по
мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху»
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 85-118.

Milkov V.V.

Apocryphal images of the other world in the
Apocrypha "The vision of the Apostle Paul",
"Walking of the Virgin by Flour", "Questions
and Answers of St. Athanasius to the
Antiochus"
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 85-118.

поскольку текст лишен лингвистических черт, свойственных болгарским памятникам X в. (6, с. 432–436).

Число известных копий пространной редакции невелико. Назовем РГБ. Рогож. № 608. XVI в. Л. 2296–2506 (публикацию см.: 4, с. 528–581 [подготовка древнерусского текста В. В. Милькова, перевод Л. М. Хачатурян]). Близок Соф. № 1264 список НБКМ № 667, который отличается отсутствием концовки, и Österreichische Nationalbibliothek (Вена) Cod. Slav. 125. XVII в.

Во второй половине XV столетия на молдавских землях возникает вторая славянская редакция (или первая краткая) в виде извлечений из пространной версии 10 разделов (№№ 7-16 по принятой нумерации текстовых блоков) с добавлением покаянных мотивов (издана: 15, с. 457–462). Еще одна редакция (вторая краткая) представлена выдержками из пространной версии «Видения апостола Павла» (№№ 3–7) с добавлением о ночной молитве, практиковавшейся на Руси со времен Владимира Мономаха. В виду значительных текстуальных отличий эта версия восходит к иному источнику, нежели вторая славянская редакция. Сокращенные переделки на основе полной версии апокрифа под названием «Слово о епистоли святого Павла» и «Слово о видении Павла апостола», вопреки запретам Индексов включались в «Златоусты» и «Измарагды», а также воспроизводились в сборниках смешанного содержания (например, «Слово о видении апостола Павла». РГБ. Никиф. № 60. Измарагд. XVI в. - нач. на Л. 276; «Слово от видения апостола Павла». РГБ. Рогож. № 207. Измарагд. XV в. Л. 2336–2396; РГБ. МДА. № 135. XVI в. Л. 2776–2796; ГИМ. Увар. № 620. Измарагд. XVI в. Л. 1346–136а; РНБ. Q.I. 1009. XVII в. - нач. на Л. 168а). Извлечения из апокрифа читаются в РГБ. Севаст. № 43 (1472 г.). Л. 111а-126а; РНБ. Сол. № 359 (270). Измарагд Кон. XV – нач. XVI в. Л. 194а, 300а; РНБ. Пог. № 801. XVII в. Л. 271а-279а; РНБ. Пог. № 947. XVII в. Л. 21а, 566-59а (публикацию отрывков из апокрифа по рукописи Пог. № 947 см.: 9, с. 129–133).

На базе греческого текста появляются две новоболгарские редакции памятника – XVIII и XIX вв.

Недавно Ян Страдомский выявил распространенную версию второй славянской редакции, которая представлена списком апокрифа из т. н. Перемышльского сборника XVI в. Национальной библиотеки Варшавы (BN12245III). В нем представлены близкие чтения к пространной славянской редакции, но, сохраняя структуру пространной редакции, список передает ее с сокращениями. Это интерпретируется как признак отдельной рукописной традиции. В данной версии есть сюжет о просьбе вод обратиться в кровь, тематически близкий плачу природы, но отсутствующий в составе соответствующего текстового блока пространной редакции. Имеются совершенно новые сюжеты о видении агнца в Небесном Иерусалиме и о возвращении Павла в тело после пребывания в раю (12, с. 198–207).

Запрет на чтение и распространение «Видения апостола Павла» накладывался практически всеми списками запрещенной литературы, начиная с Индекса «Изборника 1073 года», а также «Погодинским Номоканон» (XIV в.), Индексом митрополита Зосимы (1490–1494) и другими перечнями неблагонадежного чтения. Однако, вопреки запретам, этот апокриф дошел до нас в большом количестве экземпляров. К настоящему времени в предварительный перечень рукописей, содержащих внеканонический текст, включено около сотни русских, болгарских, сербских и молдавских списков, которые не распределены по редакциям (18, р. 170–187). Общее число списков памятника до сих пор не учтено, но здесь надо иметь в виду, что церковно-учительные сборники, в которые входил данный апокриф (точнее его краткие редакции), относятся к числу наиболее распространенных в составе древнерусской и восточно-христианской книжности. На этом фоне число списков пространной редакции пока исчисляется единицами.

Образы иного мира в «Видении Павла» пространной редакции

по рукописному сборнику РГБ. Рогож. № 608 (XVI в.)

(Л. 238б) и рѣ ми вослѣдѹи ми, / и покажю ти мѣсто прѣвны амо носл. / и въслѣствовѹ ан'гглю, и возведе / ма на треее нбо. и постави ма прѣ / враты. и возрѣх и видѣх и блхж врата / и два столпа злата. прѣ ними и двѣ / скрежали златѣ, на д'вою стопу. и / спол'нь писмень. и шратиса къ мнѣ / ан'ггль и рѣ. блжны вше въ врата си. / понеже бо вси вставася, внити сѣ / мо. но токмо и пространство имѣ / щий, безловие и что срѣце. и вопроси / ан'ггль ги, что ра'' писано е на скрижа / ю сею². и ѡвѣщавъ ан'ггль рѣ ми, / се сѹ имена работающыи бг҃у всѣм срѣце. / сѣдающыи на земли. и паки и рѣх ги / написанъ ли быти на нбсѣх имени его. / съсѣщими в' мврѣ. и ѡвѣщавъ рѣ ми. / тако не токмо имена ѿ. но и шбаты ѿ, / и поѡвѣе слѹжащыи бг҃у, и сѹ сѣ дѣла на нбсѣх. // (Л. 238б) и знаеми ан'гглыми. и шйши в' нѹтрѣ / мѣста того. и видѣх исаю прише целов' / ма. раѹнса целовав' же ма и ѡвращеса, / и въсплака рѣ ми, павле, прилѣ еси въ / спрнати трѹ твоей. се бо види тако ве / лика блга, ѿ оуготова бг҃ъ, и величи / ни шѣти, но множиши ѡ члкъ не спѡ / бася ѿ. правѣни в' нидоу въ мѣста си. / и ѡвѣщавъ ан'ггль рече ми паки. егда / хъ приде еми сѹ ты кланашеши, цр҃тво / вати еми. тогда повелѣниѣ бж҃ни. ра³ / држшиса перваа земля си покрываетсѣ. / тако роса или слана. тако покрываетсѣ / ю. подасть ю бг҃ъ стѣи его. сѣдащыи / на ней. и цр҃твѹе бг҃ъ нашъ в' вѣки. и / снѣда ѡ плѡвъ его. и ти ннѣ оуказа / ю, поглада землю тѹ и видѣх. сквосѣ / ню рѣкѹ текѹщѹ млеко и мѣ. и блхж / на брезѣ рѣки тол, древеса насаже / на, испол'нь плѡвъ. и коегожо древо / приношаше, и плѡвъ г҃и, на коежо / время, слѹки различны, и видѣх, ѡч҃ни / ки ѿ же высота .л, лако а др҃гини, / к. лако, и др҃гини .л. лако, вѣ же свѣт / зѣла тол, па сребра сѣмерицею, и рѣх // (Л. 239а) кое мѣсто се, и рѣ ми се е земля шбитова / наа. и ни ли си слышалъ писанаго. / блж'ни кроци тако ти наслѣда землю. / прѣвны дша оубо егда заидѣ ѡ телеси. на / сѣ мѣсто приносими сѹ. ѡвѣщавъ. / ан'ггль рѣ ми. въслѣдѹи ми да та ве / ду въ гра хвѣ. и бѣх стол на езерѣх, / хе / рѹсисѣи и в' зѣла ма в' корабль златѣ. и / ан'ггльи полхж прѣ мною, дондѣ поспѣх / внити въ гра хвѣ. сѣдаще. ѿ въ гра / де раѡахѹсѣи ѡ мнѣ и злѣ. градущим³ / к' нн. в' шѣ же видѣ гра хвѣ. и блше и / свѣт его па свѣта мира сего свѣтасѣ. / и бѣ ве зла. и .лв, стѣнама шграже / блше .д. столпъ, внѹтрыюду кажа / стѣны. и .д. ѡвхожахѹ. и блше ѡ / западныха страны града, рѣка медве / наа, и ѡ юга его рѣка, молочна. и ѡ / восточныха страны его рѣка вин'на, и / шлѣл. и ѡ сѣвер'ныха страны его, рѣ / ка маслин'наа. и се рекѡ къ ан'гглю / ги что се сѹ реки снл. шхода гра сен / и рѣ. четыре реки на зѣли шбразѹсѣи. / има рѣцѣ текѹщии мѣ, ѡвснни. и / ма рѣцѣ текѹщии винѡ ѡвпрѣ. има // (Л. 239б) рѣцѣ текѹщии шлѣе гнѡни. има рѣ / цѣ текѹщии млеко еѡра. поне оубв / и стѣи сошци в' мврѣ. не требоваше / лсти и пити. но ал'кажж и мѡчахѣсѣи / бга ра''. восхѡ имѣ въ гра да воздасть / бг҃ъ т'мами, части и аз же видѣ. / е ан'ггль в зѣла ма на рекоу мѣвеноу / ю, а видѣх тѹ исаю и еремю, и захаю, / и езекею. и мѡхѣл и прочаа прр҃ки, и / целоваша ма. и р'кохъ къ ан'гглю / что е пѹ сен, и рѣ ми се е пѹ прр҃чѣски. и / вслкъ ѿ шквер'наю дшю свою. не съ / твори ел похоти бга ра''. егда изы / дѣ к бг҃ж. и поклонитсѣ емѡ, и тако сѣ / предасть миханѡ, в'веде ю въ гра на / мѣсто прр҃чѣское, и целошю и, тако / др҃га, или тако шон рѡ. тако с'твори / волю бж҃ню, и возведе на сѣвѣскѹ / ю странѣ града. идѣ рѣка в' вина. / и видѣх тѹ, аврама исака и иакова. / и др҃гини и целоваша ма. и въс'про / снхъ и рѣх что се е члколюбець, и стра / ннолюбець. аще изыде из мира, по / клониса первое, предѣ престолѡ, / потѡ же предасть сѣ миханѡу. // (Л. 240а) и сѣ в'ходѡ въведе и въ гра сыи. и вси прѣ / подобни. целошю е тако снл и брата. / и рече имѣ, поне

² В рукописи это слово по ошибке писца повторено два раза.

³ Вероятная порча текста (по-видимому, м. б. излѣзшемѡ).

съхранисте чл̄колюбие, / и странолубие. и придите наслѣдоу/ите гра̄ га нашего. и кодо по
 своемуу трж/дж примын, съ ст̄ыми въ гра̄ б̄жини, / и паки в'зл̄ ма, бли³ рѣки текущия
 влѣ/м̄. и ѿ запада гра̄у и видѣх̄ тѹ мѹжа и же/ны сѣдѣща. и рече ми си соӯ в'дав'ше са/ми
 са̄ изо всего ср̄ца. не имоуше в собѣ/ прозорьства. всакъ во ѿ веселитса/ ѿ б̄сѣ. и поѣ всѣм̄
 ср̄це б̄г̄ж. тиӣ восхо/дл̄ въ гра̄. и вѣше посредѣ и вл'тарь/ великъ и высокъ сѣло. и вѣ
 нѣкто/ стоа вл'тарь, и лице его вѣше тако со̄/н'це. имаще в' ржкж своєю псал'тырю/ и
 гжсли. и поаше гла̄ милауи ан'гл̄а/ своего. испол'наше вѣ гра̄. и вси кѹпно/ послушахж его.
 сѹще и на столпѣх̄ вѣра̄ и/ глахж ал'лѹӣа. и тако потрастиса осно/ванию гра̄. и рѣх̄ кто си сѹ̄
 гӣ тако сил'ны, / и рѣ ми ан'гл̄а̄ се ѣ двѣ. се̄ ненаго иерлма/ врата. егда оубо приде х̄ цр̄ь
 вѣкомъ. / с дер'зовенне славѣ цр̄тва его. са̄ паки/ двѣ начне пѣти, и вси прѣни пою с̄ ни, //
 (Л. 240б) послѹшающе аллѹӣа. и рѣх̄ гӣ тако едѣнъ/ двѣ па̄ всѣх̄ начинае пѣти. ѿвѣща̄/ же
 ан'гл̄а̄ рѣ ми понѣ х̄ ѣ и сѣде вде/снѹю ѿца. и двѣ поѣ прѣ ни на .з. мѣм̄ / нѣси. си тако же
 бываю̄ на нѣси. та/ко и на земли бываю̄. нѣ̄ во л'зѣ везъ/ двѣ, приносити ж'рѣт'вѣ
 приноса. / телесе и крови х̄ви тако̄ ни нѣси⁴ свер'ша/юса. и рѣх̄ что се ѣ ал'лѹӣа. ѿвѣщавъ/
 ан'гл̄а̄ рѣ ми, пыгаеши нищешн ѿ в'сѣ, гл̄ть аллоуӣа. ѿ ѣ живьскѣ гла/со. ѿ б̄сѣ и ѿ англ̄ах̄^{се}
 оубо. прореніе/ аллѹӣа естѣ. мѣдны нама рн̄⁵ ѣ естѣ/ слава б̄г̄у. усновавшему вса, блго/слови
 кѹпно. и рѣх̄ аще кто поѣ аллѹӣа. / и стоашеа с нимъ не пою грѣхи тво/рл̄. и аще ли кто болли
 сѣло, прѣ/варн вса въ гресѣх̄ ли сѹ. и ѿвѣщавъ/ англ̄а̄ рѣ аще могни, не поѣ презрл̄/ словеса,
 зна лице его. прозор'лива сѹ/щи и нѣстоинна. славыти б̄га с'тво/шаго и. и ѿвѣщавъ англ̄а̄ рѣ
 ми/ гради. в'слѣствѹи ми да ти пока/жю, д̄ша невѣр'ны̄ и грѣшны̄. да вѣдиши и мѣсто ѿ.
 кое естѣ и снѣд̄ съ // (Л. 241а) ан'гл̄а̄, и вл̄ ма на запа̄ сл̄нца, и тѣ ви/дѣх̄ зачало нѣное
 усновано велицѣ рѣцѣ/ воды. и вос'просѣ гла̄. что рѣка си вѣна/а, и рѣ ми се ѣ. акимнъ
 [морл]⁶ вѣходли вселен'ю. и егда вѣ вѣ оноу страну и си вна./и видѣх̄ и не вѣ свѣта на
 мѣстѣ тѣ. но/ т'ма и скор'вь и тѹга. и видѣх̄ рѣкѹ ѿ/гнѣ в'рѹщи. и много мноство моӯ и же/
 погржжены в' нен. до колѣноу, а држ/гил до пѹпа, а дрѹгнѣ̄ до ѹстнѹ. а дрѹ/гил до вла
 главны̄. и вѣпросѣ и р'кохъ, / что сѹ си ѿ вѣ ѿгнѣ рѣцѣ сѹ. и рѣ ан'гилъ си сѹ ни тепли ни
 стѹдени. не вѣре/тоша во са̄ ни во число праведны̄, ѿ время/ жим своего на землю. вѣи во не
 сѣтво/риша воли б̄жини. вѣи въ гресѣх̄. и в' лю/бодѣлннѣ не престающе. дон'дѣ изомро/ша. и
 вѣспросиша кто сѹ гӣ. погржже/нѹ до колѣноу. в' рѣкѣ ѿгнѣни. и ѿвѣщавъ рѣ ми. си сѹ
 исходаще изъ цѣ/к'ви. и в' дающеа въ словесами. тѹжа/а словеса сваритиса хоташе. а си и
 по/гржжени до пѹпа сѹ. ѿ приемлю̄ тѣло/ и кровь х̄вѹ, и шѣше блѹдѣ. и не преста/ша. дон'дѣ
 изомроша. и погржжени же // (Л. 241б) до оуснѹ си сѹ вѣважающе држ држга. съ/брав'ше са̄ въ
 цр̄квь х̄вѹ, а иже до кро/ви ѿ намизаю̄ држ држга, съвравше/ вѣ цр̄квь х̄вѹ⁷ намещѹще на
 ближ'на. / и видѣ дроугое мѣсто тѹ зло. ѿ запа/дныа страны рѣцѣ. различ'ныа мѹ/ки. и
 себе испол'нь мѹ и женъ. и ѿгнѣ/на рѣка течаше на нл. и возрѣх̄ же и / видѣх̄ тѹ пропасть
 глжвоку сѹщѣ сѣ/ло, и в' нӣ многи д̄ша. дрѹга на дрѹгѣ / и вѣше, глѹбина рѣки тол. тако/
 триста лакѣ. и видѣх̄ та воз'х'нѹша, / и плачющаса. и возопиюща помилѹ/и ны гӣ. и нигдѣ̄
 мл̄ти, и воспросѣ. / и кто си сѹ гӣ. и ѿвѣщавъ рѣ ми англ̄а̄. / си соӯ ѿ не оуповаша на б̄га,
 имѣти по/мощника, и вѣпраша и. аще д̄ша прѣ, / л̄. лѣт̄ рѣвѣи, или .л̄. то сице вѣща/ю̄
 држгъ на држга. и глѹбина пропа/сть колико ѣ, тако глѹбина мѣры не / има. аще же и мѹчатса

⁴ Должно быть: на нѣси.

⁵ Так в рукописи.

⁶ Слово приписано другими чернилами и другим почерком под строкой.

⁷ Текст в рукописи вычеркнут.

доколѣ. ꙗ/вѣдна⁸ ѿ. тако ꙗще възъѣмѣ кто камень./ и вержетъ въ кладѣ³ глѹбокъ зѣло. и по/мнозѣ доидѣ дна, тако ѿ глѹбина./ аще бо мѣщають въ⁵ вѣзнь тѹ. а³ же слы// (Л. 242а) ша си възѹх^хнѹ. и възплакѣса ѿ снѣ члѣче/скѹ. ѿвѣщавъ анггѣлѣ рѣ ми. почто/ плачешисѣ то ты ли еси млтвееѣ га. / блгѣ гѣ. и вѣ^а тако си сѹ мѹки велики./ долго т^ррѣпи ѿ сновѣ члѣкѹ, по пѹпѹ/ комѹжѹ, по своен воли творѣ. ѿ в^рре/ма на земли, и призрѣ^х еще на угненѹ/ю рѣкѹ. и видѣ^х тѹ члѣка стара влачѹ/ма, и погрѣжаше и до колѣнѹ. и прѣ/де ан^ггѣлѣ и тмѣ люты⁹ имы в рѹкѹ его./ желѣзо велико на четыре части встро./ и на нѣ изволочаше, оутрѹбѹ старѹцѹ/ оусты. и воспросѣ и рекѹ ги, кто ѿ ста/рець, се емѹ^т творѣ селикѹ мѹкѹ. его^т си/ вѣши по бѣ, не свершаша своѣ слѹбы до/врѣ. но не престалаше пыга и мѣла блѹ/дѣ. приношаше и жер^ствѹ бѣгѹ. и въ/ странѹ сего мало видѣ^х дрѹгаго стѣ/ца. его^т ношѣ съ тщаниемъ текѹще и/ анггѣли лютии погрѣжиша ѿ до колѣнѹ. въ угненѣи рѣцѣ. и вол^сна угне/на оудараше в лице тако бѹрѣ. и не да/дѣхѣ емѹ рещи ги помилѹи мѣ. и въ/спросѣ кто си ѿ ги сѣ. его^т вѣши еппѣ бѣ./ и не свер^сшивъ свое еппѣство добрѣ. // (Л. 242б) и не хожаше въ блгочѣтѣи, по даномѹ/ емѹ. имени сѣтомѹ въ еппѣи, въ/ своен жи^нни въ всен. не сътворѣ пра/веднаго сѹда. и не помиловавъ вдо/вица и сироты, и странна, и оубога/ презрѣ. ннѣ же въздастьсѣ емѹ про/тивѹ дѣло его. и видѣ^х дрѹгаго члѣо/вѣка. въ странѹ того члѣка в рѣцѣ./ угненѣи до колѣнѹ. бѣста^т рѣцѣ его/ распростер^ттѣ, и вкрѹвавленѣи/ кровню. и червие исхожахѣ изъ оу/сть его и ѿ нозѣри его. бѣше и стена/ вопиѣ и глѣ. помилѹи мѣ тако ѿсѹ/ж^сдена. пѣ всѣ^х сѹщѣи въ мѹцѣ. и въ/прашѣ рѣ ми. се его же видиши дѣѣ бѣ./ ѿ гѣдешѣ прѣно. и не^стоинно съблѹ^т прѣ/ бѣгмѣ. тѣм же и непрестан^сно прѣ/млѣ мѹкѹ сию. и възрѣ^х и видѣ^х въ стра/нѹ иного члѣка и дрѹгаго. его же в^сла/чѣхѣ анггѣли со т^сщаниѣ. и в^свер^сгоша/ и въ угненѹ^ю рѣкѹ. и бѣ до колѣнѹ. / и приде анггѣлѣ мѹченны. иже имѣ/ше бритвѹ рѣженѹ великѹ. и тѣ^м / срѣзаша оустнѣ того члѣка. и гѣзы/ же такоже. и постена възплакавѣ. // (Л. 243а) и въпрѣшѣ кто ѿ се ги. сего^т видиши, чѣѣ/ бѣ ѿ оучаше лю^т. сѣ же заповѣ^т бѣжѣи не съ/храни. еще^т възрѣ^х и видѣ^х мно^ство дрѹ/гоѣ, пропасти на том^с же мѣстѣ. и/ бѣше посрѣ^д мѣста того, мно^ство мѹ/ и женѣ. и чер^свие гѣдѣхѣ ѿ. а³ же паки/ възплакѣса и възстена^х и р^скѹ ги. кто/ си сѹ, и рѣ ми ѿ лих^свы прилагающе. и/ надѣющесѣ богатѣст^свѣ. аще не на/дѣющесѣ на бѣга имѣти помощника. / и приидѣ^х и видѣ^х дрѹгое мѣсто. тве/р^сдо зѣло. и вѣѣше тако стина вкрѣ/ его. и моѹжа и жены грызѣща зѣбы/ гѣзыки своѣ. и рѣ^х кто си сѹ ги. и рѣ/ ми си сѹ сварѣщесѣ съ дрѹгѹмъ въ цр^кви./ и словеса бѣжѣи не в^снемлюще. и оуни/чижающе бѣжѣи к^сниги. тѣм^с же вѣ³/престани приемлю^т свою мѹкѹ. и въ/зрѣ^х и видѣ^х стѣца до колѣнѹ въ пропа/сти. и бѣ видѣние его тако крѣ и р^скѹ./ что ѿ мѣсто се ги. и рѣ ми си вси юже/ пропасть ю вѣши ты. сѹ всѣ мѹки и/ видѣ^х мѹжа и жены. погрѣжены до/ оуст^снѹ, въпрѣшѣ кто си сѹ ги, и рѣ/ си сѹ потвор^сници. ѿ гѣдѣхѣ мѹжемъ // (Л. 243б) и женѣ потворы, и вошѣбы. и не гѣга/ше ѿ покол доидѣ изомроша. и видѣ^х / дрѹгѣи мѹжа и жены до полѹ гораще./ въ велицѣ вчер^сненѣ зѣло. и въ про/ пасти уг^сненѣи. и възстена^х. възсѣ/плакѣса и възспросѣ. и рѣ ми си сѹ пре/любѣдѣи. ѿ имѹще своѣ жены. пре/любѣдѣлѣхѣ, и жены тако^т вѣразѹ./ прелюбѣдѣлѣхѣ, имѹще своѣ мѹжа./ тѣм^с же беспрестани. приемлю^т мѹ/ки своѣ. и видѣ^х тѹ дѣцю. имѹща/ ризы wskвер^снены, и видѣ^х дѣ, анѣ/гѣ страшны имѣхѣ в рѣкѣ своѣ, вѣ/риги рѣжежены. възложиша на шѣ/лѣ тѣ^х дѣвѣ. и ведоша ѿ в^с мѹкѹ. глѣ а³/ плаках^сса, и възспросѣ ан^ггѣлѣ и рѣхѣ/ что си сѹ ги. и рѣ си сѹ дѣвы, ѿ двою сѹ/ща wskвер^снена дѣвѣство свое, прѣ/ брака. рѣгѣлѣ не вѣдѹщи. тѣ^м же/ ти приемлѣ мѹкѹ. и еще възрѣ^х и вѣ/дѣ^х мѹжа и жены, ѿрѣзанами рѣкѣ/ми сѹщи, и ногами сѹща на

8

Так в рукописи.

9

Должно быть: тимѣлихѣ.

мѣстѣ./ слана и снѣга наги. и чер'вие падахъ/ л. и видѣхъ въспроси кто си сѣ ги. и/ рѣ ми си сѣ иже сироты и в'довица. // (Л. 244а) и нищамъ не помиловаша, и не оуповаша/ на бѣга. и тѣмъ же въсприемлю мѣкѣ сѣю./ и видѣхъ дрѣгига, и възрѣхъ мѣжа и жены/ висаща, на течениѣ рѣки тол. и ба/хъ гзыщи и сѣси ѿ жаж'да. и много плѣ/ различны прѣ очима и сѣща. и не дада/хъ и в'күсити ѿ ни. и въспросихъ/ кто си соѣ ги. и рѣ ми си сѣ и прѣ оучине/наго времени. разрѣшающа алчбѣ./ тѣмъ же и бес'престани приемлю свою/ мѣкѣ. и видѣхъ дрѣгига мѣжа и жены./ видаща по пер'си и по власы ног'тми/ желѣзными, и драхъ л, и р'кѣ что сѣ/ си ги. си сѣ оутваряюще сами. не сво'и ра'моу в'любодѣланиа ра'. тако и мѣ/жи. тѣмъ же бес'престани приемлю/ мѣкѣ. видѣхъ дрѣгига мѣжа и жены./ черв'лены бѣ видѣние и тако кровь./ сѣщамъ в' пропасти вгненѣи. и теч'ше вгнена рѣка, и въспроси кто си/ сѣ ги. и рѣ ми сии сѣ сътвор'шеи беза/коние. в' содомѣхъ и гоморѣхъ с' мѣжи зло/ вбра'нѣ. тѣмъ же бес'престани приемлю/ мѣкѣ свою. и видѣхъ дрѣгига¹⁰ мѣжа/ и жены оукрашены. въ свѣтлы ризы, // (Л. 244б) сѣщамъ вслеплены очима въ пропасти/ вгненѣи. и въспросихъ кто си сѣ ги./ и рѣ ми си сѣ иже ѿ поганѣ, сътвор'ше/ и мѣть. а бѣга не познаша, тѣмъ же бес'престани приемлю мѣкѣ. и въ/зрѣи и видѣхъ дрѣгига мѣжи и жены. на/ стены вгнены, и звѣрь истер'за/хъ га. не поустимо поне рещи. пш/милоуи ны. и видѣхъ ан'ггала сѣщаго на/ мѣкою. вѣми прѣтаща и глѣща , по'на/те сѣна бѣжиа. прѣ бо р'кѣ ва и не слыша/сте. прочитаемо бѣжиа к'нига. и/ не послушасте. праведныи сѣ бѣжи/ потребъ и, вы дѣла бо ваша привѣ/ша привѣша¹¹ вы в' мѣкѣ свою. а³ же по/ стѣна и въсплакѣса, и р'кѣ кто сѣ сѣ ги. си сѣ жены га растлиша и тварь/ бѣжню. нѣждею и по бѣдѣ и'носашни/ ѿ оутрѣбы. и сии сѣ мѣжи бывше с'ни/ми дѣти и молиша бѣга. и ан'ггала сѣщаго на мѣкою глѣще, ѿмѣсти на./ ѿ обившѣ на. си бо растлѣша тва/ бѣжню. има оубо бѣжне имаше и за/повѣ', и бѣжии не съхраниша. нш/ даша и п'сѣ на кѣмлю и свиѣта, и на по // (Л. 245а) прание. шво в'вер'гоша ны в' рекѣ. дѣти / тыи предани бывше ан'ггалу тимелехѣ./ и ѣ на мѣками. на приношеніе. простра/на мѣста мѣти, шѣа и мѣтръ въ/врещи в' вѣч'нѣю мѣкѣ. по сѣ же вѣдѣхъ, / дрѣгига мѣжа и жены. препомсаны/ пор'ты. испол'нь пекла смердаща и те/л'ѣа. и вгнь и з'мееве шблѣжахъ око/ло шии и. и раму и ногъ влачахѣ л. а/н'ггали имѣюще рогъ. вгнены тѣми/ рогн. водахѣ¹² л глѣще, почто не ра/зрѣмѣсте време. в'негда бѣ ва покѣ/натѣ, послужити бѣж. и въпраша/ и кто сѣ си ги. и рѣ ми си сѣ чер'нориз'ци,/ ѿрек'шеся мира, и вбра'носив'ше, и/ похѣ же мир'ска сътвори, и оканы и,/ не сътвориша люб'ве. и ни едіноа въ/довица и сироты не помиловаша. и/ стран'на не приаша ни еди дѣнь. ни по/миловаша бѣжиаго. ни едіноа мѣтвы/ чисти не принесоша бѣгѣ. за многою/ и лѣность. и житискѣа печали. и за/пинахѣ имъ сътворити право и прѣ/ бѣго, и ан'ггалу и шв'хожахъ ск'возѣ вса/ мѣки. видѣвшѣ л сѣщии в' мѣцѣ. р'ко // (Л. 245б) ша и тако рци не ра'хо ш себе. за что вы/ привѣдоша сѣ дрѣгига мѣки. и ти та/ко р'коша и. мы поне в' мѣрѣ бѣхѣ. и/ видѣхѣ вса грѣшнии. в'зирахѣ. бо/ ва въ сѣтѣмъ вбразѣ. и влѣжихѣ вы/ глѣще. си сѣ прѣнии рави бѣжии. по/ нѣ и вы въсприемлете вѣчною мѣ/кѣ. а³ же постѣна, и въсплакѣса и/ р'кѣ. ш лютѣ роду члѣкомѣ. ш лютѣ/ грѣш'никѣ, почто родиша. и ѿвѣ/щавъ ан'ггалу рѣ ми. егда мѣтвѣ/ неси бѣга. бѣгъ блѣтъ ѣ. свѣдын тако/ ѣ сѣ, поустити комѣж'до. да свою во/лю сътвори тако хоше на земли. и па/ки въсплакѣса. тогда сѣло рѣ ми/ что плачеши, не оувидѣвъ великѣ/ мѣ. въслѣдѣ ми и оузриши бѣша сѣ,/ сѣмерицею, и влѣ ма ѿ запад'ны мѣ./ и постави ма над'кладѣзѣ. и башѣ/ запечатанъ ѣ. печатен. и ѿвѣща/ иже сѣ мною ан'ггалу рѣ кѣ ан'ггалу. сѣщамѣ на мѣсте тѣ. и ѿверзи оуста/кладѣзю, да възлюбленикѣ бѣжии/ павелъ видѣ. тако

¹⁰ Описка, должно быть: дрѣгига

¹¹ Повтор в рукописи.

¹² Описка, должно быть: водахѣ.

дана емѸ ѿ власть/ видѣти вса мѹки. и рѣ къ мнѣ ань // (Л. 246a) ги стани изъалеча. да
 во³можеша пре/тер³пѣти и смра̇. егда оубо ѿвер³зъ/ клада³ ѿ безнѣ. и авне исхожаше па/
 всѣ³ мѹ, и возрѣ³ вонь долоу и видѣ³ / тако и каменье горашее въ всѣ³ частѣ³ / его. и оузота
 его тою чѣка в³мѣста/щан. ѿвѣщавъ ан³ггль рѣ ми. тако/ аще кто в³вер³же в³ безнѣ. и съ
 клада³ / памяти емѹ нѣ³ оѹ в³ вѣки прѣ ѿцѣмь/ нѣны. и стѹ³ дѹ³. и с прѹтими ан³гглы/ его. и
 р³къ кто си соѹ си ги. в³метае/ми в³ клада³. и ѿвѣщавъ ан³ггль рѣ/ ми, ѿ не исповѣдаша тако
 исъ не снидѣ/ въ плоти. тако рѹ³ его два мѣриа. и не/ глѹщи хлѣба блгв³ниие и чаши сна бѣа.
 / несущаго тѣла и крови хѹвы. и въ³рѣ³ / на запа ѿ всѣ³ ѿ видѣ³ тѹ, чер³въ неоу/сыпающии.
 в³ мѣсто идѣ³ ѿ ск³реже жж/бѹ. и баше в³ дол³готѹ червь лако едн./ имаше же двѣ главѣ, и
 видѣ³ тѹ/ мѹжа и жены, въ грозѣ тои и ск³ре/же збнѣ. и въспроси и рѣ³ кто си сѹ ги./
 сѹщемъ на мѣс³тѣ сѣ и рѣ ми си сѹ глѣще/и тако хѹ нѣ³ вѣставъ из³ мртвѹ. и рѣ / къ ги нѣ³
 ли шгна на мѣсте сѣ, и согрѣ // (Л. 246b) нѣ нѣ³ с³де ничто³. но тою снѣгъ и гро/за. и рѹ³
 аще оубо слнцѣ въснѣа на ма./ не сѣгрѣют³ ли са. и рѣ ми ан³ггль,/ аще .з. слнцѣ въснѣа.
 николи³ не сѣ/грѣетса. поне превосходи зима мѣ/ста сего. сѣ слышавъ въсплаках³са./ и
 возднѹвъ паки и рекѹ, добро бы/ было на грѣшникѹ. аще быхѹ са/ не рѹдн. и вси грѣшници ѿ
 сѹщии/ на мѣстѣ то. и видаши ма плачю/ща сѣ ан³ггльмъ. въспниша и ти въ/сплакаша. и по
 си видѣ³ нѣо ѿвѣсто./ миханлъ ар³хан³ггль. завѣтж исхо/даща сѣ нѣси. и с ни вса
 воинства/ ан³ггльскаа. снидоша на сѹщамь,/ в³ мѹка, и р³коша помилѹи ны миха/нлъ
 ар³хан³ггль, завѣтѹ и мѣти./ ты бо мѣи за чѣтѣво. и мѣтѣвами/ доселе стои земла. и видѣхѹ
 оѹ сѹ,/ познахѹ сна бѣниа. аще бо мощно/ на бѣ. даже не в³пали бѣхѹ в³ мѣсто/ сѣ. слышахѹ
 тако сѹ ѿ. и возанне прѣ/ ис³шествниа нашего из³ мира. но по/хоти печали житинскиа. не да/ша
 на покаати. и ѿвѣщавъ ан³ггль // (Л. 247a) и рѣ. слышите сѹщии в³ мѹка, миханла/ глѹща. а³
 прѣстола прѣ бѣгмъ въ вса ча/сы живыи тако не замед³лѣ днѣ единого/ ни ношѣ. молл
 беспрестани за рѹ чѣло/вѣческии. сами³ не премед³листе, ни/ единого днѣ твораше безаконие,
 и/ прѣидосте, в³рема в³ сѹете. в³ нѣ же/ бѣ поманѹти са. аз³ же молиса до/ днѣи до ннѣ.
 дон³дѣ послетъ дожь на/ землю. дон³деже земла прозавнѣ пло/ды своимн, глѹю ва аще кто
 сѣтвори/ и мало добро. трждѣса, застѹпа/а и его радн. да избѹдѣ люта мѹченѣа./ гдѣ
 покааниа погоубисте врема/ полезно. ннѣ же плачетеса и а³ пла/чю с вами. и со мною блазии
 агглы./ и сѣ возлюбленѣ павлѹ. дондѣ оѹще/дрѣ блгнн бѣгъ. подасть ва покои./ слышав³ же
 словеса снн въспниша. и/ въсплакаша сѣло и глѹхъ единѣмъ/ часѹ. помилѹи ны снѣ бѣни,
 въстена/ павѣ и рѣ. ги помилѹи ны свое сѣзанѣе./ и паде миханлъ на лицѣ свое, и тако³ /
 сѣтвориша тмы тмами ан³ггль. и/ пѣша прѣ лицѣ бѣни. и глѹхъ кжпно по // (Л. 247b) милѹи
 ги, свое сѣзанѣе, оѹщедри снн/ чѣчл. помилѹи свон шера³. и азъ пре/зрѣ³ и видѣ³ зыблюще
 нѣо, тако древо/ ѿ вѣтра колеблемо. внега пѣша всѣ/ на лицѣ ѿ прѣ престоло. и видѣ³ дѣ. ста/рца
 и .к. и .д. животны поклониша./ и видѣ³ вла³тарь бѣни, и запонѹ и пре/столъ, и вса вселенаа. и
 взл³ са дѣ/ блгыл вонл, блн³ прѣтла, бѣниа. и слы/шѣ гла глѹщи что ра³ молитѣ ма ань/гилнѣ.
 слѹги въспниша молащѣ. ви/даши твою блгѣть великѹю на чѣко/любѣствѣ, паки по сѣ видѣ.
 ѿвер³сто/ нѣо и сна бѣниа сходѣща сѣ нѣсѣ, и/ оѹсло на главѣ его. и видѣ³в³шен сѹще/и в³
 мѹка въспниша вси единѣ глѣсѹ глѹ/ще. и въпниюще помилѹи ны снѣ бѣни/ вышнѣго. ты бо еси
 всѣ³ подаа на не/беси и на землн. и ны тако³ помилѹи./ ѿнелѣ бо видѣхѹ тл и почихѹ. изы/де
 гла ѿ сна бѣниа, на вса мѹченики/ гласите кое дѣло сѣтвориште, да/ просите оѹ мене покол.
 кровь моа/ за ны прѣтана бы. и ни тако³ покал/стѣ. ва ра³ заоушенъ бѣ за ланитѹ. // (Л.
 248a) и не покал/стѣ. за вы венець тер³новъ/ носѣ на главѣ. и ни тако³ не покал/стѣ. / воды
 просѣ висл на кртѣ, и дастѣ ми/ вчѣ, и со зѹчию розмѣше. копьѣ прово/доша ми ребра деснаа,
 за имл чѣче ра/бы моа, пррки и прѣники извнша. и на/ всѣми дѣ ва мѣсто покааниа. ннѣ³ /

михаилъ рѧ̀ ар'хагги, павла рѧ̀ любовь/ника моего. его̀ не хошѣ ускор'бѣти,/ и еще па
 блгостью моего въскрнїа рѧ̀,/ и з¹³ молитвы ѿ. се даю ва̀ покон, и сѣ/щїи в' муцѣ. кон, и въ
 днѣ и в' ночь./ стѣмъ нѣла. и въспїша вси и р'коша и. / блгвї тѧ̀ ги бѣ тако пода на̀ на
 покон/ дни того. идѣ из'вѣс'тно познахо̀./ тако достои грѣшникѣ таковаа му/ка. немлтвѣ бо
 сѣ. не сътвѣшемѣ/ мѣтнї. и по сї же рѣ ми ан'ггль, вї лї/ вса си и рѣ ен гн. и рѣ ми
 въслѣствїи/ ми да тѧ̀ в ран. да тѧ̀ видѣа сжщїи/ тѣ прѣвнїци. се бо чаю тебе готови/ сѣще на
 вбрѣтєнїе твое. с рѧ̀стїю/ и веселїе. и въслѣдова ан'ггль. и в'зѧ̀/ ма оустремленїе дѧ̀ стго.
 и постави/ ма в ран, и рѣ ми мѣсто се ѣ ран едѣскїи. // (Л. 248б) его̀ испадѣ адѧ̀ и жена его.
 в'шѣ же в рѧ̀/ идѧ̀ истокоу вода. и бѣ ми повѣдо/ваа ан'ггль. и призрї на водоу. се во/ ѣ рѣка
 фїгонъ. вѣхожающїа всю/ землю, евлѧ̀скую. и дрѣгаа истїго̀./ ов'хожающїа всю землю
 егѣпѣскую./ и трѣта тїг'рѣ ѧ̀ прѣ сѣрїею. и д. л./ еѣ'рѧ̀ напѧ̀ла землю средѣренїю. въ/ шед'
 же въ дрѣгоє мѣсто. видѣ' дрѣ/во сажено, и оу коренья его воды и/схожахѣ. и ѡтѣдѣ баше
 зачало че/тырїи рѣки. и дѧ̀хъ бжнїи почива/ше. на дрѣвѣ томѣ. в'негда дѣхатї/ дѧ̀ху. идѧ̀ху
 воды и въспросїхѣ ѡ се/ дрѣва. сѣ текѣщїи воды сїа. и рѣ мї/ тако испер'ва. прѣ зѣла и нѣси,
 лвлѣ/ныа, и вѣс' видїмы дѧ̀хъ бжнїи но/шашеса вер'ху воды. ѡнѣле повелѣ/нїе. бжнїи. гавн
 нѣси и зѣли, и дѧ̀хъ бн/ и почиваѣ на дрѣвѣ сѣм'. и ѧ̀ ма за рѣкѣ/ и доведе ма бли' дрѣва
 разоумнаго и/ добра сѣло. и рече ми се ѣ дрѣво. еже/ им же в'нїде смрть въ весь мирѣ./ ѡ
 сего взѣ адѧ̀ ѡ жены снѣсть. ѧ̀/ изганъ бы из раа. и показа емѣ // (Л. 249а) дрѣгоє дрѣво
 посрѣ раа, и рѣ ми се ѣ дрѣво/ животное. и баше хероувї, и пламе/ное ворѣ стрегїи и. мнѣ же
 смотрашѣ/ дрѣва. видѣ' дѣж издалеча градоу/щюу, в. стѣ ан'ггль. градоуща и р'кѣ. / ги, кто
 сѣ си градоуща в' велицен славѣ./ и рѣ ми се ѣ двѧ̀ мрїе. мтн гнѧ̀ и при/шедше же бли'
 целова ма. и рѣ ми рѧ̀у/иса любимиче бжнїи ан'ггльмъ и члѧ̀ко̀./ и еще тон глѣщїи, видѣ' три
 градоу/ща издалеча. и краснѣ в'зорѣ. и вѣра/зи ѿ свѣтѧ̀са с ними. ан'ггльи полѣхѣ/ прѣ ними
 идѣуща. и р'костѣ кто си сѣ/ ги, и рѣ ми си сѣ ѡцн лѣстїи, аврѧ̀, / исакъ, и іаковъ. и пришеше
 бли' цело/ваша ма и р'коша. рѧ̀у/иса возлюблене/ бгѣ. и ан'ггльмъ и члѧ̀ко̀. и еще сї глѣ/щїи.
 видѣ' дрѣгаго издалеча идѣуща/ красна сѣ¹⁴. и ан'ггльа его поюща. и рѣ / кто ѣ ги. красны
 в'зорѣ. и рѣ ми не знае/ши ли его. и рѣ гнїи. и рѣ ми, се ѣ мовсѣ/и законодавецъ. и емѣ бгѣ
 законъ/ дастъ. и бли' мнѣ бы. авнїе въспла/ка. потѣ целова ма и рѣ. блжнѣ еси/ павле. ѧ̀зыкѣ
 вѣрѣа словесїи твоємѣ. // (Л. 249б) и еще семѣ глѣщю. придоша дрѣгнїи./ и видѣвше ма
 р'коша. ты еси павѣ./ рославнїи на нѣси и на земли. и рѣ/кохъ кто вы естѣ, и рѣ первїи, азъ/
 есмь исанїа, его̀ прѣтремана сїа пи/лою дрѣвеною. и дрѣгнїи рѣ а³ есмь ере/меа побьеннїи ѡ
 снѣвъ изрѣвѣ погж/бленнїи. и еще семѣ глѣщю приде дрѣгнїи, издалеча вопїа и глѧ̀. блжнѣ/
 еси павле возлюбленнїи бгѣ. и рѣ кто/ ѣ ги и рѣ се ѣ нон иже бѣ во время пото/па. и
 целоваховѣса. рѧ̀у/иса сѣ сѣло/ рѣ. ты еси павелъ возлюбленнїи прѣ/ гмѣ. а³ же воспросї кто еси
 ты. и/ рѣ а³ есмь нон иже въ время потопа./ глѣ тн павле тако сътвори ѣр. лѣт. / дѣлаа кнѣ
 не съвлачасѣ. имнѣ бѣ/ вѣол'ченъ свїтами. и не стрїгохъ/ влѣ главы своєа. еще же
 воздержѧ̀нїе постїса. и не приближїхѣа/ къ своєи женѣ въ ѣр. лѣт. и власн гла/вы моєа не
 прїша възрастѣе. ннѣ / усквернїша мнѣ свїты. и молїса/ члѧ̀ко̀. тѣхъ лѣт, покантеса глѧ̀,/
 граде потопъ водннїи на вы. ѡ // (Л. 250а) ннѣ смѣлѣхѣа словесѣ моїи и глѧ̀ху. но во/ вно
 время мощно ѣ неправдѣ. но моги/ и съгрѣшати и блѣтнї. не попущан/ бгѣ бо сї. не видї ни
 свѣсть быва/емѣ ѡ на члѧ̀кѣ. ннѣ ѣ воды потопнїа/ мирѣ. и не престаша съгрѣшающа./
 дон'деже бгѣ потребї ѧ̀ всакѣ плѣт./ иже имаше дѧ̀хъ животенъ. в себе вѣт' / тако любї гѣ

¹³ Описка, должно быть: и за.
¹⁴ Так в рукописи.

праведника единого, па/ всего мира грѣшны. глѹ же ти па/вле блженыи азыкъ ѿ вѣрже
тобою./ и обращаеша вди ина два, издавеча въ/спроси, кто еси сиа ги, и ре се е ильа./ и елиѣи.
и пришеши целоваша мѡ./ и рко има кто еста вы. и ѡвѣщавъ/ единъ ѡ нею рече. аз есмь ильа
прркъ, / и се е елиѣи его никто може ѡ мира лю/б'ве бжиа различити. аз есмь ильа
по/моливѣса по словеси моему не удо/ж'двыи .г. лѣт. и .б. мѣць, непра/в'ды ра члчкн.
правдивъ бгъ исти/ненъ. твори наю оугодникѡ его./ многож'ды бо молахъ его глѹще
ань/гили. и ре гъ, пот'рѣпите донде ильа/ помолиса, в вѣзожьн, повелю в се // (Л. 250б)
послю дождь на землю. бгъ нашемъ сла: ~

И [тогда] сказал мне [ангел]: «Следуй за мной, и я покажу тебе место праведных, куда их относят [после смерти их]». И я последовал за ангелом.

И возвел меня [ангел] на третье небо. И поставил меня пред вратами. Посмотрел я и увидел бывшие там врата и два столпа золотых пред ними, и две исписанные письмом скрижали золотые на каждом из столбов. И обратился ко мне ангел и [так] сказал: «Блажен вошедший во врата эти, ибо не все имеют надежду войти сюда. Место [это] только для беззлых и чистых сердцем». И спросил я ангела: «Господин, что написано на скрижали этой?» И, отвечая, ангел сказал мне: «Это имена живущих на земле и служащих Богу всем сердцем». И опять сказал я: «Господин, могут ли быть написаны на небесах рядом с именем Его [Господа] [имена] живущих на земле?» И, отвечая, ангел сказал мне: «Не только имена их, но [также] образы и подобия их и дела всех, служащих Богу, [записаны] на небесах (Л. 238б) и известны ангелам».

И, войдя внутрь места того, я увидел Исаяю, [который], приблизившись, приветствовал меня: «Радуйся!» [Исайя] поприветствовал меня, и отвернулся, и заплакал, и сказал мне [так]: «Павел! [Пришел] ты принять [плоды] трудов твоих. Вот ведь сподобились видеть, как велики блага, которые уготовал Господь, каково величие того, что обещано [почитающим Господа]. Но [только] немногие из людей удостоятся их. Праведники одни войдут в места эти». И [еще] ангел сказал мне: «Когда Христос, которого ты считаешь, придет, [чтобы] царствовать [в мире], тогда по повелению Божию разрушится первая земля. Как покрывается земля росой или инеем, так и [Бог] покроет ее, [преображенную эту землю, благодатью Своей и] отдаст ее Бог святым Своим, [тем святым, которые ныне] живут на ней. И будет царствовать Бог наш во веки [то есть вечно], и вкусят [праведники] от плодов Его, которые тебе сейчас показываю».

И я посмотрел на землю ту и увидел, [что] по ней течет река, [имеющая] молоко и мед. И были на берегу реки той деревья посажены, [и были деревья те] полны плодов, и каждое дерево приносило ежегодно по тринадцать плодов, сладких [и] разных. И увидел я финики, высота которых была 30 локтей, а других — 20 локтей, а иных [еще] — 10 локтей. Был же свет земли той семикратно ярче серебра. И сказал я: (Л. 239а) «Что это за место?» И ответил мне ангел: «Это — земля обетованная. Или не слышал ты написанного: «Блаженны кроткие, ибо [они] наследуют землю». Души [же] праведных, когда покинут тело, на это место принесены будут». [И еще], отвечая, сказал мне ангел: «Следуй за мной, и я приведу тебя в град Христов». И [вот] стоял я на озере блестящем, и взяли меня на корабль золотой, и ангелы пели передо мной до тех пор, пока я не вошел в град Христов. Пребывающие в граде радовались мне [и другим праведникам с земли], идущим к ним. Войдя же [внутри], увидел я град Христов. И был свет его более света мира этого — [так он] светился. И был он весь золотой и двенадцатью стенами [тот град] огражден был, а внутри каждой стены [было по] 1000 столпов и по четыре [столпа стояли снаружи каждой стены]. И была на западной стороне города река медовая, на южной — молочная, на восточной стороне его — река винная, а на северной стороне его

Мильков В.В.

Апокрифические образы иного мира в апокрифах
«Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по
мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху»
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 85-118.

Milkov V.V.

Apocryphal images of the other world in the
Apocrypha "The vision of the Apostle Paul",
"Walking of the Virgin by Flour", "Questions
and Answers of St. Athanasius to the
Antiochus"
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 85-118.

— река елейная. И так обратился я к ангелу: «Господин, что это за реки, окружающие град сей?» И сказал [ангел]: «Четыре реки на земле сотворены [Господом]. Имя реке, [в которой] течет мед, — Фусний, имя реке, [в которой] течет вино, — Фипр, имя (Л. 239б.) реке, [в которой] течет елей, — Гионий, имя реке, [в которой] течет молоко, — Евфрат. Поскольку святые, пребывая на земле, не требовали еды и питья, но алкали и изнуляли [плоть свою] Бога ради, то воздастся им многократно пребывание в граде этом и воздастся им честь великая, которую я здесь [в раю] увидел.

[Когда] привел меня ангел на реку, [в которой] [течет] мед, [то] увидел [я] там Исайю, и Иеремию, и Захарию, и Иезекию, и Михея, [а также] других пророков, которые приветствовали меня. И [тогда] спросил я ангела: «Что значит путь этот?» И ответил мне ангел: «Это путь пророческий, и каждый, кто смирит душу свою и откажется от низменных желаний Бога ради, [тому уготовано] — когда придет [душа] к Богу и поклонится Ему, — быть переданным Михаилу, [который] введет [достойную душу] в град [то есть рай] на место пророческое, и [будут пророки] приветствовать ее как друга и как своего родственника, ибо [они все] сотворили волю Божью».

И привел [меня ангел] на северную сторону [райского] града, где [текла] река винная. И увидел я там Авраама, Исаака, Иакова и других. И они приветствовали меня. И спросил я [ангела], говоря [так]: «Что это за река?» [И ответил ангел]: «Если покинет мир человеколюбец и страннлюбоец [то есть с любовью принимающий странников], то сначала поклонится перед престолом [Господа], потом же вручит себя Михаилу (Л. 240а) и [через] этот вход будет введен в град [райский]. [Уже бывшие там] преподобные поприветствуют его как сына и брата, и скажет им [Михаил]: „Поскольку сохранили вы человеколюбие и страннлюбие, придите и наследуйте град Господа нашего. [Пусть] каждый по своему труду примет [воздаяние] со святыми в граде Божьем [то есть рае]”».

И опять взял меня [ангел, и оказались мы] около реки, текущей елеем, что на западной [стороне] города. И увидел я там мужей и жен сидящих. И сказал мне [ангел]: «Это те, служившие мне всем сердцем, не имевшие своеволия. Ибо каждый, кто радуется Богу и поет [славу] всем сердцем Богу, — те входят в рай». И был посреди [рая] алтарь великий и высокий очень.

И был некто, стоящий около алтаря, и лицо его было как солнце. [И] имел он в руке своей псалтырь и гусли. И пел [он], восклицая [так]: «Помилуй ангела своего!», наполняя весь [райский] град [звуками этими]. Все вместе, [кто] был [в граде] на столпах врат, слушали его и говорили: «Аллилуйя». [Говорили так громко], что затряслось основание града. И спросил я: «Кто эти, господин, что так сильны?» И сказал мне ангел: «Это Давид, [а] это небесного Иерусалима врата. Когда же [на землю] придет Христос и воцарится в мире, с сильным чувством опять сам Давид начнет петь славу царству Его [Христа] и все праведные воспоют с ним [и будут петь]». (Л. 240б) [И] послушав [пение]: «Аллилуйя», я спросил: «Господин! Почему Давид один громче всех начинает петь?» И, отвечая, ангел сказал мне: «Потому что Христос сидит справа от Отца, и Давид поет перед Ним на седьмом небе. [Знай], все, что бывает на небесах, также и на земле бывает. Нельзя больше без Давида [осуществлять таинство] вкушения тела и крови Христа, [ибо жертва эта одновременно и на земле и] на небесах совершается». И спросил я: «Что значит „Аллилуйя”?» И, отвечая, ангел сказал мне: «[Знай, чего добиваешься] и что хочешь узнать от всех [тех, которые] говорят „Аллилуйя”. Это еврейским языком говорится о Боге и об ангелах. „Аллилуйя” — [особое] речение, которое означает — „Слава Богу, создавшему все, благодарим вместе [Бога]”». И спросил я: «Если один поет „Аллилуйя”, а [другие] стоявшие с ним не поют, — творят ли грехи тем, или если кто, скорбящий очень, раньше всех [воспоет], — грешен ли [он]?» И, отвечая, ангел сказал: «Если [кто] может, но не поет, опуская слова, то [Бог] знает лицо его, гордое и недостойное славить Бога, сотворившего его». И, отвечая, ангел сказал мне: «Иди, следуй за мной, и я тебе покажу души неверных и грешных, и ты увидишь, какое место [достойно] их».

Мильков В.В.

Апокрифические образы иного мира в апокрифах
«Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по
мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху»
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 85-118.

Milkov V.V.

Apocryphal images of the other world in the
Apocrypha "The vision of the Apostle Paul",
"Walking of the Virgin by Flour", "Questions
and Answers of St. Athanasius to the
Antiochus"
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 85-118.

И сошел я с (Л. 241а) ангелом, и взял [ангел] меня на заход солнца, и там [я] увидел начало небесное, основано [оно] на великой реке. И спросил [я ангела], говоря [так]: «Что это за река [много]водная?» И ответил мне [ангел]: «Это Океан-море, обходящий Вселенную». И когда я был по ту сторону, [то] видел заgrabный [мир]. И не было света на месте том, но [только] тьма, и скорбь, и тоска. И увидел я реку, пылающую огнем, и множество мужей и жен, погруженных в нее до колена, а другие — до пупа, а другие же — до уст, а [еще] другие — с головой [погружены были]. И спросил я, восклицая [так]: «Кто эти, [находящиеся] в реке огненной?» И ответил ангел: «Это те, которые ни теплы, ни холодны. Не оказались они в числе праведных, во время жизни своей на земле: одни не сотворили воли Божьей, другие [жили] в грехах и в прелюбодеянии непрерывно, пока не умерли». И спросил [я]: «Кто [люди] эти, господин, погруженные до колен в реке огненной?» И, отвечая, [ангел] сказал мне: «Это те, [кто], выходя из церкви, предавался разговорам, досаждая словами [собеседнику], желая поссориться. А эти, [которые] погружены до пупа, — после принятия Тела и Крови Христа [то есть причастия] прелюбодействовали и не переставали [так делать], пока не умерли. Погруженные же (Л. 241б) до уст — это те, кто клеветал друг на друга, собравшись в Церковь Христову. А те, кто до бровей [погружен], — перемигивались друг с другом, указывая на ближних.

И видел я другое место тут страшное — [на] западной стороне реки разные муки, которыми мучились мужи и жены, и огненная река текла на них. И посмотрел я и увидел там пропасть очень глубокую и в ней — многие души, друг на друге [теснящиеся]. И была глубина реки той — 300 локтей. И видел я, [как они] вздыхали и плакали, взывая: «Помилуй нас, Господи!» И не было им милости нигде. И спросил [я] его [т. е. ангела]: «Кто эти, господин?» И, отвечая, сказал мне ангел: «Это те, кто не надеялся в Боге иметь помощника». И спросил [я] его: «Какова глубина пропасти той, если души родившихся прежде — [за] 30 или [за] 40 лет — помещаются друг на друге?» [И ответил ангел]: «Глубина [пропасти] неизмерима, потому же и мучаться [им] до тех пор, пока бездна существует. Если возьмет кто камень и бросит в колодезь, глубокий очень, [и сколько времени] понадобится камню, чтобы дойти до дна, — такова же и глубина, объемлющая бездну ту. Я же (Л. 242а), услышав это, вздохнул и заплакал о сынах человеческих. [И], отвечая, ангел сказал мне: «Зачем плачешь? Или ты милостивее Господа? Благ Господь! Смотри, [Павел], как велики эти муки. Долго терпит [Господь] сынов человеческих, [пока не ввергнет их сюда]. [Погруженные] по пуп — [это те, кто] свою волю творил, пока [жил] на земле.

И посмотрел я еще на огненную реку и увидел там человека старого, которого влачили и погружали до колен. И пришел ангел Тимелих, имеющий в руке своей железо великое, заостренное с четырех сторон [крюками]. И им извлек утробу старцу [через] уста. И спросил я, восклицая: «Господин, кто старец [этот], которому творят такую муку?» [И ангел сказал]: «Кого ты видишь — [это] поп был, не совершал [он] свои службы, как подобает, так как не переставал в пьянстве, обжорстве и блуде приносить жертву Богу». И недалеко в стороне я увидел другого старца, которого несли с усердием ангелы лютые [и] погрузили его до колен в огненную реку. И волна огненная ударяла [старцу] в лицо, как буря, и не давала ему сказать: «Господи, помилуй меня!» И спросил [я]: «Кто это [такой], господин?» [И ангел ответил]: «Тот, кого ты видишь — епископ был и не свершал свое епископское служение как подобает. (Л. 242б) Не был [он] благочестив, как подобает по данному ему имени святому епископскому. И за всю жизнь свою не сотворил [ни разу] праведного суда, и не помиловал вдовиц, и сирот, и странников, и убогих [не] призрел. Ныне же воздастся ему по делам его». И видел я другого человека, в стороне от предыдущего [то есть епископа], в реке огненной до колен [погруженного]. Были же руки его распростерты и окровавлены, и черви исходили из уст его и из ноздрей его. Стонал [он] и вопил, восклицая: «Помилуй меня, [Господи], ибо осужден я более

Мильков В.В.

Апокрифические образы иного мира в апокрифах
«Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по
мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху»
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 85-118.

Milkov V.V.

Apocryphal images of the other world in the
Apocrypha "The vision of the Apostle Paul",
"Walking of the Virgin by Flour", "Questions
and Answers of St. Athanasius to the
Antiochus"
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 85-118.

всех, пребывающих в муке». И я спросил [ангела об этом], и [ангел] сказал мне: «Кого ты видишь — [это] дьякон был, который ел [приношения] всегда и недостойно впал в грех прелюбодеяния перед Богом. Поэтому [он] непрестанно принимает муку эту».

И посмотрел я и увидел в стороне [от него] другого человека, которого влачили с усердием ангелы и бросили в огненную реку. И был [тот человек] до колен [погружен в реке]. И пришел ангел-мучитель, который имел в руках бритву раскаленную, великую. И [той бритвой ангел-мучитель] срезал уста того человека и язык также. И я, застонав и заплакав, (Л. 243a) спросил: «Кто это, господин?» [И ангел сказал]: «Тот, кого видишь — чтец был, который учил людей, сам же заповеди Божьи не исполнял».

Еще же взглянул я и увидел множество других пропастей на том же месте. И было посреди места того множество мужей и жен. И черви ели их. Я же опять заплакал, и застонал, и воскликнул: «Господин, кто эти [люди]?» И ответил мне [ангел]: «[Это те], которые взымали проценты и надеялись на богатство [свое], [а] не надеялись в Боге иметь помощника».

И пришел я и увидел другое место, совсем неприступное, как бы окруженное стеной. [Там] мужи и жены грызли зубами языки свои. И спросил я: «Кто это, господин?» И ответил мне [ангел]: «Это [те, кто] ругался [друг] с другом в церкви, и слов Божьих не слушали, и осуждали Божьи книги, поэтому [они здесь] принимают свою муку непрестанно». И взглянул я и увидел старца, до колен в пропасти [стоящего]. И был вид его кровав. И спросил я [ангела]: «Что значит место это, господин?» И ответил мне [ангел]: «Эти все, которые [здесь, и] пропасть, которую видишь ты, — это есть все муки».

И видел я мужей и жен, погруженных до уст [в пропасть]. [И] спросил я: «Кто это, господин?» И отвечал [мне ангел]: «Это колдуны, которые давали мужам (Л. 243б) и женам зелье наговоренное, и порчу [наводили], и не оставляли [жертв] своих в покое до тех пор, пока [жертвы] не умирали».

И видел я других мужей и жен в пропасти огненной, до половины горящих в [огне] великом и черном очень. И застонал я, и заплакал, спрашивая [о них]. И сказал мне [ангел]: «Это прелюбодеи, которые, имея своих жен, прелюбодействовали, и жены, имея своих мужей, таким же образом прелюбодействовали. Поэтому [они] непрестанно принимают муки свои».

И увидел я там двух девиц, имеющих ризы оскверненные. И видел я 14 ангелов страшных, имеющих в руках своих вериги раскаленные. [И видел, как] возложили [ангелы] на шеи тех девиц [вериги] и повели их в муку. [И] зарыдал я в голос, и спросил ангела, восклицая: «Кто это, господин?» И сказал [ангел]: «Это девицы, которые друг с другом [блуд творя], осквернили девство свое прежде брака, [а] родители не знали [о том]. Поэтому же [они] принимают муку».

И еще посмотрел я и увидел мужей и жен с отрезанными руками и ногами, которые находились среди льда и снега нагими. И черви ели их. И увидел я [их] и спросил: «Кто это, господин?» И ответил мне [ангел]: (Л. 244a) «Это те, которые сирот, и вдовиц, и нищих не помиловали и не уповали на Бога. Поэтому же принимают муку эту».

И увидел я других. Посмотрев на мужей и жен, висящих над течением реки той, увидел, что были языки их сухи от жажды. И много плодов различных пред очами их было. И не давали им вкусить от них. И спросил я [ангела]: «Кто это, господин?» И ответил мне [ангел]: «Это те, которые прежде установленного [то есть разрешенного Церковью] времени нарушали пост. Поэтому [они] непрестанно принимают свою муку».

И увидел я других мужей и жен, увидел как когтями железными за груди и за волосы дерут их. И сказал я: «Кто это, господин?» [И сказал ангел]: «Это те, [которые] украшали себя не своих ради мужей, [но] прелюбодеяния ради. Так же [творили] и мужи. Поэтому не переставая принимают муку».

Мильков В.В.

Апокрифические образы иного мира в апокрифах
«Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по
мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху»
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 85-118.

Milkov V.V.

Apocryphal images of the other world in the
Apocrypha "The vision of the Apostle Paul",
"Walking of the Virgin by Flour", "Questions
and Answers of St. Athanasius to the
Antiochus"
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 85-118.

[И] видел [я] других мужей и жен, и был вид их багрян, как кровь. Были [они] в пропасти огненной, [где] текла огненная река. И спросил я [ангела]: «Кто это, господин?» И сказал мне [ангел]: «Это те, кто творил беззаконие [то есть половое извращение], [как] в Содоме и Гоморре с мужьями злообразными. Потому же не переставая принимают муку свою».

И видел я других мужей и жен, украшенных светлыми ризами (*Л. 244б*), [но] были ослеплены очи [их] в пропасти огненной. И спросил я [ангела]: «Кто это, господин?» И ответил мне [ангел]: „Это те, которые [были] язычниками, [но], творя милость, Бога не познали. Поэтому непрестанно принимают муку [свою]”. И посмотрел я и увидел других мужей и жен над стенами огненными, и зверь терзал их, [не давая] сказать: „Помилуй нас, [Господи!]”» И увидел я ангела, [который] был над мукой этой, грозно увещевая: «Познайте Сына Божьего, ибо раньше говорил вам [об этом], а вы не слышали, читали Божьи книги, но не послушались. Праведный Суд Божий настиг вас, ибо дела ваши привели вас в муку вашу». Я же застонал и заплакал, восклицая: «Кто это, господин?» [И сказал ангел]: «Это жены, которые погубили тварь Божию, по необходимости или по несчастью извергли [плод] из утробы. И это мужи, бывшие с ними. Дети же молят Бога и ангела, [который] над муками [этими], говоря [так]: «Отомсти [за] нас обидевшим нас. Ибо они погубили тварь Божию, [хотя] имя Божие имели и [знали] заповеди Божии — не сохранили [нас], но бросили на корм свиньям и на (*Л. 245а*) поругание, [а] другие ввергли нас в реку». Дети же те переданы были ангелу Тимелиху, который над муками [стоит], и в месте широком том просят как о милости — отца и мать ввергнуть в вечную муку.

Потом же видел я других мужей и жен, в перепоясанных одеждах, исполненных жара смрадного <...> и огонь и змеи обвивали шеи их, и плечи, и ноги. Влачили их ангелы, имеющие рога огненные. И теми рогами толкали [то есть принуждали идти], говоря [так]: «Почему не понимали, [что есть] время, когда [нужно] было вам поклоняться и служить Богу?». И спросил я [ангела]: «Кто это, господин?» И ответил мне [ангел]: «Это черноризцы, отрекшиеся от мира и образ [Божий] носившие, но похотями мирскими [соблазнившись] и [те] окаянные, которые не имели любви [к ближним], ни одной вдовицы и сироты не помиловали и странника не приняли ни на один день. Не помиловали ближнего, ни одной молитвы чистой не принесли Богу, [из-за] большой их лености и житейских забот, [которые] мешали им поступать праведно перед Богом». И ангелы же, [которые] проходили по всем мукам, видели их, находящихся в муках, [и] говорили (*Л. 245б*) им: «Зачем говорите, будто не заботились о себе? И спрашиваете, за что вас привели с другими на муки?» И те [то есть ангелы] так отвечали им [черноризцам]: «Когда мы на земле были и видели, как все грешные, [которые живут в мире], взирали на вас в святом вашем образе [то есть в монашеском облачении] и заблуждались относительно вас, говоря [так]: „Это праведники — рабы Божии”. Потому вы и принимаете вечную муку». Я же застонал, и заплакал, и воскликнул [так]: «О, горе роду человеческому! О, горе грешникам, зачем родились!?» И, отвечая, ангел сказал мне: «Разве ты милостивее Бога? Бог — благ есть, знает Он, что есть Суд, и позволяет каждому по своей воле делать все, что [каждый] хочет на земле». И опять заплакал я тогда сильно. [И тогда] сказал мне [ангел]: «[Не о том] плачешь, [ибо] не увидел великих мук» Следуй за мной и увидишь [муки], всемеро, страшнее этих».

И взял меня [ангел] от западных мук и поставил меня над колодецем. И был [колодец тот] запечатан семью печатями. И ангел, который со мной был, сказал ангелу, бывшему на месте том: «Раскрой колодец, пусть любимец Божий Павел видит, что дана ему [Богом] власть видеть все муки». И сказал мне (*Л. 246а*) ангел: «Встань подальше, чтобы тебе можно было терпеть смрад». Когда же [ангел] открыл колодец, [что над] бездной, и тотчас изошел [смрад из колодца], сильнее всех мук. И посмотрел я вниз и увидел камни, горящие во всех частях его, и ширина его [такая, что только

Мильков В.В.

Апокрифические образы иного мира в апокрифах
«Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по
мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху»
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 85-118.

Milkov V.V.

Apocryphal images of the other world in the
Apocrypha "The vision of the Apostle Paul",
"Walking of the Virgin by Flour", "Questions
and Answers of St. Athanasius to the
Antiochus"
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 85-118.

человека [может] вместить. [Я спросил ангела: «Что это?»] Отвечая, ангел сказал мне: «Если кого ввергнут в бездну через этот колодец, нет о нем памяти во веки пред Отцом Небесным и Святым Духом и пресвятыми ангелами Его» И спросил я: «Кто они, господин, [которых] ввергают в колодец?» И, отвечая, ангел сказал мне: «[Это те], кто не веровал в Иисуса Христа, что пришел Он во плоти, что родила Его Дева Мария, [это те, кто] говорил, [что] хлеб благословения и чаша Сына Божия не есть тело и кровь Христовы».

И посмотрел я на запад от всех [открывшихся передо мной страданий и мук] и увидел — [вот] червь неусыпающий в месте, где скрежет зубов. И был в длину червь — локоть один, [и] имел [он] две главы. И увидел я там мужей и жен в ужасе [морозного оцепенения] и скрежете зубов. И спросил я, сказав [так]: «Кто это, господин, что на месте этом?» И ответил мне ангел: «Это те, [кто] говорил, что Христос не воскрес из мертвых». И воскликнул я: «Господи, нет ли огня на месте этом, (Л. 246б) нет ли [того, что может] согреть?» «Ничего, [что ты сказал, здесь нет], но только снег и ужас [скованных морозом]», — [ответил ангел]. И спросил я: «Если солнце будет сиять на меня, не согреются ли [терпящие муку такую?»] И сказал мне ангел: «Если семь солнц воссияют, никогда же [никто из них] не согреется, потому что вечно зима в месте этом». Это услышав, заплакал я. И, вздохнув опять, спросил я: «Лучше было бы грешникам, если бы и не родились». И все грешники, которые были на месте том и видели меня с ангелом [рядом] плачущего, возопили также и заплакали.

И затем видел я небо отверстое [и] Михаила архангела, [по Божьему] завету сходящего с неба, и с ним все воинство ангельское сошло [к тем, кто] был в муках. И воскликнули [грешники]: «Помилуй нас, Михаил архангел, [ты, явившийся по Божьему] завету милости [ради], ибо ты молишь за человечество и молитвами [твоими] доселе стоит земля. Видели мы уже Суд и познали мы Сына Божия. [Ох], если бы можно было нам [знать наперед, что нас ждет, то исполняли бы заповеди] и не оказались бы в месте этом. Еще прежде исхода нашего из мира мы слышали, что Суд есть и воздаяние [за грехи], но похоти [и] заботы житейской [суеты] помешали нам покаяться». И, отвечая, ангел (Л. 247а) сказал [им]: «Слушайте, пребывающие в муках, Михаила [архангела], говорящего: „Я предстою пред Богом все часы жизни [своей], [я] не пропустил [ни] единого дня, ни ночи, моля не переставая за род человеческий. Сами же вы не пропустили ни единого дня, творя беззакония, и провели время [свое] в суете. В ней же [некогда] было задуматься [о покаянии и возмездии за грехи]. Я же молился [все] дни — до нынешнего, просил [Господа] послать дождь на землю, чтобы земля произрастила плоды свои. Говорю вам: если бы кто сделал и мало доброго, [то не зря] трудился, [тогда бы] я заступился за него [перед Богом], чтобы миновало того лютое мучение. Где [было] покаяние [ваше]? Погубили вы время полезное — ныне же [в раскаянии позднем] плачете и я плачу с вами, и со мной благие ангелы с возлюбленным Павлом. [И будете терпеть муки] до тех пор, пока не помилует [вас] благой Бог [и] не даст вам покой”». Услышав же слова эти, возопили и зарыдали сильно и воскликнули [грешники] единым гласом: «Помилуй нас, Сын Божий!» И [взмолился] Павел со стоном: «Господи, помилуй нас, создание Твое!» И пал Михаил на лицо свое, и так же сделали десятки тысяч ангелов, и пали [они] пред лицом Бога и воззвали вместе: (Л. 247б) «Помилуй, Господи, создание Твое, помилуй сынов человеческих, помилуй Свой образ [и подобие]!»

И я посмотрел и увидел колеблющееся небо, [которое], как дерево, от ветра колебимо [было]. Тогда пали все [бывшие тут] ниц пред престолом [Господа]. И увидел я 14 старцев и 24 животных, [которые тоже] поклонились [все]. И увидел [я] алтарь Божий, и завесу, и престол, и всю Вселенную, объятую дымом благоуханным, [поднимавшимся] к престолу Божьему. И услышал я глас, говорящий [так]: «Ради чего молитесь Меня ангелы, слуги [Мои?»] [И они] возопили: «Молимся [Тебе], видя благодать милосердия Твоего и великое человеколюбие».

Мильков В.В.

Апокрифические образы иного мира в апокрифах
«Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по
мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху»
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 85-118.

Milkov V.V.

Apocryphal images of the other world in the
Apocrypha "The vision of the Apostle Paul",
"Walking of the Virgin by Flour", "Questions
and Answers of St. Athanasius to the
Antiochus"
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 85-118.

Снова после этого увидел я отверстие небо и Сына Божьего, сходящего с небес. И венец [увясло] был на главе Его. И, увидев Его, пребывающие в муках возопили все единым гласом, [так] говоря: «Помилуй нас, Сын Божий, Вышнего [Бога Сын], ибо Ты всем подаешь [милость Свою] на небе и на земле. Помилуй нас! С тех пор как увидели Тебя, [так] и почитали». Изошел глас от Сына Божьего на всех мучеников: «Говорите, что содеяли вы, [за] что просите у Меня покоя? Кровь Моя за вас пролита была, а вы не покаялись. Вас ради бит был по щекам (Л. 248a) но [вы] не покаялись. За вас венец терновый носил на главе — также [вы] не покаялись. Воды просил, вися на кресте — дали [же] Мне уксус, с желчью размешанный, и копьем пронзили правые ребра Мои. Рабов Моих, пророков и праведников, [тех, кто уверовал] в имя Мое человеческое, — [вы] избивали. [И несмотря на это], дал вам место, [где есть возможность принести] покаяние. Ныне же ради Михаила архангела, ради любимца Моего — Павла, которого не хочу оскорбить, но более всего благодатью Моего Воскресения [из мертвых] и за молитвы [заступников] — дарую вам покой. [Вам], пребывающим в муке, даю покой на один день и на одну ночь [на] Святой Неделе». И возопили все и сказали Ему: «Благодарим Тебя, Господи Боже, за то, что дал нам покой в день тот. Увидели мы и поняли, что предстоит грешникам такая мука, [какую и мы испытали]. [Пусть будет] немилостив Суд к не сотворившему милости». И потом спросил меня ангел: «Видел ли все это?» И ответил я: «О да, господин!»

И сказал мне [ангел]: «Следуй за мной, и [отведу] тебя в рай, где тебя увидят пребывающие там праведники. Ибо ожидают тебя [там] и готовы принять с радостью и весельем». И последовал я за ангелом. И [был я] взят устремленьем Духа Святого. И поставил меня [ангел] в раю, и сказал мне [так]: «Место это — рай Эдемский. (Л. 248b) Из него же был изгнан Адам и жена его». Когда вошел в рай, то увидел я исток водам. И рассказал мне ангел [все о нем]. И посмотрел я на воду. И была это река Фигон [Фисон], окружающая всю землю Эладскую, а другая [река] — Стигом [Гион ?], текущая вокруг всей земли Египетской, и третья [река] — Тигр, что пред Сирией, и четвертая — Евфрат, [которая] поит землю Среднеречную. Войдя же в другое место, увидел я древо посаженное, и из-под корней его воды вытекали. И там брали [свое] начало четыре реки [эти]. И Дух Божий почивал на древе том. Когда же повеет Дух, двигаются воды [те]. И спросил [я]: «[Почему] от этого древа текут воды эти?» И ответил мне [ангел]: «Изначально, еще до [сотворения] земли и неба и всего видимого, Дух Божий носился над водой, пока по повелению Божью не появились небо и земля, и [с тех пор] Дух Божий почивает на древе этом». И взял [ангел] меня за руку и довел меня до древа познания добра и зла. И сказал мне [ангел так]: «Вот древо [то], из-за которого вошла смерть в мир. И от сего [древа] взял Адам у жены плод, [а когда] вкусил [от плода] — изгнан был из рая».

И показал [ангел] ему [Павлу] (Л. 249a) другое древо посреди рая. И сказал мне [ангел]: «Вот это — древо жизни, которое стережет херувим с оружием пламенным. [Когда] я посмотрел на древо, [то] увидел Деву, издали идущую [в окружении] 200 ангелов, и сказал [я]: «Господин, кто эти, идущие в великой славе?» И ответил мне [ангел]: «Это — Дева Мария, мать Господа». И, подойдя ближе, [они] приветствовали меня и сказали мне: «Радуйся, любимец Божий, ангелов и людей». Тогда же воскликнул я, увидев издали идущих трех [старцев] прекрасных видом, образы которых светились, а впереди них шли ангелы, поющие [вместе] с ними, сказав: «Кто это, господин?» И сказал мне [ангел]: «Это отцы [то есть прародители] людей: Авраам, Исаак и Иаков». И [они], подойдя ближе, приветствовали меня и сказали [так]: «Радуйся, возлюбленный Богом, и ангелами, и людьми». И еще [когда] говорил с ними, [то] увидел [я] другого, издали идущего [и] красивого очень, и ангела его, поющего. И спросил я: «Кто это, господин, прекрасный внешним видом [своим]?» И сказал мне [ангел]: «[Разве] не знаешь его?» И сказал [я]: «Нет, господин». И сказал мне [ангел]: «Это Моисей-законодатель. И ему же Бог закон дал». Когда [Моисей] близ меня оказался, тотчас заплакал, потом

Мильков В.В.

Апокрифические образы иного мира в апокрифах
«Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху»
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 85-118.

Milkov V.V.

Apocryphal images of the other world in the
Apocrypha "The vision of the Apostle Paul",
"Walking of the Virgin by Flour", "Questions
and Answers of St. Athanasius to the
Antiochus"
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 85-118.

поприветствовал меня и сказал: «Блаженный ты, Павел. Народ верит слову твоему». (Л. 249б) И еще [когда Моисей говорил], пришли другие и увидев меня, сказали: «Ты, Павел, прославлен на небесах и на земле». И спросил [я]: «Кто вы?» И ответил первый [из них]: «Я — Исаяя, которого перепилили пилой деревянной», а другой сказал: «Я — Иеремия, погубленный сынами израильскими, [будучи] побит [камнями]». И еще [когда этот говорил], пришел другой издалека, восклицая и говоря: «Блажен ты, Павел, возлюбленный Богом». И спросил [я]: «Кто это, господин?» И ответил [ангел]: «Это — Ной, который был во время потопа». И приветствовали мы [друг друга], радуясь очень. И [Ной] сказал: «Ты — Павел, возлюбленный Господом». Я же спросил: «[А] кто ты?» И сказал [он]: «Я — Ной, который [был] во время потопа. Говорю же тебе, Павел, [чтоб знал ты], что я содеял: сто лет делал я киот, не снимая одежд, в которые был одет, и не стриг волос на голове своей, еще же постился, воздерживаясь [от пищи], и не приближался к своей жене [целых] сто лет. И не заросла [власами сверх меры] голова моя, и даже не осквернили меня одежды. И молился я, [и говорил] людям тех лет [то есть живущим тогда]: «Покайтесь!» [И еще] говорил я: «Грядет потоп водный на вас». (Л. 250а) Они же смеялись над словами моими и говорили, [что не верят мне]. То было время неправды, [все] могли согрешать и распутничать, [пренебрегая] попущением и [долготерпением] Божиим. «Не видит Бог нас и не знает того, что делают люди. [Откуда взяться] воде потопной, [чтобы затопить] мир», — [так говорили люди] и не переставали грешить, пока Бог [не] уничтожил их [и] всякую плоть, которая имела в себе дух животный. Знай, что любит Господь одного праведника больше грешников всего мира. Говорю же тебе, Павел: «Блажен народ, который верует [в Бога] благодаря [таким праведникам], как ты».

И обернулся я и увидел других двух [людей], издалека [шедших]. И спросил я: «Кто это, господин?» И ответил [ангел]: «Это Илья и Елисей». [Вот] пришли [они] [и] приветствовали меня. И сказал я им: «Кто вы?» И отвечал один из них, сказав [так]: «Я — Илья-пророк, а это — Елисей, которого никто [не] может от любви Божьей отлучить. Я — Илья, [который] помолился [и по] слову которого [Бог] не посылал дождя [на землю] три года и шесть месяцев, из-за несправедности человеческой. Правдив Бог истинный, сотворивший нас угодниками Своими. Много раз молили Его, но сказал Господь: «Потерпите, пока Илья помолится о бездожье, [тогда] повелю об этом [то есть о] просьбе Ильи] и (Л. 250б) пошлю дождь на землю». Богу нашему слава!

2

Яркие образы иного мира, а точнее той его части где находились адские области, разворачивались перед средневековым читателем «Хождения Богородицы по мукам». Данный апокриф – классическая визионерская история, в которой Марии, как и другим Божиим избранникам (апостолу Павлу, Еноху, Исаяе, Варуху), раскрываются сокровенные тайны инобытия. Обычно в подобных «Хождению» неканонических текстах конкретизировались христианские постулаты о посмертной судьбе людей, которые Св. Писанием задавались в самой общей форме (см.: Откр. 19, 20; 20, 15; Мф. 13, 42; 22, 13). Это было характерно для всех христианских регионов и Древняя Русь, получавшая апокрифические сочинения в составе переводной книжности, в данном случае не исключение. Благодаря неканоническим произведениям, представлявшим жанр хождений и видений, в общественном сознании формировались представления о загробном мире.

Сюжет апокрифа не замысловат. Во время молитвы на Елеонской горе героиня апокрифического повествования просит Бога, чтобы к ней сошел Михаил и поведал ей о муках. Архангел сходит с небес и по Божьей воле исполняет просьбу Матери Христа, правда вместо рассказа он устраивает Марии наглядную демонстрацию устрашающих мест. Как и другие герои апокрифических хождений и видений, Богородица при помощи высших сил чудесным образом

Мильков В.В.

Апокрифические образы иного мира в апокрифах
«Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху»
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 85-118.

Milkov V.V.

Apocryphal images of the other world in the
Apocrypha "The vision of the Apostle Paul",
"Walking of the Virgin by Flour", "Questions
and Answers of St. Athanasius to the
Antiochus"
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 85-118.

покрывает гигантские пространства, в которых, согласно апокрифу, локализуется ад. Действие начинает разворачиваться в некой отдаленной южной стороне. Сначала при помощи ангелов юга перед ней открывается та часть ада, где мучаются язычники, веровавшие в Трояна, Хорса, Велеса и Перуна. В этой оригинальной славянской вставке к переводному с греческого тексту характер мучений не уточняется. Вслед за вставкой сообщается, что спутница Михаила и ангелов видела покрытое непроницаемым мраком пространство. После того как над ним чудесно открылись семь небес, взору Богородицы предстали отступники от христианской веры, которые до второго пришествия осуждены прибывать во тьме и не видеть света. В той же южной стороне Богородице была показана огненная река, в которой души получали воздаяние страданием в пламенных водах за грехи, перечень которых в тексте весьма обширен. С юга архистратиг Михаил и ангелы приводят Марию на север, где на огненном облаке как на ложе помещены души умерших лентяев, пропускавших заутренние службы. Там же находилось древо железное, на котором за языки подвешены клеветники и склочники. Еще на дереве страдал распинаемый всеми частями тела на ветвях церковнослужитель, за то, что распродал церковные имения. Другие священники мучились в подвешенном состоянии за то, что недостойно служили литургию. Трехглавый змей поедал очи и уста того, кто учил Св. Писанию других, но сам не выполнял его. Среди мучавшихся грешников были монахи, монахини и иерархи, поедаемые за неисполнение обета червями и обжигаемые огнем. На том же дереве находились подвешенные за ноги и обвитые змеями попадьи, не сохранившие чистоты после смерти мужей. В качестве другой юдоли мучений описывается кроваво-огненная бескрайняя пучина, в которой взору Богородицы явились стенавшие там блудники и прелюбодеи, сводники и клеветники, разлучники супругов, пьяницы, немилосердные представители светских и духовных властей, ростовщики и все, кто питался чужими трудами. В левой стороне от востока была показана Богородице кипящая смоляная река, с накатывавшимися на грешников огненными волнами. Она уготована для распявших Христа иудеев и вероотступников. Здесь же мучились впавшие в кровосмешение и убийцы. Еще Михаил показал Мирие огненное озеро, в котором пребывают те, кто не успел раскаяться перед смертью.

В «Хождении Богородицы» картины посмертных мук грешных душ исполнены в чрезмерно натуралистической манере устрашения, что отвечало задачам религиозно-назидательного воздействия на верующих. Смысловым ядром повествования была идея неотвратимости Божьей кары, причем способ наказания умерших грешников облекался в плотско-натуралистическую форму, что с канонической точки зрения неприемлемо. Апокрифическое хождение Марии, как и другие хождения к иному миру, концептуально воплощает идеи т. н. «малой» эсхатологии, которая основана на принципе двойного Суда, предполагавшего наказание душам грешников сразу после смерти, не дожидаясь пришествия Христа. В рамках этой концепции посмертные мучения грешников прообразуют собой будущие вечные муки и с этой точки зрения апокрифы, видимо, считались душеполезными, поэтому и тиражировались в церковной письменности.

С точки зрения идейной направленности текст апокрифа не лишен двойственности. Смакование инквизиторских приемов наказания в «Хождении Богородицы по мукам» едва ли не перекрывается апологией сочувствия и милования мучимых в аду грешников. По мнению некоторых ученых в «Хождении Богородицы» этот мотив даже более отчетлив, чем в «Видении апостола Павла». Образ Богородицы наделяется в апокрифе чертами заступницы, ходатайствующей перед Богом за всех, кто признает имя ее. Сила этого заступничества такова, что проявленное к грешникам сострадание побеждает суровый «закон воздаяния». И хотя по молитве Марии передышка от мук даруется грешникам от Великого четверга до Пятидесятницы, облик центрального персонажа апокрифа весьма близок фольклорным представлениям о Богородице заступнице, оберегавшей своих

Мильков В.В.

Апокрифические образы иного мира в апокрифах
«Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху»
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 85-118.

Milkov V.V.

Apocryphal images of the other world in the
Apocrypha "The vision of the Apostle Paul",
"Walking of the Virgin by Flour", "Questions
and Answers of St. Athanasius to the
Antiochus"
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 85-118.

чад без строгого взыскания к их нравственному облику. Все вместе чревато опасностью неканонического взгляда на проблему. Но текст был обращен к неискушенному читателю, соответственно он был ориентирован не столько на создание строгой канонического взгляда, сколько на возбуждение эмоционального религиозного чувства через сопереживания.

Сюжеты мучений грешников в «Хождении Богородицы» настолько выразительны и впечатляющи, что некоторые исследователи готовы были считать апокриф самым поэтическим произведением о загробной жизни. На самом деле апокрифические сюжеты с муками довольно однотипны в разных произведениях, не смотря на вариативность деталей. Важно, что в текстах жанра хождений наряду с нравственно-назидательным зарядом заключается информация, отражающая представления о мире. Дело в том, что перемещения главного персонажа разворачиваются в пространстве, а это позволяет судить о картине мира. В нашем произведении она конечно далека от полноты, ибо задача систематизации этой темы не стояла. Тем не менее даже отдельные детали подспудно формировали у читателя представление о мироустройстве. Такая реалья повествования как семь небес ассоциируется с многослойной геоцентрической космосхемой. Облик земной части мироздания не конкретизирован, но по тексту ясно, что огромные пространства ада находятся в крайне отдаленных местах, в разверзнутых пропастях, являющихся антиподом высоте небесной. Эти пространства географически ориентированы на север и юг и являются точными топографическими ориентирами юдоли мучений. Запад в этих координатах не упоминается, как и восток, который традиционно считался райской стороной. Думается, что по умолчанию в апокрифе имелись в виду удаленные области земного пространства. Рискнем предположить, что лучше всего не сведенным в систему апокрифическим деталям соответствует геоцентрическая модель. Именно в рамках этой модели северный и южный полюса считались в среде христианских авторов непригодными для жизни как раз из-за жары и холода, с действием которых и увязывались муки. Поэтому логично соотнесение с этими областями инобытийной сферы адовых мест в пределах физической сферы мироздания.

В древнерусском книжном наследии самый ранний список «Хождения Богородицы по мукам» датируется концом XII столетия (РГБ. Тр. № 12. Л. 30а–38а – опубликован: 11, с. 204-217; 13, с. 23–29; 19, с. 26–38). Как данный апокриф назывался в оригинале неизвестно, поскольку начало утрачено. В литературе для обозначения произведения принято название, с которым апокрифический текст известен Индексам запрещенной литературы. Древнерусский апокриф относится к переведенной книжности. Греческая версия «Хождения» была опубликованная А. Васильевым (16, р. 125–134). Она имеет отличия от русской версии. На это указывал еще И. И. Срезневский, подводя греческие параллели к древнерусскому тексту. В Тр. № 12 к тому же имеется русская вставка о славянских богах. В последующие пять столетий списки апокрифа встречаются в книжном наследии достаточно редко. Укажем список РГБ. Овчин. № 201. 1596 г. Л. 261а-269а (публикацию см.: 4, с. 598-608); отличающаяся от древнейшего списка сокращениями и переделкам рукопись РНБ. НСРК. Q. № 82. XVII в. Л. 45-57 под названием «В среду пятой недели великого поста слово ... вельми душеполезно о покои всего мира» (публикацию см.: 9, с. 118-124; об отличиях списков: 8, с. 365-366); РНБ. Соф. № 510. XVII в. (нач. с Л. 121б.). В деталях разновидностям древнерусских редакций апокрифического текста и традиция их бытования в отечественной книжности еще не изучены. По заключению Н. С. Тихонравова иной перевод был представлен утраченным к настоящему времени списком XV в. из собрания В. И. Григоровича. Л. 20-32об. (публикацию см.: 13, с. 30-39). Взрыв интереса к произведению происходит в старообрядческой среде. Назовем только немногие из поздних списков: РГБ. Пушеш. № 4. XVIII в. Л. 8а-9а; РГБ. Муз. № 1244. XVIII в.; Муз. № 9060.2. XIX в.; Муз. № 963. XVIII в. Л. 41а-43б.; Муз. № 4246. XIX в. Л. 39а-42б.; Муз. № 4693. XIX в. Л. 40а-43б.; РГБ. МДА

№ 149. XIX в.; РГБ. Собр. ОР за 1972 г. № 539. XIX–XX вв.; РГБ. Фадеев. № 33. XIX в. Л. 17а-21а; РГБ. Овчин. № 780. XVIII в.; РГБ. Шибанов. № 434-1. XIX в. Л. 12а-16а; РНБ. Тиханов. № 857 (665). XIX в. Л. 33а-53а. И. Я. Франко опубликовал несколько поздних вариантов апокрифа. Один под названием *Вѣкрытїе моукѣ пресѣтѣи вѣрѣци, ижѣ вѣгладала гдѣ мѣчаѣса грѣшнии*. Этот текст воспроизведен по рукописи Г. Билявского (XVIII в.) и интересен включением фольклорных мотивов (публикацию см.: 14, с. 153-159). Для сравнения публикатор привел более краткие переработанные версии апокрифа по рукописи XVIII в. И. Кузикевича: *Слово о вѣкровенї мѣкѣ, егда ходила пресѣтала вѣца з миханлом, гдѣ мѣчитса род хрѣстіанскїи* (14, с. 159-163) и по рукописи М. Туринского 1897 г.: *о покои всего мира* (14, с. 163-172). Более полные данные о выявленных в хранилищах списках «Хождения Богородицы» см.: 18, р. 188-195). В поздних рукописях апокриф чаще всего фигурирует под названием «Сказание о разных муках», «Слово о муках», «Слово о муках геенских». Из письменности мотивы и образы апокрифа перешли в христианский фольклор и даже в классическую русскую литературу. Огромное влияние оказал апокриф на иконографию загробных мучений.

Описание посмертной участи душ грешников в «Хождении Богородицы по мукам». Извлечение из рукописи РГБ. Тр. № 12 (XII в.). с восполнениями утрат по списку конца XV в. РГБ. Овч. № 201.

<... >¹⁵ (Л. 30а) то они все боги прозваша. слѣнце/ и мѣць землю и водоу. звѣри и гады. то се/тънѣк и члѣвчѣска імена та оутрїа трога/на хѣрса велеса пероуна... и видѣ на дроуз/ѣмь мѣстѣ тьмоу великоу. и рѣ сѣтаа гѣжа/ что ксть тьма си и кто соутѣ прѣбываю/щеи въ нки. ... и вѣкшаша анѣли стрѣгоущеи мѣ/коу. пороучено ны ксть. да не видатѣ свѣ/та донѣдеже гавитѣса. снѣ твои блѣгїи па/че .з. слѣнчѣ свѣтѣлѣншѣ... и вѣтасѣ тьма. и .з. нестѣ гависа <...>¹⁶// (Л. 30б) ваше множество народѣ моужѣ и женѣ и въ/плѣ многѣ бы. и гла великѣ исхожаше. и видѣ/въши га прѣтаа вѣцѣ. и рече к нимѣ плачу/щисѣ съ слѣзами. что сѣтвористе вѣднїцї./ оканьни и недостонни и како въ семь посты/гостесѣ... и реко/ша. моучащесѣ+ Блѣгодатнаѣ. вѣ вѣка ны/сѣмь свѣта видѣли да не можемѣ възѣрѣти... (Л. 31а) изведо/ша вѣцю на полоуднѣ. идеже рѣка исхожаше/ огньна. и тоу баше множество моужѣ и же/нѣ. и блѣху погроужени. ови до пояса. ови/ до пазоухоу. ови до шиа. а дроузїи до вѣрхѣ / и видѣвъши сѣтаа вѣцѣ. възѣпи гламь вели/кѣмь. и въпроси архистратїга. которїи се / соутѣ иже до пояса въ огни погроужени. и/ рече кѣ нки астратїгѣ. си соутѣ иже оцю и/ мѣрѣ клатвоу пригаша. да за то сѣде моуча/тѣсѣ тако и проклатїи .: И паки рѣ вѣцѣ // . иже соутѣ подѣ пазоуѣ въ огни. которїи сѣ/тѣ. и рѣ кѣ нки архистратїгѣ. си соутѣ иже присныѣ кѣмы били кораше га. а блѣудѣ/ дроузїи творѣхоу. да за то ти сѣде моучатѣ/сѣ. и рече прѣтаа вѣцѣ. а иже соутѣ до шиа./ въ пламени огню которїи соутѣ. и рече кѣ не/и анѣлѣ се соутѣ иже мѣса гаша члѣвчѣ. да за/то ти сѣде моучатѣсѣ тако. и рѣ стаа а си до вѣрха соутѣ въвѣржени въ племени огньни./ которїи соутѣ се. и рече архистратїгѣ. си соутѣ гѣже иже крѣстѣ чьныи дѣржаще кльноу/тѣсѣ лѣжамї... (Л. 31а) и рѣ к нки миханль. и кще сѣтаа вѣцѣ/ нѣси видѣла великѣхѣ моукѣ. и рѣ сѣтаа/ кѣ анѣлоу изидѣмѣ да похѣдимѣ. да вн/дїмѣ всѣ моукы. и рѣ миханль. коудѣ хо/щешї блѣгодатнаѣ. да изидемѣ. и рѣ сѣта/га на полоунощѣ. и обратїшасѣ хѣроувїмї./ и серафїмї. и .ї. анѣлѣ изведоша блѣгода/тѣноую на полоунощѣ. и вѣ облакѣ огнь/нѣ. распостѣртѣ посрѣдѣ кѣго и одрове га/ко и пламень и огнь. на нїхѣ лежаше

¹⁵ Начало апокрифа утрачено. Восстанавливается по РГБ. Овч. № 201.

¹⁶ Конец строки утрачен.

мно/жьство моужь и женъ. и видѣвъши сѣага/ и въздъше. и рѣ къ архистратигоу. кто сї/ соутн. что соутъ съгрѣшили. и рече архи/стратигъ. си соутъ гже иже въ стѣоюю не // (Л. 326) лю на зоутрню не встають. нъ лѣна/щеса лежатъ. тако и мъртви. да за то ти/ моучатъса.... и оувидѣ сѣага дре/во желѣзно. имѣющъ ѿрасли и вѣтви/ желѣзно. и вършик вѣтвниа того. имѣа/ше оуды желѣзны. и баше тоу висащихъ/ множество. моужь и женъ за языки. и/ видѣвъши сѣага просльзиса и въпроси/ миханаа кто си соутъ. что ли съгрѣшени/к ихъ. и рече архистратигъ. се соутъ клеветъници съвадьници. и кже разлоучиша/ брата ѿ бра. и моужѣ ѿ женъ свонхъ.... и рѣ // (Л. 336) архистратигъ. поиди гже да ти покажу къ/де моучатъ икрѣни. и видѣ попы висаща. ѿ/ краи ногътин исхожаше огнь ѿ тѣмене и/хъ и опалкше га. и видѣвъши прѣтаа и рече/ кто си соу что ли съгрѣшеник ихъ. и рѣ миха/илъ. се соутъ литоургии слоужиткни. и престо/аще престолоу бжню. и достонни са твораще./ да кгда проскоумисахоу проскоуроу. и не хра/нахоу. и ронахоу кроупицѣ на землю ... и видѣ сѣа/га моужа и зми крилатъ имѣющъ три гла/вы. кдинаже бѣ глава къ очима моужю. а / .б. къ оустомъ бго. / / <...>¹⁷ // (Л. 34a) изведоша прѣтоюю. ѿ възстокъ на лѣвоюю стра/ноу. и близъ рѣкы тоа баше тьма мрачна./ и тоу лежаше множество моужь и женъ. и кло/котахоу тако въ котльѣ. и тако морьскыа вѣ/лны и ображаютьса надъ грѣшники. да е/гда вълны вѣсхожахоу и погроужахъ/ грѣшники тысящю лактътъ. и не можахъ/тъ рещи. помилоуи ны правдыным соудни./ аааше же га чьрвь неоусыпаа и скръжтъ/ зоубомъ. // (Л. 346) ї ви/дѣвъши сѣага просльзиса и рѣ. что ксть рѣ/ка си и вълны кя. и рѣ къ нки архистратигъ./ си рѣка вса смольна. а вълны кя вса огнь/ны. а иже са моучатъ то то соутъ жидове. и/же моучиша га нашего їсъ хѣ. сѣа бжниа. и/ вси языци. иже крѣстишаса въ ила оца и/ сѣа и сѣго дха. иже крѣстиане соуще ти вѣ/роуютъ въ дѣмоны. и ѿвергошаса бѣ ї сѣго // . крѣщения. и кже блоудъ сътвориша о сѣѣм/ крѣщении. съ коумы свонми и съ мѣтерьми/ свонми. и съ дъщерьми свонми. и отравни/ци же аааше оуморають члѣкы. и ороужи/кьмь оубиваю. иже даватъ дѣти своа. и то/го ради моучатъса противоу дѣломъ свон/мъ. и рѣ сѣага. по дѣмъ ихъ боуди тако. и па/кы нанде на нѣа боурьнаа рѣка и огньнаа / вълны. и тьма покры га. и рѣ михаилъ къ бѣе/ аще са кто затворитъ въ тьмѣ сѣи. нѣсть па/матн о нѣмь отъ бѣ. и рѣ прѣтаа о лютѣ грѣ/шьникомъ. тако неоусыпакмыи ксть пла/мы огня сего. и рѣ къ нки архистратигъ. пої/ди прѣтаа да ти покажу езеро огньо. ... се соутъ иже крѣстишаса. и крѣтъ словъмь на/рицахоу а диваола дѣла твораще. и погоу/биша врѣма поканю.

Тогда архистратиг велел явиться ангелам с юга, и разверзся ад, и увидела Богородица мучающихся в аду, (Л. 30a) Это те, которые все богами назвали: солнце и месяц, землю и воду, зверей и гадов, кто [в жестокосердии своем] дал богам имена как людям, и [те, которые почитали] Утрия, Трояна, Хорса, Велеса, И увидела [Богородица] на другом месте тьму великую. И воскликнула Святая Госпожа: «Что значит тьма эта и кто [эти] пребывающие в ней?» ... И отвечали ангелы, стерегущие муку: «Поручено нам, пусть [грешники] не видят света, пока не явится Сын твой милосердный, более семи солнц сияющий». ... И рассеялась тьма, и семь небес открылось. [И увидела Богородица] (Л. 30б) множество народа: мужчин и женщин, и [услышала] вопли [их], и [ужаснул ее] исходящий стон великий. И, увидев их [людей], Пресвятая Богородица сказала им, плача: «Что сделали [вы], бедные, грешные и недостойные, [хочу я знать о том, за что попали вы сюда?]

17

Здесь недостает листа. Далее восстанавливается по РГБ. Овч. № 201.

Мильков В.В.

Апокрифические образы иного мира в апокрифах
«Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху»
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 85-118.

Milkov V.V.

Apocryphal images of the other world in the Apocrypha "The vision of the Apostle Paul", "Walking of the Virgin by Flour", "Questions and Answers of St. Athanasius to the Antiochus"
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 85-118.

.... (Л. 31а) И привели Богородицу на юг, откуда река вытекала огненная. И было там множество мужчин и женщин. И были они погружены: одни до пояса, другие до груди, третьи до шеи, а четвертые с головой. И увидев [это], Святая Богородица издала громкий вопль. И спросила [Богородица] архистратига: «[Кто эти люди], (Л. 31б) которые до пояса в огонь погружены?» И сказал ей архистратиг: «Это те, что от отца и матери проклятие получили, за это здесь мучаются как проклятые». И опять спросила Богородица: «А те, которые по грудь в огне, кто они?» И ответил ей архистратиг: «Это те, которые своих кум били, укоряя их [за греховные проступки], а [сами] другие, [еще большие, грехи] совершали. За это [они] здесь мучаются». И [еще] спросила Пресвятая Богородица: «А эти, которые до шеи в пламени, кто они?» И ответил ей ангел: «Это [те], которые мясо ели человеческое. Да за это здесь [и] мучаются так». И [снова] спросила Святая: «[Кто эти], которые с головой погружены в пламень огненный, кто они?» И отвечал архистратиг: «Эти, Госпожа, [те], кто Крест Честный держа, давали ложные клятвы.

.... (Л. 32а) И сказал ей Михаил [так]: «Еще [ты], Святая Богородица, не видела великих мук». Отвечала [же] Святая ангелу: «Пойдем и походим, чтобы увидеть все муки». И сказал Михаил: «Куда хочешь, Благодатная, [туда] и пойдем». И решила Святая: «На север». И повернулись херувимы, и серафимы, и 400 ангелов [и] привели Благодатную на север. И [вот видят] висящее облако огненное, и ложе [на облаке том], как пламя и огонь. Лежали на ложах тех множество мужчин и женщин. Когда же увидела [это] Святая, то отвернулась. И [о них] спросила она архистратига: «Кто эти [люди] и в чем согрешили [они]?» И сказал архистратиг: «Эти [мученики], Госпожа, в Святое воскресенье (Л. 32б) к утрени не вставали, но ленились [и лежали] как мертвые. За это мучаются».... [Потом] увидела Святая дерево железное, верхние ветви [которого] походили на крюки. И было здесь [на ветвях тех] множество мужчин и женщин, за языки подвешенных. Увидев же [это], Святая прослезилась и спросила Михаила: «Кто это и в чем их грех?» И отвечал архистратиг: „Это клеветники, возбудители ссор и [те], которые разлучили брата с братом, [а] мужа с женой своей».

....И [после этого] сказал (Л. 33б) архистратиг: «Пойдем, Госпожа, я покажу тебе [еще другие места], где мучаются священники». [Посмотрела Богородица] и увидела попов висящих. От концов ногтей [их] исходил огонь, от темени тоже исходил огонь и опалял тех священнослужителей [грешных]. Увидев же [это], Пресвятая спросила: «Кто это и в чем грех их?» И ответил Михаил: «Это служители литургий и предстоятели престолу Божьему. Были [они] достойными служителями, но когда проскомидию творили, то не хранили частицы [просфоры] и роняли крупичицы их на землю. ... [Еще] увидела Святая мужа и змея крылатого, имеющего три головы. Две из голов [змея того] была около очей мужа, а третья — около уст его. ... «Этот человек, Госпожа, и святые книги читал, и Евангелие, сам же не следовал тому, [что прочитал]. Людей [же] учил, а сам не исполнял волю Божью, [но] грешил, совершал злые дела».

.....
¹⁸[После всего] архистратиг сказал [Богородице]: «[Вот] силы Господа. Иди, Пресвятая, я покажу, где мучаются ангельский чин и апостольский». И увидела Святая, <что они лежали, объятые огненным пламенем и поедаемые червем неусыпающим. Святая спросила: «Кто это такие?» И отвечал ей Михаил: «Это те, кто имеет образ ангельский и апостольский, кто на земле называются славными именами патриархов и епископов, к кому люди обращаются: „Благословите, отцы святые“; но на небесах они не звались святыми, так как не сделали ничего, чтобы иметь ангельский и апостольский образ. За это и мучаются так». И [еще] Пресвятая увидела женщин, подвешенных за ногти, [увидела, как] пламя выходило у них изо рта и опаляло их, а змея выползала из пламени того и

¹⁸ Далее следует восстановление в переводе утраченного текста с привлечением списка апокрифа РГБ. Овч. 201.

Мильков В.В.

Апокрифические образы иного мира в апокрифах
«Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху»
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 85-118.

Milkov V.V.

Apocryphal images of the other world in the Apocrypha "The vision of the Apostle Paul", "Walking of the Virgin by Flour", "Questions and Answers of St. Athanasius to the Antiochus"
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 85-118.

обвивала их. Они вопили: «Помилуй нас, так как мы одни мучаемся тяжелее всех». И, заплавав, спросила Святая: «В чем их грехи?» И ответил архистратиг: «Это попадьи, которые не почитали своих попов и после их смерти выходили замуж. Поэтому и мучаются». И увидела Богородица других женщин, лежащих в огне, поедаемых различными змеями, и спросила Святая: «В чем их грехи?» И ответил Михаил: «Это монастырские черницы, которые тело свое предавали блуду, потому здесь они мучаются».

И сказал архистратиг: «Пойдем, Пресвятая, я покажу тебе, где мучается множество грешников». И Святая увидела реку огненную, и словно кровь текла в той реке, которая затопила всю землю, а посреди ее вод — многих грешников. Увидев это, Богородица прослезилась и сказала: «В чем их грехи?» Ответил архистратиг: «Это блудники и прелюбодеи, [это] воры, [это] люди, тайно подслушивавшие, что говорили близкие, это сводники и клеветники, и те, кто пожинал чужие нивы и срывал чужие плоды, те, кто питался чужими трудами, кто разлучал супругов, [это] пьяницы, немилосердные князья, епископы и патриархи, [это] цари, не творившие волю Божию, сребролюбцы, наживавшие [неправедные] деньги, [и всякие другие] беззаконники».

.....

(Л. 34 а) И вывели Пресвятую с востока и [привели ее] на левую сторону. [И была там река], и около реки той была тьма беспросветная. Лежали здесь [то есть в реке этой] множество мужчин и женщин, и кипели [они], как в котле. [Волны реки той, будто] морские волны, — [когда набегали], разбивались над грешниками. Когда же волны поднимались, [то] грешники погружались на тысячу локтей [в воду] и не могли сказать: «Помилуй нас, праведный Судья». Ел тех [грешников] червь неумирающий, и [раздавался здесь] скрежет зубов. ... (Л. 34б) И, увидев их, Святая заплакала и спросила: «Что значит река эта и волны ее?» И ответил ей архистратиг: «Эта река смоляная, волны же ее огненные, а те, которые здесь страдают, это жиды, которые мучили Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия. [Еще здесь мучаются] все народы, которые крестились во имя Отца и Сына и Святого Духа, те, которые назывались христианами, но веровали в демонов, отвергнув Бога и святое (Л. 35а) крещение. [Здесь находятся также и те], которые согрешили после [принятия] святого крещения с кумами своими, и с матерями своими, и с дочерьми своими. [Здесь] отравители, [которые отравленной] едой морили людей и [те, которые] оружием убивали, [а также и те], которые удавливали детей своих. Поэтому [здесь все] они мучаются за дела свои». И сказала Святая: «За [злые] дела их пусть будет так, как заслужили они. И тогда снова приблизилась к ним [грешникам] бурная река, и [поднялись] огненные волны, и тьма накрыла их. Сказал же Михаил Богородице: «Если кто будет заключен во тьме этой, [то] не помнит о нем Бог». И сказала Пресвятая: «О, тяжело грешникам! Ибо неугасаемо пламя огня этого». И вновь обратился архистратиг [к Богородице, сказав ей так]: «Пойдем, Пресвятая, я покажу тебе озеро огненное» ... «Это те, которые крестились и крест Христов признавали, а [сами] дьявольские дела творили и упустили время раскаяться».

3

Много внимания к разъяснению различных аспектов инобытия уделяется в «Вопросах и ответах Афанасия Антиоху». Этот древнерусский апокриф восходит к греческому тексту, который состоит из 137 вопросов-ответов. Они изданы Минем и помещены среди приписывавшихся Афанасию Александрийскому текстов (17, col. 598-700). Собственно с творчеством Афанасия Великого (293-373) исследователи считают возможным соотносить весьма незначительную часть этих текстов. Ряд вопросов иногда приписывается Афанасию Младшему (7, с. 327). Известны греческие

Мильков В.В.

Апокрифические образы иного мира в апокрифах
«Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по
мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху»
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 85-118.

Milkov V.V.

Apocryphal images of the other world in the
Apocrypha "The vision of the Apostle Paul",
"Walking of the Virgin by Flour", "Questions
and Answers of St. Athanasius to the
Antiochus"
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 85-118.

списки в российских хранилищах: ГИМ. Син. № 431. XII в. Л. 2а-82а (134 вопроса-ответа); ГИМ. Син. № 221. XV в. Л. 218а-261а (5, с. 1-2).

Русские списки «Вопросов и ответов Афанасия Антиоху» бытовали в полной, сокращенной, выборочной версиях и в отдельных извлечениях. В Древней Руси первоначально появляются тексты выборочного типа. Уже в одной из древнейших датированных рукописей – «Изборнике 1076 года» – читается 34 вопроса-ответа в разделе под названием **афанасієви ѿвѣсти противу нанесенимъ кмоу отъвѣтомъ ѿ нѣкихъ правобѣрныхъ. о различныхъ главизнахъ. въпрос антиоха** (опубликовано: 3, с. 492-610. В рукописи текст читается на Л. 1146-1336, 188а-227б). Эту версию апокрифа А. С. Архангельский называет особой или упрощенной редакцией. Ее особенностью является соединение с ответами Анастасия Синаита и извлечениями из Крмчей (см. об этом: 2, с. 37-38). В книжности более позднего времени В. Н. Мочульским указаны вопросно-ответные композиции, в которых в XVI-XVII вв. по типу древней версии объединялись ответы Псевдо-Афанасия с ответами Анастасия Синаита (5, с. 4-5). Другой ранний случай появления в отечественной книжности выборки из апокрифа дает список конца XII в. РГБ. Тр. № 12. Л. 1886-193а (здесь выборка предлагает толкование происхождению и природы души, рассматриваются вопросы англелогии и отличия существа бесов от ангелов; к данному блоку также имеется добавление с отсылкой к Анастасию Синаиту – Тр. № 12. Л. 185а-188б). Подборки вопросов-ответов из ранних древнерусских списков представляют собой тексты, которые по характеру исполнения адаптированы и упрощены для восприятия читателя и этим они отличаются от дословного перевода полной версии. На этом основании А. С. Архангельский предлагает классифицировать списки апокрифа по двум редакциям: 1) близкая к греческой и 2) адаптированная. Но такая классификация не выглядит строгой, поскольку адаптированная редакция представлена разными по составу выборками из «Вопросов-ответов Афанасия Антиоху», к тому же они не относятся к одному переводу. Более удачным представляется идея В. Н. Мочульского, который предложил называть соединение ответов Афанасия Александрийского и Анастасия Синаита смешанным типом (5, с. 5). В действительности большая часть приписывавшихся этим авторам текстов им не принадлежала и, говоря об авторстве, речь должна идти о Псевдо-Афанасии и Псевдо-Синаите.

Считается, что перевод наиболее полной версии апокрифического сочинения на славянский язык был осуществлен на Балканах. Сохранилось несколько болгарских списков, датированных более ранним временем, чем русские (РНБ. Ф.1.376. 1348 г., нач. с Л. 1056 – 136а вопросов-ответов; БАН. 12.3.19. Кон. XIV в.). В близких греческому оригиналу списках не достает от одного до нескольких вопросов-ответов: Тр. № 122. XV в. Л. 225а-275а (129 вопросов-ответов); Тр. № 166. XVI в. Л. 206а-255б (129 вопросов-ответов); РГБ. Тр. № 750. XV в. Л. 116а-158а (129 вопросов-ответов); РГБ. Егор. № 63. Нач. XVII в. Л. 126а-162а (134 вопроса-ответа с дополнением отдельных слов Афанасия Александрийского на Л.155а-162а); РГБ. Унд. № 1071. Втор. пол. XVII в. Л. 3896-4306 (136 вопросов-ответов); РГБ. Прянишн. № 93. XVIII в. Л. 233а-302б (132 вопроса-ответа); РНБ. Ф.1.278. XVI в., нач. с Л. 163а (всех вопросов-ответов 129); РНБ. Сол. № 129 (1046). Л. 407а-448а (133 вопроса-ответа с отдельными пропусками и перестановками; на полях рукописи обозначены возможные источники статей. Публикацию см.: 7, с. 327-378); РНБ. Сол. № 259 (317). XVII в. Л. 391а-458б (123 вопроса-ответа); Встречаются рукописи с дополнениями, не относящимися к первоначальному составу (РНБ. Сол. № 508 (205) – 159 вопросов-ответов). При Никоне был опубликован еще один перевод полной версии (10, л. 1а-232а).

Можно выделить группу укороченной полной версии, которую представляют списки, содержащие по 120 вопросов-ответов, или списки, отличающиеся от них на несколько позиций по причине пропусков: РГБ. Тр. № 190. 1418 г. Л. 208а-250а (120 вопросов-ответов); РГБ. Волок. № 158

Мильков В.В.

Апокрифические образы иного мира в апокрифах
«Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по
мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху»
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 85-118.

Milkov V.V.

Apocryphal images of the other world in the
Apocrypha "The vision of the Apostle Paul",
"Walking of the Virgin by Flour", "Questions
and Answers of St. Athanasius to the
Antiochus"
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 85-118.

(522). XVI в. Л. 6а-84а (по нумерации оканчивается 119 вопросом, но общее их количество 120); РГБ. Волок. № 163 (529). Втор. пол. XVI в. Л. 216а-290а (120 вопросов-ответов); РГБ. МДА. Ф. 173/1. № 50. Перв. четав. XVI в. Л. 1а-42б (120 вопросов-ответов); РГБ. Егор. № 339. Перв. пол. XVI в. Л. 1а-45б (120 вопросов-ответов); РГБ. Волок. № 149 (512). Втор. пол. XVI в. Л. 38а-93б [третий порядок тетрадей при отсутствии сплошной нумерации] (120 вопросов-ответов); РНБ. Сол. № 289 (98). XVII в. Л. 151а-198а. (119 вопросов-ответов); РНБ. Сол. № 355. XVII в. Л. 488а-508а (115 вопросов-ответов). К сокращенной версии можно отнести РГБ. Егор. № 253. 40-е гг. XV в. Л. 366а-400а (111 вопросов-ответов); РГБ. Овчин. № 119. 1618 г. Л. 69а-90а (68 вопросов-ответов).

Более или менее устойчивый состав извлечений из апокрифа читается в Измарагдах и Златоустах, в которых нередко встречаются по две подборки со своим названием. Типичный пример - РГБ. Тихонр. № 429. XVII в.: Л. 239а-240б: в сѣботѣ. ѿ. ѿли по пасце. вѣпрѣ. антїохѣ кнѣзѣ. а ѿвѣтъ сѣгаго епїфанїа (Гѣ бѣгъ попѣстилъ есть что дѣла воевати дїаволу на члѣки...; се мнози глѣютъ гдѣ сѣтъ преже ѡсопши дѣша...; кое добро прѣли праведни і донеле же гѣ прїидетъ на сѣ и кнѣ мѣкї грѣшникомъ...; вѣде ли познание братѣ со братѣ. или рѣ с родомъ и со дрѣги познание вѣде ѿ плѣ изнаѣ...; да аще ннѣ возбранѣ знание дѣшамъ грѣшны. то и на воскресение по плоти вѣде ли имъ познание ѿ единого ли были родоу...; како сѣти многажды во церкѣ своихъ авлѣютса и по грѣбѣхъ...; поминаю ли и ѿ на отошли дѣши...; колико чести имѣла бѣгъ ѿ на истаже вѣ мѣтню дати...; и лишнѣла ваша ѿданте немѣщимъ...; иже мнози оставляю имѣниа рѣще по ѡмертви дѣте твора памѣть а самї не податливї быша). На Л. 250-260: в пѣ. з. ѿли по пасце. сказанїе сѣгаго аѣонасїа архїепѣпа александрѣискаго ко антїохѣ кнѣзю (ѿкѣдѣ во серѣцы члѣкѣ помыслы бывають. і словеса хѣла...; кимъ образѣ дѣша ѿ телеси ѿходитъ...; что же ннѣ дѣло есть тамо ѿселе вѣзаты дѣшамъ...; аще сїрота на пѣти что вопрсит...; ... лѣпо ѡнижены мысли датї мѣтню...; і аще кто вѣренъ ѿ невѣрны имѣниа прїи...; како есть речено пако во вѣсѣхъ мѣзыцѣ бонса бѣга...). Аналогичные или вариативные им тексты «Вопросов и ответов Афанасия Антиоху» представлены следующими рукописями: РГБ. Попова А. Н. № 67. XVII-XVIII вв. Л. 60а-62а, 131а-132а; РНБ. Сол. № 259 (317). Измарагд XV-XVI вв. Л. 135б-136а; РГБ. Ф. 173/III. МДА. № 135. Измарагд XVI в. Л. 188а-192б, 387б-391а; РГБ. Тихонр. № 429. Златоуст. XVII в. Л. 239а-241а, 258а-260а; РГБ. Рогож. № 633. 1593 г. Л. 59б-66а; ГИМ. Увар. № 740. Измарагд XVI в. Л. 157а-160а; РГБ. Тр. № 202. Измарагд XVII в. Л. 118а-120а; РГБ. Тр. № 204. Измарагд. XVI в. Л. 187а-215а; РГБ. Тр. № 203. Измарагд XVI в. Л. 265а-267а. По наблюдениям А. С. Архангельского в Измарагдах имеют место разнообразные отступления и изменения в составе в сравнении с полной версией. Иногда имеет место вариативность в композиции (РГБ. Больш. № 46. XVIII в. Л. 254а-263а), иногда сокращение статей (например, РГБ. Попова А. Н. № 97. XVIII в. Л. 327а-329б; РГБ. Тр. № 204. Л. 187а-214а). Наряду с сокращениями (например, о месте пребывания душ и возможности взаимного узнавания из Тр. № 204), в содержание вопросов-ответов вносятся дополнительные уточнения (сюжет о благах праведникам и наказаниях грешным в Тр. № 204). Общим признаком при этом остается то, что композиционно тексты воспроизводятся отдельными сходными между собой подборками (2, с. 62-71). Данную группу можно отнести к выборочной версии варьирующих вариантов подборок из текстов постоянного состава.

Извлечения одного, или нескольких вопросов-ответов в древнерусской книжности не поддаются учету. Среди них чаще других встречаются тексты инобытийной тематики. В качестве примера перечислим только несколько списков: РГБ. Муз. № 420. XVIII в. Л. 35б. (гдѣ же сѣтъ ѿидѣ ѿшѣши дѣши); РГБ. Тихонр. № 617. XVI-XVII вв. Л. 89а (Ѧ раю. Гдѣ глѣтъ раи быти - Примыкает к космографическим и географическим статьям); РГБ. Попова А. Н. № 43. 1820-е гг.

Мильков В.В.

Апокрифические образы иного мира в апокрифах
«Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по
мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху»
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 85-118.

Milkov V.V.

Apocryphal images of the other world in the
Apocrypha "The vision of the Apostle Paul",
"Walking of the Virgin by Flour", "Questions
and Answers of St. Athanasius to the
Antiochus"
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 85-118.

Л. 77а-77б; РГБ. Егор. № 66. Втор. четв. XVII в. Л. 525б-526а; РГБ. Волок. № 491. Л. 576-596; РГБ. Собр. ОИДР. № 453. XVIII. в. Л. 445; РГБ. Никифор. № 367. Втор. пол. XV-XVI в. Л. 61а-62а.

Памятник имеет ряд особенностей. Текст его построен как ответы авторитетного отца церкви на трудные и непрясненные в Писании вопросы, понимание которых имеет важное значение для христиан. Эту смысловую направленность текста отражает и заглавие произведения: **бл̄жно̄ афанас̄а арх̄не̄па̄ александр̄бискаго. ка антиох̄у кн̄зю. о мног̄х но̄ужныхъ взыскан̄ӣх. иже въ с̄щен̄н̄х писан̄ӣх недоо̄умны̄х и должныхъ. вс̄ми х̄от̄ьганы в̄домо̄ быти.** В соответствие с заявленной в надписании установкой задача в вопросно-ответной жанровой форме и решается. При этом в полной версии сочинения тематические узлы беседы Афанасия с Антиохом композиционно выстроены в порядке иерархической значимости обсуждавшихся в диалоге проблем: Бог – ангелы – души – инобытие – человек – ритуальные действия – поступки (грех и благодеяния). В круг тем включены важные с доктринальной точки зрения разъяснения (Бог постигается верою, а не испытанием; существа Божия ум человеческий постигнуть не в состоянии); вопросы относящиеся к проблемам миропонимания (какова природа ангелов и отличия ангельской небесной сферы от физической сотворенной действительности; каково ангельское число и где находятся души; каково ангельское число и каково предназначение небесных сил; чем отличаются ангелы от бесов); разъяснения антропологического характера (двуприродность человека и его стихийные сотавы; как разлучается душа с телом; откуда в душе движутся помыслы); разъяснения касающиеся смерти и спасения (отличия смерти людей от смерти животных); почему люди чаще в ночи рождаются и в ночи умирают достойны ли царства небсного благочестивые жиды и язычники; общение с умершими через молитву и поминовения; о смерти праведных, грешных и млаадецев). Большая часть вопросов нацелена на раскрытие сокровенного. Среди них выделяются разъяснения, касающиеся загробной жизни, обстоятельства которой не конкретизировались ни в Писании, ни в экзегезе. К этому кругу вопросов-ответов, которые являлись едва ли не приритеными при извлечениях из полной версии, относится довольно устойчивый круг сюжетов: о том, где находятся души после смерти; идут ли души в рай чувственный, или в рай мысленный; как они узнают свое тело в момент воскресения; есть ли общение между умершими, а также между умершими и живыми; бесконечны ли муки; тленен рай или не тленен и каково его местоположение. В этом контексте создается суммарный образ инобытия, сфера неявленного и бесплотного рисуется в доступных человеческим представлениям формах визуализированного восприятия. Инобытийная тематика является элементом христианской эсхатологии и входит в круг важнейших идей христианского вероучение. «Вопросы и ответы Афанасия Антиоху» предлагают конкретизированную интерпретацию иного мира и посмертной участи душ. Именно эта конкретизация и составляет апокрифический компонент произведения.

В свое время В. Н. Мочульский предложил строгий подход к оценке произведения и отнес к апокрифическому пласту только те включения, которые были заимствованы из известных в книжности апокрифических сочинений. База оказалась весьма узкой: о пребывании Адама в раю, убийство Каином Авеля, о древе разумном (впросы 49-50; 55-57 – 5, с. 7-14). Вместе с тем он выделил группу сомнительных вопросов-ответов, в которых, по его мнению, апокрифический элемент проявился лишь отчасти: о происхождении и природе ангелов; каково количество небес; отпадение дьявола, где находится рай и ряд других (вопросы 3, 5, 9, 10, 27, 28, 46, ;7, 58 – 5, с. 7, 14-22).

При отнесении «Вопросов и ответов Афанасия Антиоху» в разряд апокрифов имеют значение не только прямые апокрифические параллели. Сама попытка вербализовать представления о сокровенном ставила текст на почву апокрифической книжности, с характерными для той описаниями иного мира и посмертной участи душ. В строго ортодоксальном смысле данная тема была закрытой, но желание заглянуть в иной мир было слишком сильным и на этот запрос отвечали

приписанные авторитетному в христианском мире автору ответы. Вид благопристойности, наряду с псевдоэпиграфом, произведению придают суждения, развиваемые в подражание экзегезе. И хотя группы вопросов-ответов формировались постепенно, заметно общее стремление составителя к ортодоксальному решению проблем. Не случайно весьма высоко оценивали вопросы-ответы строгие в догматическом отношении авторитеты, как Максим Грек, Нифонт. Апокрифическим произведение делало вторжение конкретики в характеристику иного мира, а также выведение повествования на почву гипотез о судьбах и местах пребывания отошедших душ. Ведь не случайно «Вопросы и ответы Афанасия Антиоху» замыкаются на целый цикл аналогичных внедогматических сочинений: «Вопросы Иоанна Богослова Господу на горе Фаворской», «Вопросы Иоанна Аврааму о тп्राведных душах», различные варианты «Беседы трех святителей».

Тема иного мира в «Вопросах и ответах Афанасия Антиоху».

Выдержки из полной версии апокрифа по списку РГБ. Тр. № 122. XV в.

(Л. 231а) **въспрѣ.** ... ким же/ **вбразѣ** дша ѿ тѣла разлоучае/тсѧ. **ѡвѣ**. **Іавѣ** тако ѿ четырьѣ/ **стихїи**. **вѣрѣ**емъ тѣлоу члвчю./ **сѣ**стѡвалтисѧ. **глю** же ѿ крови/ и **хра**котины черныѧ и желтыѧ/ желчи. **рекше** ѿ **те**плаго и **стюде**/наго. и **соу**хаго и **мо**крого. **сирѣ**чь/ ѿ **вг**на и **вод**ы. и **възд**уха и **земь**/ла в сѣ **четере**хъ **стихї**нахъ. **тако*** / в **четыре** стѣнахъ в **домоу** **теле**/снѣмъ **равно** нѣщїи **голѡ**вицѣ **за**/творена **бы** дша¹⁹. и **перв**ие оубо ѿ/стоупаетъ **кровь**. **рекше** **те**плы/ **живоу**щии **сѣ**стѡвѣ. **тѣ**м же/ **мрт**ва телеса. **жел**чь оубо **има**/тъ по **смрт**и, и **хра**котиноу" **мо**кро/тоу **крови** же **ни** **мала**.

вспрѣ. / **Гдѣ** оубо **хо**щемъ **глати**. **тако** **соу**/тъ **ннѣ**. **прѣ**вариша **дша** **члв**че/ска. **ѡвѣ**. **Странно** оубо и **стра** / / (Л. 231б)шно. **въ**прошенне **се**. и ѿ **члв**кѣ оу/таено. **не** **попоу**сти бо **бг**тъ **възв**ра/титисѧ. ѿ **тамо** **соу**щїи **комоу** **къ**/ **нам**ъ. **исповѣ**дати **гѣ** и **како** **сѣ**/тъ. **таже** ѿ **на** **ѡшѣ**ша **дша**. **вба**/че **тако** же ѿ **писани**а **на**выкноуѣ./ **тако** **грѣ**шны оубо **въ** **адѣ**. **пре**вы/вынутъ²⁰ **пѡ** **в**сею **землею** и **морем**ъ/ **тако** же **глет**ь **п**льмникъ. в **темь**/ны и **сѣ**ни **смрт**ны. и **въ** **рвѣ** **пре**/исподнѣ **тако** же **въ** **невѣ** **пи**шетъ./ в **земли** **темнѣ** и **мрачнѣ** в **зе**/мни **тмы** **мрач**ныѧ, **идѣ** же **нѣ**/свѣта **ни** же **зрѣ**ти **жизни** **чло**/вѣческыѧ. **правѣ**ныхъ же **дша**. **по**/ **хвѣ** **при**шествїи. **тако** же ѿ **ра**/звонника. **иже** **на** **кртѣ** **на**вынѣ/емъ. **тако** в **ран** **соу**тъ. **нѣ** **бв** **ради**/ **еди**наѧ **дша**. **сгго** **раз**вонника/ **хс** **бг**тъ **наш** **ран** **ѡ**верзе. **но** и **всѣ**/хъ **ра** прочее **сг**тыхъ **дш**ь.

вспрѣ. / **Что** оубо **при**ша **ли** **прѣ**ни **в**ла/гаѧ. и **грѣ**шнии **моу**коу. **ѡвѣ**. / / (Л. 232а) **Никако** же **вбаче** **сїа** **рад**ости **їа**/ **имоу**тъ **прѣ**ныхъ **дша**. **ѡ**части/ **на**слаженне **ест**ь. **тако** же и **грѣ**/шници **въ** **скор**би **соу**тъ. " **имоу**тъ/ **ѡ**части. **сїце** и **правѣ**ници. **тако** / и **при**зѡва^ть **цр**ь **др**згы **сво**ѧ. **еже** **в**/бѣдовати **с** **ним**ъ. **тако** же **ї** **в**/соуженики **имѣ**ѧ. **еже** **мд**чїти/ **нх**ъ. **иже** оубо **на** **ѡвѣ** **при**звани/ **в** **рад**ости **соу**тъ. **прѣ** **домо**мъ/ **цр**вѣмъ. **даже** **до** **ч**аса **вбѣ**дна/го. **в**соуженики **же** в **тем**ницѣ/ **з**атворени. **в** печали **соу**тъ. **донде** **же** **изы**детъ **соу**и. **сїце** **про**/чае **под**обаеъ **раз**умѣвати./ **в** **иже** **н**нѣ **тамо**. ѿ **на** **прѣ**варивъ/ **ших** **дша**хъ **глю** же **прѣ**ныхъ и/ **грѣ**шныхъ.

вспрѣ. **Аще** оубо **никто**/ **же**. **тако** же **рѣ**клъ **еси** **ни** **въ** **цр**тїе/ **ни** в **г**евноу **внидоу**тъ. **како** **в** **б**га/тѣмъ. **иже** **при** **лазарѣ** **слыш**и/ **тако** **въ** **вг**ни и в **моу**кахъ. **сын**/ **къ** **авра**амоу **всѣ**доваше. **ѡвѣ**. / / (Л. 232б) **Притчею** **г**ъ **в** **лазар**и **рѣ**клъ **ест**ь. / **тако** же **в** **д**есѧти **дѡ**вахъ. и **прочи**/ **нх**ъ **притча**хъ. **нѣ** **бв** **вещи**ю **бы**./ **лазар**ева **притча**. **зане**же **не** **зр**а/тъ в **г**евнѣ **соу**щѣ. **правѣ**ники/ **сѣ**

¹⁹ В нашей рукописи в следствии сокращения порча текста и нарушение смысла. Восстанавливается по списку РНБ. Сол. № 259 (317); яко же в **четыре**хъ **стѣ**нахъ в **домоу** **тѣ**лесне **равно** **нѣ**коѧи **голѡ**вицы **з**атворена **ест**ь **д**уша. **во** **в**ремя **убо** **смер**ти **повелѣ**нїем **во**жїим **отс**тѡпаютъ **др**угъ **от** **др**уга **четыре** **соста**вы. **яко** же **вы** **рѣ**клъ. **разор**ятъ **четыре** **стѣ**ны **хра**му и **от**ходитъ **яже** **вн**търь **з**атворена **голѡ**вица (цит. по: Архангельский, с. 28).

²⁰ Так в ркп.

Мильков В.В.

Апокрифические образы иного мира в апокрифах
«Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху»
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 85-118.

Milkov V.V.

Apocryphal images of the other world in the
Apocrypha "The vision of the Apostle Paul",
"Walking of the Virgin by Flour", "Questions
and Answers of St. Athanasius to the
Antiochus"
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 85-118.

авраамѣ соущаѣ въ црѣвни./ ни же паки познаваеѣтъ кто и/скреннаго своего. тамо въ тмѣ/ соуща

вспрѣ. **Како сѣ** страшно бо/ есть слово и дивно. тако же позна/ваемъ дрѣ дроуга тамо. но не по/знаваема. братиѣа братиѣамъ./ и ѿци съ сномъ. и дрѣзи дроугомъ/ бывають. **ѿвѣѣ.** **Познание ѿ** те/лесны знаменни бывати и вѣсть./ бестелесныѣ же. дша подобь/нии севѣ по всемоу соуть. тако* / въ множествѣ нѣкыхъ нескве/рныхъ и сличны. гоубица или пь/чалахъ. неразнѣствоующихъ/ единого ѿ единого. ни же чѣото/ю. ни инѣмъ ни чимъ же дроуѣ ѿ/ дроуга соущи. сѣ иже глаю, иже въ / / (Л. 233а) адѣ. wсоужены дша грѣшныхъ./ тако не познавають. правѣнымъ/ дшамъ. и се блгое глаю же позна/вание. бгъ даровалъ есть.

вспрѣ/ да бѣдетъ оубо по твоемоу словѣ/ и оуставоу. тако дша дрѣ дроуга не/ познавають. таже ни на вѣскре/нїе. или оубо не познавають грѣ/шници дроуѣ дроуга. глаю иже ѿ еди/ного страны и дома и родоу соуще/ и **ѿвѣѣ.** **Ни** на вѣскрнїе

.....
// (Л. 243б) **вспрѣ.** **Иде** же хоцѣмъ глаѣти. га/ есть раи. wвни глають. тако въ ѣе/рлмѣ есть. wвни же на нѣсѣхъ./ **ѿвѣѣ.** **Ни** един же ѿ wвоихъ истї/ньствоуетъ. и тако оубо нѣ въ ѣерѣ/салимѣ раи. свѣтельствуетъ ада/мъ. на лобнѣмъ мѣстѣ лежа. га/вѣ бо еѣтъ тако не в раи погрѣвеса/ но изгнанъ бѣ. " тако нѣ на нѣсѣхъ/ раи. свѣтельствуетъ писанїе/ глающе. и насади бгъ раи въ еде/мѣхъ на востоцѣхъ. оучитъ бо/ насъ тако на востоцѣхъ. всеѣа зе/мля есть раи. тѣмъ же глають wпа/сны спителеи wтроци. тако сего/ ради все блгоwоннаѣ ѿ араѣмъ./ на восточныѣ землѣ рекъше. инди/скыѣ страннахъ соуть. тако ближь/нѣиша раеви соуща. и тако фини/ци. мѣжескаго п^оа. приближаю/щагосѣ имъ. финику женьскаго/ пола. д^нханїемъ вѣтренимъ./ наоухавающе плѣносити тво/ / (Л. 244а)раѣ тако и ѿ раѣа. вѣтрены дѣха/ниемъ. блгоwонїе исходаще/ блжнѣишаѣа тамошнихъ мѣстѣ./ дрѣвеса wблагодоухавають

вспрѣ/ **Тлѣненъ** ли оубо есть раи. или нетлѣ/ненъ. **ѿвѣѣ.** **Не** глѣмъ есть тлѣ/ниѣа. понеже на. садомъ же и плодѣ./ гниѣтию и червемъ творению./ ни же паки. вслческы" нетлѣ/ниѣа. до боудѣщаго вѣка. нетлѣ/ни же славѣ боудѣщї блгъ. таже/ wко не видѣ. и оухо не слыша. зѣ/ло ми и есть и вѣрѣтсѣ.

(Л. 231а) **Вопрос:** ... Как происходит разлучение души с телом? **Ответ:** Истинно веруем в то, что тело человека состоит из четырех стихий, а именно из крови, флегмы, черной и желтой желчи, то есть от теплого и холодного, сухого и влажного. Иными словами – от огня и воды, воздуха и земли. В этих четырех стихиях, как в четырех стенах дома телесного, подобно некоей голубице заключается душа. В момент смерти по повелению Божию разлучаются друг от друга четыре материальных первоначала. Можно сказать, разрушаются четыре стены хранины (телесной) и отлетает внутри заключенная голубица – (душа). Сначала отступает кровь – теплый и указывающий на признак жизни состав. Так становятся мертвыми тела, которые и после смерти заключают в себе желчь, флегму да влагу, но только крови не имеют ни сколько.

Вопрос: Еще осмелимся вопрошать: где ныне находятся души прежде бывших (умерших) людей? **Ответ:** Неизъяснимо и опасно (Л. 231б) такое вопрошание, ибо сокрыто это от людей. Не попустил Бог никому к нам возвратится от находящихся (среди умерших) и поведать, где и как пребывают отошедшие души. В согласии с тем, как учит нас Писание, - согрешившие иаходятся в аде, котрый, как учит Псалмопевец: «Под землею и морем (в бездне), в темноте и смертном мраке, во рве пеисподнем» (ср.: Пс. 87: 7). Как пишется (о том) в Иове: «В стране темной и мрачной, в стране сплошной тьмы, где нет света ни жизни человеческой» (ср.: Иов.10, 22). Души же праведников,

Мильков В.В.

Апокрифические образы иного мира в апокрифах
«Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху»
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 85-118.

Milkov V.V.

Apocryphal images of the other world in the Apocrypha "The vision of the Apostle Paul", "Walking of the Virgin by Flour", "Questions and Answers of St. Athanasius to the Antiochus"
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 85-118.

после пришествия Христа, как узнаем на примере бывшего на кресте разбойника, - в раю. Ведь не для одной только души святого разбойника Христос, Бог наш, рай открыл, но и для всех других святых душ.

Вопрос: А что – получают ли праведники награду, а грешники (наказание) муками, (прежде того, пока пока Господь не придет на Суд)²¹? **Ответ:** (Л. 232a) Совсем не так (надо понимать): ведь та радость, которую испытывают души праведных лишь только отчасти сравнима с чаемым наслаждением. Так же и грешники, которые переживают скорби, - лишь отчасти (напоминает) это наказание. Праведников можно сравнить с теми, кого как друзей призвал к себе на пир царь. Но у него также есть преступники, которых надо мучать казнями. Те, кто призван на пир, находятся в радости у дома царева еще и до наступления часа пиршественного. Приговоренные на заключение в темницах пребывают и в печали до тех пор, пока не явится Судия. Так же представляй себе и все остальное, что имеет отношение к отошедшим от нас душам, как праведным, так и грешным.

Вопрос: А если, как (ты) сказал, никто ни в Царствие (Божие), ни в геену не войдут, то как понимать притчу о богатом и Лазаре, который, будучи в огне и муках, беседовал с Авраамом (Лк. 16: 19-31) **Ответ:** (Л. 232b) Притчею Господь, как в притче о десяти девах и в других своих притчах, показал, что не надо притчу о Лазаре воспринимать предметно, поскольку не могут видеть те, кто в геене, праведников, находящихся с Авраамом в Царствии небесном. Не может также никто узнать ближних своих среди тех, кто находится во тьме.

Вопрос: Как это? Странно и удивительно слышать, что не узнаем друг друга там. Разве не признает брат брата, отец сына, а друг друга (своего)? **Ответ:** Узнавание по телесным признакам бывает. Души же бестелесны и одинаковы между собою во всем. Как некие многочисленные призрачные и похожие друг на друга голубицы или пчелы: ни отличаются (они) одна от другой ни честью, ни положением (саном)²², ничем другим, что может отличать их друг от друга. Это говорю о тех, кто в (Л. 233a) аде, то есть - об осужденных душах грешных, которым (не дано) узнавать. Праведным же душам таковое благо, называемое узнаванием, Бог даровал.

Вопрос: Пусть будет так, как ты говоришь, что согласно правилу души друг друга не могут узнавать. Но разве при воскресении тел не узнают грешники друг друга, если были (они) из одной страны, одного поселения или рода? **Ответ:** И при воскресении не (будет того).

.....
(Л. 243b) **Вопрос:** Как правильно говорить о том, где находится рай? Одни говорят в Иерусалиме, а другие на небесах. **Ответ:** Никто из них не прав. О том, что не в Иерусалиме рай, свидетельствует Адам, лежащий на лобном месте. Известно, что не в раю (он) был погребен, но изгнан был (оттуда). О том, что нет на небесах рая, свидетельствует Писание, в котором говорится: «И насадил Бог рай в Эдеме, на Востоке». Тем учит нас, что на восточных (краях) всей земли находится рай. То же самое говорят приверженцы наблюдательных писателей, которые считают, что потому все благовония от араматы на восточных землях, а, точнее, в Индийских странах, что они на подступах к раю находятся. Подобно тому, как мужские (цветы) фиников направляются к финикам женского пола и ветренным движением, услаждая обоняние, осуществляют оплодотворение, (Л. 244a) также и от рая дыхания ветренное, источающее благовоние, сладостные запахи (райских) деревьев в ближайšie к нему места приносят.

Вопрос: Тленен ли рай, или не тленен? **Ответ:** Не скажем, что ему свойственно тление, потому что (только) наши сады и плоды подвластны гниению и червям. В отличие (от рая) не присуще им

²¹ Выпавший в нашем списке текст восстанавливается по РГБ. Попова А. Н. № 67. Л. 60б: *донецъ гъ прїде на сѣ*

²² Перевод дан по РНБ. Сол. № 259, в которой более правильное чтение: *ни же честїю ни же величєсьвом.*

Мильков В.В.

Апокрифические образы иного мира в апокрифах
«Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху»
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 85-118.

Milkov V.V.

Apocryphal images of the other world in the
Apocrypha "The vision of the Apostle Paul",
"Walking of the Virgin by Flour", "Questions
and Answers of St. Athanasius to the
Antiochus"
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 85-118.

никакое нетление до будущего века. Нетленна только слава будущих благ, (подобных которым) око не видело и ухо не слышало. Твердо знай и веруй, что так и есть.

Финансирование

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ проект № 16-04-00523.

Литература

1. Апокрифы Древней Руси. Тексты и исследования / Отв. ред. В. В. Мильков. М.: Наука, 1997.
2. Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Т. I-II. Казань: Тип. Имп. Ун-та. 1889.
3. Изборник 1076 года. Втор. изд. Т. 1 / Изд. подг. М. С. Мушинская, Е. А. Мишина, В. С. Голышенко. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
4. Мильков В. В. Древнерусские апокрифы. СПб.: Из-во РХГУ, 1999.
5. Мочульский В. Н. Апокрифический элемент в «Вопросах и Ответах св. Афанасия кн. Антиоху». Одесса: Экономическая типогр., 1900.
6. Пичхадзе А. А. Рец. на: Nikolaos H. Trunte. Reiseführer durch das Jenseits: Die Apokalypse des Paulus in der Slavia Orthodoxa (Slavistische Beiträge 490). München – Berlin – Washington, D. C.: Verlag Otto Sagner. 2013. 357 S. // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. М.: ИРЯ РАН, 2015. № 4. С. 432–436.
7. Порфирьев И. Я. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб.: Типогр. АН, 1890.
8. Пыпин А. Н. Древняя русская литература. II. Сказание о хождении Богородицы по мукам // Отечественные записки. 1857. 115. С. 335-360.
9. Пыпин А. Н. Ложные и отреченные книги русской старины // Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Г. Кушелевым-Безбородко. Вып. III. СПб., 1862.
10. Скрижаль. М.: Московский печатный двор, 1656. II. Л. 1а-232а
11. Срезневский И. И. Хождение Богородицы по мукам // Древние памятники русского письма и языка (X – XIV вв.). СПб.: Типогр. Им. АН, 1863. С. 204–217.
12. Страдомский Я. Несколько замечаний о необычной славянской редакции «Видения апостола Павла» из рукописного собрания в Польше // Studia Ceranea. 2014. № 4. P. 193–207.
13. Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы. Т. II. М., 1863.
14. Франко И. Я. Апокрифи і легенди з українських рукописів. Т. IV: Апокрифи есхатологічні. Львові, 1906.
15. Яцимирский А. И. Мелкие тексты и заметки по старинной южнославянской и русской литературам // Известия Отделения русского языка и словесности. 1899. Т. 4. Кн. 2.
16. Vassiliev A. Analecta graeco-byzantina, pars prior. Mosquae, 1893.
17. Migne J.-P. Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca. T. XXVIII. Paris, 1857.
18. Otero A de Santos. Die handschriftliche Überlieferung der altslavischen Apokryphen. Vol. I. Berlin-New York, 1978.
19. Trautmann R. Altrussisches Lesebuch. Th. 1. Leipzig, 1949.
20. Trunte Nikolaos H. Reiseführer durch das Jenseits: Die Apokalypse des Paulus in der Slavia Orthodoxa (Slavistische Beiträge 490). München – Berlin – Washington, D. C.: Verlag Otto Sagner. 2013. S. 93-99.

Мильков В.В.

Апокрифические образы иного мира в апокрифах
«Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по
мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху»
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 85-118.

Milkov V.V.

Apocryphal images of the other world in the
Apocrypha "The vision of the Apostle Paul",
"Walking of the Virgin by Flour", "Questions
and Answers of St. Athanasius to the
Antiochus"
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 85-118.

Мильков В.В.

Апокрифические образы иного мира в апокрифах
«Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по
мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху»
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 85-118.

Milkov V.V.

Apocryphal images of the other world in the
Apocrypha "The vision of the Apostle Paul",
"Walking of the Virgin by Flour", "Questions
and Answers of St. Athanasius to the
Antiochus"
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 85-118.

Apocryphal images of the other world in the Apocrypha "The vision of the Apostle Paul", "Walking of the Virgin by Flour", "Questions and Answers of St. Athanasius to the Antiochus"

Milkov V.V.,

*Full Ph.D. in Philosophy, a leading researcher at the Institute of Philosophy of the
Academy of Russian Science (IFRAN), Moscow, Russia, dr_milkov@mail.ru*

In the publication the apocryphal texts are reproduced and analyzed, which describe the other world and the posthumous destinies of souls of the dead people. A place of torment sinners and Paradise are described in such Apocryphas as "The Vision of the Apostle Paul", "Walking of the Virgin by Flour", "Questions and Answers of St. Athanasius to the Antiochus". In the analytical part of the publication the author systemizes data about the editions of the apocryphal works and gives information about the manuscripts in which the data revision submitted. The publication contains the translation of the Apocrypha in modern Russian language.

Key Words: Old Russian book culture, the Apocrypha, the publication of text and translation, the earthly Paradise, the hell, the post-mortem fate of the dead.

References

1. Apokrifij Drevnej Rusi. Teksty i issledovaniya [Apocrypha of Ancient Rus. Texts and Research, ed. V. V. Milkov.] Otv. red. V. V. Mil'kov. Moscow: Nauka, 1997.
2. Arhangel'skij A. S. Tvoreniya otcov cerkvi v drevnerusskoj pis'mennosti. T. I-II [Creations of the Fathers of the Church in Old Russian Written Language, I-II]. Kazan': Tip. Imp. Un-ta. 1889.
3. Izbornik 1076 goda. Vtor. izd. T. 1 / Izd. podg. M. S. Mushinskaya, E. A. Mishina, V. S. Golysenko [The Izbornik of 1076, 1, ed. prep. M. S. Mushinsky, And E. A. Mishin, V. S. Golichenko.]. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, 2009.
4. Mil'kov V. V. Drevnerusskie apokrifij [Old Russian Apocrypha.]. St Petersburg: Iz-vo RHGU, 1999.
5. Mochul'skij V. N. Apokrificheskij ehlement v «Voprosah i Otvetah sv. Afanasiya k" kn. Antiohu» [Apocryphal element in the "Questions and Answers of St. Athanasius to the Antiochus]. Odessa: EHkonomicheskaya tipogr., 1900.
6. Pichkhadze A. A. Rec. na: Nikolaos H. Trunte. Reiseführer durch das Jenseits: Die Apokalypse des Paulus in der Slavia Orthodoxa (Slavistische Beiträge 490). München – Berlin – Washington, D. C.: Verlag Otto Sagner. 2013. 357 S. [Rec. on: Nikolaos H. Trunte. Reiseführer durch das Jenseits: Die Apokalypse des Paulus in der Slavia Orthodoxa (Slavistische Beiträge 490). München - Berlin - Washington, D. C. : Verlag Otto Sagner. 2013. 357 S.] In Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova [Proceedings of the Institute of Russian Language. V. V. Vinogradova]. Moscow: IRYA RAN, 2015, № 4, pp. 432–436.

Мильков В.В.

Апокрифические образы иного мира в апокрифах
«Видение апостола Павла», «Хождение Богородицы по
мукам», «Вопросах и ответах св. Афанасия кн. Антиоху»
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 85-118.

Milkov V.V.

Apocryphal images of the other world in the
Apocrypha "The vision of the Apostle Paul",
"Walking of the Virgin by Flour", "Questions
and Answers of St. Athanasius to the
Antiochus"
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 85-118.

7. Porfir'ev I. YA. Apokrificheskie skazaniya o novozavetnyh lichah i sobyitiyah po rukopisyam Soloveckoj biblioteki [Apocryphal legends about the New Testament faces and events from the manuscripts of the Solovki Library]. St Petersburg: Tipogr. AN, 1890.
8. Pypin A. N. Drevnyaya russkaya literatura. II. Skazanie o hozhdenii Bogorodicy po mukam [Ancient Russian Literature. II. A Legend of the Walking of the Virgin by Flour]. In Otechestvennye zapiski [Notes of the Fatherland], 1857, 115, pp. 335-360.
9. Pypinym A. N. Lozhnye i otrechennye knigi russkoj stariny [False and heretical books of Russian Antiquities.] In Pamyatniki starinnoj russkoj literatury, izdavaemye grafom Grigoriem KushelevymBezborodko. Vyp. 3 [Texts of ancient Russian literature issued by Grigory Kushelev-Bezborodko]. ISS. 3, St. Petersburg, 1862.
10. Skrizhal' [The tablet]. Moscow: The Moscow Printing Yard, 1656, II, pp. 1a-232a,
11. Sreznevskij I. I. Hozhdenie Bogorodicy po mukam [Walking the Virgin in hell]. In Drevnie pamyatniki russkogo pis'ma i yazyka (X – XIV vv.) [Ancient monuments of Russian writing and language (X-XIV centuries)]. St Petersburg: Tipogr. Im. AN, 1863, pp. 204–217.
12. Stradomskij YA. Neskol'ko zamechanij o neobychnoj slavyanskoj redakcii «Videniya apostola Pavla» iz rukopisnogo sobraniya v Pol'she [Some remarks about the unusual Slavic edition of "Visions of the Apostle Paul" from the handwritten collection in Poland]. In Studia Ceranea, 2014, № 4 pp. 193–207.
13. Tihonravov N. S. Pamyatniki otrechennoj russkoj literatury [Texts of heretical Russian literature]. Moscow, 1863, t. II.
14. Franko I. YA. Apokrifi i legendi z ukraïns'kih rukopisiv. T. IV: Apokrifi eskhatoll'gichni [Apocrypha and legends from Ukrainian manuscripts. T. IV: Apocrypha eschatologic]. Lviv, 1906.
15. YAcimirskij A. I. Melkie teksty i zametki po starinnoj yuzhnoslavyanskoj i russkoj literaturam [Small texts and notes on the ancient South Slavic and Russian literature] Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti [Izvestiya Branch of the Russian language and literature], 1899, 4, book 2.
16. Vassiliev A. Analecta graeco-byzantina, pars prior. Mosquae, 1893.
17. Migne J.-P. Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca. T. XXVIII. Paris, 1857.
18. Otero A de Santos. Die handschriftliche Überlieferung der altslavischen Apokryphen. Vol. I. Berlin-New York, 1978.
19. Trautmann R. Altrussisches Lesebuch. Th. 1. Leipzig, 1949.
20. Trunte Nikolaos H. Reiseführer durch das Jenseits: Die Apokalypse des Paulus in der Slavia Orthodoxa (Slavistische Beiträge 490). München – Berlin – Washington, D. C.: Verlag Otto Sagner. 2013. S. 93-99.

Тема Memento mori в творчестве В.Ф. Одоевского¹

Дергачева И.В.,

доктор филологических наук, профессор, декан факультета «Иностранные языки»
ФГБОУ ВО МГППУ (Москва, Россия) dergachevaiv@mgppu.ru

Сасим А.С.,

магистр кафедры «Лингводидактика и межкультурные коммуникации» факультета
«Иностранные языки» ФГБОУ ВО МГППУ (Москва, Россия)

В.Ф. Одоевский чутко ощущал бинарные оппозиции материального и трансцендентного миров, продолжил в своем творчестве философское осмысление тем Memento mori и Vanitas. В данной статье приведен анализ танатологического дискурса в первом русском философском романе «Русские ночи», включающем и фантастические рассказы, и размышления на вечные темы, и основанные на реальных событиях истории из русского быта.

Ключевые слова: танатологический дискурс, бинарные оппозиции, Memento mori, Vanitas, «Пляски смерти», грех, последний час.

Для цитаты:

Дергачева И.В., Сасим А.С. Тема Memento mori в творчестве В.Ф. Одоевского [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №4. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Dergacheva_Sasim.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Dergacheva I.V., Sasim A.S. Theme Memento mori in the poetry of V.F. Odоеvskiy [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 4. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Dergacheva_Sasim.shtml (Accessed dd.mm.yyyy)

«Танатологические представления в культурной среде любого общества являются важнейшими онтологическими установками, влияющими на психологию человека и мотивацию жизненного поведения. Доктринальные понятия об ином мире и судьбе души по смерти тела находят отражение в индивидуальном сознании и культуре повседневности» [2, с. 11]. В.Ф. Одоевский чутко чувствовал бинарные оппозиции материального и ноуменального миров: «Во все эпохи душа человека стремлением неодолимой силы, невольно, как магнит к северу, обращается к задачам, коих разрешение скрывается во глубине таинственных стихий, образующих и связующих жизнь духовную и жизнь вещественную; ничто не останавливает сего стремления, ни житейские печали и радости, ни мятежная деятельность, ни смиренное созерцание; это стремление столь постоянно, что иногда, кажется, оно происходит независимо от воли человека, подобно физическим отправлениям» [4, с. 7]. Зорко следя за открытиями в науке и новыми теориями, в своем творчестве он продолжил философскую тему Memento mori. Главное место среди сочинений Одоевского принадлежит «Русским Ночам» –

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 16-04-00523а («Танатологический дискурс русской словесности XI–XX веков в аспекте межкультурной коммуникации»).

философской беседе между несколькими молодыми людьми, в которую вплетены, для иллюстрации высказываемых ими положений, рассказы и повести, отражающие авторскую позицию. Важное место в этих беседах отведено танатологическому дискурсу. Так, в рассказе «Бригадир» перед читателем предстают поочередно мысли героя, узнавшего о приближении последнего часа. Сначала ему просто не хочется расставаться с привычным образом жизни: *«Но что-то родные начинают чаще приезжать; они что-то шепчутся с доктором, — плохо! Ахти! говорят уж мне о причастии, о соборовании маслом. Ах! они все такие хорошие христиане, — но ведь это значит, что я уже при последнем конце. Так нет уже надежды? Должно оставить жизнь — все: и обеды, и карты, и мой шитый мундир, и четверку вороных, на которых я еще не успел поехать, — ах, как тяжело! Принесите мне показать новую ливрею; позовите детей; нельзя ли еще помочь? призовите еще докторов; дайте какого хотите лекарства; отдайте половину моего имени, все мое имение: поживу, наживу — только помогите, спасите!...»* [Там же, с.43] Вслед за страхом смерти к герою сразу же приходит трагическое осознание бессмысленности прожитой жизни и отчаянное желание получить возможность прожить ее по-новому: *«Но вдруг сцена переменилась: страшная судорога потрясла мои нервы, и как завеса упала с глаз моих. Все, что тревожит душу человека, одаренного сильною деятельностью: ненасытная жажда познаний, стремление действовать, потрясать сердца силою слова, оставить по себе резкую бразду в умах человеческих, — в возвышенном чувстве, как в жарких объятиях, обхватить и природу, и человека, — все это запылало в голове моей; предо мною раскрылась бездна любви и человеческого самосведения. Страдания целой жизни гения, неутолимые никаким наслаждением, врезались в мое сердце — и все это в ту минуту, когда был конец моей деятельности. Я метался, рвался, произносил отрывистые слова, которыми в один миг хотел высказать себе то, на что недостаточно человеческой жизни»* [Там же, с. 44]. Однако, похоже, что наш герой не подал в жизни и луковки, о которой упоминала в романе Ф.М. Достоевского Грушенька и оптимистично отзывался старец Зосима, привидевшись Алеше в «тонком сне» («Я луковку подал и вот я здесь [в раю — И.Д.]И многие здесь только по луковке подали, по одной только маленькой луковке...» [3, с.327]) : *«Тщетно искал я в своем существовании одной мысли, одного чувства, которыми б я мог прикрыться от гнева вседержителя! Пустыня отвечала мне, и в детях моих я видел продолжение моего ничтожества; ах! если бы я мог говорить, если бы я мог вразумить меня окружающих, если б мог поделиться собою с ними, дать ощутить им то чувство, которым догорала душа моя! Тщетно я простираю мои руки к людям, — хладные, загрубелые — они хотели познать дружеское пожатие; но человечество чуждалось немеющего трупа, и я видел лишь одного себя перед собою — себя, одинокого, безобразного! Я жаждал взора, который бы отрадою сочувствия пролился в мою душу, — и встретил лишь насмешливое презрение на лице твоём! Я понял его, я разделил его! и с страшною, неотвратимою, вечною горечью оставил земную оболочку!.. Теперь, если хочешь, не сожалей обо мне, не плачь обо мне, презирай меня!»*[4, с. 44]. В этом рассказе В.Ф. Одоевский за пятьдесят лет до появления повести «Смерть Ивана Ильича» затрагивает тему, которую впоследствии углубил Л.Н. Толстой – тему смерти как пробуждение души. Так, в романе «Война и мир» Андрей Болконский прозревает уже в трансцендентном состоянии: *«В то же мгновение, как он умер, князь Андрей вспомнил, что он спит, и в то же мгновение, как он умер, он, сделав над собою усилие, проснулся. „Да, это была смерть. Я умер — я проснулся. Да, смерть — пробуждение!“ — вдруг просветлело в его душе»* [6, гл. XVI].

Рассказ «Бал» воспроизводит сюжетную коллизию «Плясок смерти», столь характерных для западноевропейской словесности [1, с. 93]. Автор проводит резкий контраст военных сводок о *«десяти тысячах убитых... тридцати тысяч вон из строя»* и описания бала, где все веселятся и поют, несмотря на полученные известия. Аллюзия на «Пляски смерти» возникает с первыми звуками музыки: *«Этот страшный оркестр темным облаком висел над танцующими, — при каждом ударе оркестра вырывались из облака: и громкая речь негодования; и прерывающийся лепет побежденного болью; и глухой говор отчаяния; и резкая скорбь жениха, разлученного с невестой; и раскаяние измены; и крик разъяренной, торжествующей черни; и*

насмешка неверия; и бесплодное рыдание гения; и таинственная печаль лицемера; в плач; и взрыд; и хохот... и все сливалось в неистовые созвучия, которые громко выговаривали проклятие природе и ропот на провидение; при каждом ударе оркестра выставлялись из него то посинелое лицо изможденной пыткой, то смеющиеся глаза сумасшедшего, то трясущиеся колена убийцы, то спекшиеся уста убитого; из темного облака капали на паркет кровавые [капли и] слезы, — по ним скользили атласные башмаки красавиц... и все по-прежнему вертелось, прыгало, бесновалось в сладост-растно-холодном безумии...» [4, с. 45] Затем картина меняется и перед нами наяву предстают герои «Totenhanz»: «[Свечи нагорели и меркнут в удушливом паре. Если сквозь колеблющийся туман всмотреться в толпу, то иногда кажется, что пляшут не люди... в быстром движении с них слетает одежда, волосы, тело... к пляшут скелеты, постукивая друг о друга костями... а над ними под ту же музыку тянется вереница других скелетов, изломанных, обезображенных... но в зале ничего этого не замечают... все пляшет и беснуется, как ни в чем не бывало]» [4, с. 46]. Герой рассказа ищет спасения в храме: «Я вошел; в церкви пусто, одна свеча горела пред иконою, и тихий голос священника раздавался под сводами: он произносил заветные слова любви, веры, надежды; он возвещал таинство искупления, он говорил о том, кто соединил в себе все страдания человека; он говорил о высоком созерцании божества, о мире душевном, о милосердии к ближнему, о братском соединении человечества, о забвении обид, о прощении врагам, о тщете замыслов богопротивных, о непрерывном совершенствовании души человека, о смирении пред судьбами всевышнего; [он молился об убиенных и убийцах,] он молился об оглашенных, о предстоящих!» [4, с. 46-47] Герой одержим донести слова священника до «беснующихся страдальцев» и воскресить их к жизни, но «но уже было поздно! все проехали мимо церкви, и никто не слышал слов священника...» [4, 47].*

В.Ф. Одоевский и в публицистических заметках с горечью рассуждал о тщетно прожитых жизнях обывателей, которые предаются страстям, грешат, не думают о будущем. Писатель подробно анализировал бесцельно прожитый путь человека, который «в продолжение своего возвышающегося периода расстроил свое тело и душу, наполнил тело семенами болезней, душу растлил до вещества, сердца не облагородил терпимостью и любовью к людям – грехи его скопляются над ним, как грозная туча, вьвет его ум, терзается тело, скучает сердце – и он или быстрее погибает, или незаметно доходит до последней степени унижения». [4, с.208].

В небольшом наброске под названием «Смерть и жизнь» В.Ф. Одоевский описывает свои размышления о бренности всего земного, навеянные созерцанием «славной картины Гвидо» «[У Гвидо нет такого сюжета. Между тем произведение, о котором идет речь у Одоевского и которое приписывается им Гвидо, хорошо известно. Это гравюра, а вернее - одна из двух различающихся лишь незначительными деталями гравюр Хендрика Голциуса (1558-1617). Прим. М. И. Медового]» [5, с. 58-59]. Изображенные на картине «любовь, человеческий череп и розы» возбуждают у писателя мысли о «тщетности земного» (ср. западноевропейские образы – «Колесо фортуны»; «Пляски смерти»; «Встреча живых и мертвых»; «*Humana fragilitas*»; «*Vanitas*»), которые в западноевропейском искусстве, как правило, соседствуют при размышлении о смерти с двумя другими темами – «борьба сил Добра и Зла за душу человека («Смерть праведника и грешника», «*Ars Moriendi*») и идея неизбежности Страшного суда, где все будут равны перед смертью («Апокалипсис») [1, с. 93]. В Италии уже в первой половине XVI в. появился сюжет, со временем названный *Memento mori*, означающий размышления о бренности земного существования, преходящести времени. Так называемые *Vanitas* представляют собою композиции, рожденные из натюрмортов и представляющие хрупкость и маловременность земного существования человека, где его чаяния, надежды, иллюзии и удовольствия разбиваются о неодолимо надвигающуюся смерть [7, р. 73]. Типичными примерами рассуждений на тему *Vanitas* является, например, картина Луиджи Мирадори «Путто с черепом», написанная в середине XVII в. и находящаяся в наше время в общественном музее Кремоны. Заснувший на книге младенец опирается на череп с широко раздвинутой нижней челюстью. Книга, отсылающая нас к идее воскресения, и тюльпаны, символизирующие

бренность, напоминают зрителю о бренности и преходящести земной жизни. К этой аллюзии отсылают и другие детали картины: музыкальные инструменты, короны, дым. Начертанная рядом с лицом младенца надпись «*sic transit gloria mundi*» сочетается со сценами, изображенными на заднике картины [7, 74].

Так и у В.Ф. Одоевского, на фоне призрачных сумерек и «протяжного гула колокола», ставшего неотъемлемым *locis comite*, предворяющим начало таинственных событий, взгляд повествователя устремляется на картину: «*День уже клонился к вечеру; умолкал городской шум, сливаясь с последним, протяжным гулом колокола, темнота разлилась по моей уединенной келье; глаза невольно устремились на картину Гвидову; сумрак претворял ее в различные, переменяющиеся призраки, которые то являлись, то исчезали*» [5, 58]. Время и пространство, как это часто бывает у писателя романтика Одоевского, преломляются: «*Протекло несколько мгновений, и мне показалось, что изображения рисунка от стены отделились и келья моя развилась в бесконечное пространство, светлое, беспредметное, бесцветное*» [Там же]. Перед повествователем появляется прелестный образ Кифарида: «*В сладком сне Кифарид покоился у меня в объятиях, русые, душистые его локоны касались лица моего; прекрасные уста улыбаются; огненные розы вились вокруг нас и неприметно – сливались с его огненными ланитами; небрежно рука сына Кипридина покоилась на лире, и от струн ее неслись в воздух неопределенные волшебные звуки*» [Там же]. Однако прелестное лицо преобразуется: «*лицо его – безобразный череп, – на обнаженных челюстях казалось еще не исчезла улыбка...*» [Там же]. Превращение прекрасного лица в череп гиперболизируется писателем: «*И, казалось мне, протекли бесчисленные мириады веков – и Кифарид ежемгновенно то являлся в образе хладного скелета, то расцветал с пламенными розами...*» [Там же].

Таким образом, размышления о смерти, пронизывающие творчество писателя, органично вписываются в межкультурный танатологический дискурс и отчасти проливают свет на непреходящий интерес к творчеству В.Ф. Одоевского, талантливого литератора и глубокого философа.

Литература

1. Дергачева И.В. Древнерусский Синодик: исследования и тексты / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VI. М.: «Кругъ», 2011.
2. Дергачева И.В. «Устроение души» как основная доминанта сознания авторов вкладных, данных и духовных [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2016. Том 3. № 3. С. 11–17. doi:10.17759/langt.2016030302
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Л.: «Наука», 1976. Т. 14.
4. Одоевский В.Ф. Русские ночи / Литературные памятники. М.: Л.: «Наука», 1975.
5. Северная лира на 1827 год. / Литературные памятники. М.: «Наука», 1984.
6. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4. Ч. 1. М.: «Лексика», 1996.
7. Scaramella P., Tenenti A., Aurigemma M.G., Ghirardo M., Merlo E.Z., Bilinbachova T. Humana Fragilitas. I temi della morte in Europa tra Duecento e Settecento / A cura di Alberto Tenenti. Clusone, 2000.

Theme Memento mori in the poetry of V.F. Odoevskiy

Dergacheva I.V.,

doctor of philology, professor, dean of the Faculty of Foreign Languages, MSUPE (Moscow, Russia) dergachevaiv@mgppu.ru

Sasim A.S.,

master, "Linguodidactics and Cross-cultural Communication" department, Faculty of Foreign Languages, MSUPE (Moscow, Russia)

V.F. Odoevskiy sensitively sensed the binary oppositions of the material and transcendent worlds, continued in his work the philosophical comprehension of the themes of Memento mori and Vanitas. This article presents an analysis of thanatological discourse in the first Russian philosophical novel "Russian Nights", which includes fantastic stories, thoughts on eternal themes, and stories based on real events from Russian life.

Key Words: thanatological discourse, binary oppositions, Memento mori, Vanitas, Dance of Death, sin, last hour.

References

1. Dergacheva I.V. Drevnerusskij Sinodik: issledovaniya i teksty / Pamyatniki drevnerusskoj mysli: issledovaniya i teksty. Vyp. VI. M.: «Krug», 2011.
2. Dergacheva I.V. «Ustroenie dushi» kak osnovnaya dominanta soznaniya avtorov vkladnyh, dannyh i duhovnyh [Elektronnyj resurs] // Yazyk i tekst. 2016. Tom 3. № 3. pp. 11–17. doi:10.17759/langt.2016030302
3. Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij. L.: «Nauka», 1976. T. 14.
4. Odoevskij V.F. Russkie nochi / Literaturnye pamyatniki. M.:L.: «Nauka», 1975.
5. Severnaya lira na 1827 god. / literaturnye pamyatniki. M.: «Nauka», 1984.
6. Tolstoj L.N. Sobranie sochinenij v vos'mi tomah. T. 4. CH. 1. M.: «Leksika», 1996.
7. Scaramella P., Tenenti A., Aurigemma M.G., Ghirardo M., Merlo E.Z., Bilinbachova T. Humana Fragilitas. I temi della morte in Europa tra Duecento e Settecento / A cura di Alberto Tenenti. Clusone, 2000.

ОБРЕЧЕН НА БЕССМЕРТИЕ

Русский писатель и публицист Кавад Багирович Раш¹

Шмелева А.В.,

кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой методики преподавания русского языка и литературы МГОУ, Президент Ассоциации педагогов Московской области «Учителя русского языка и литературы», Член Правления Общероссийского Движения Поддержки Флота

К.Б. Раш – писатель, выражающий интересы русского народа, писатель-государственник. К.Б. Рашу было свойственно провиденциальное чувство истории. Обращаясь к прошлому, К.Б. Раш постигал настоящее. Он имел писательскую и гражданскую смелость говорить о духовности истории. К.Б. Раш искрометно ворвался в русскую литературу. Его произведения «Приглашение к бою», «Рождение танковой нации», «Христос воскрес, матросы!», «Время офицеров», «Армия и культура», «Ракетный меч России», «Расплескалась синева», «Державные орлы», «Дорога и судьба», «Железные солдаты», «Сибиряки против СС» и др. не оставляют читателя равнодушным, невольно приобщают к истории, к героическим страницам прошлого, заставляют, вслед за автором, видеть уроки истории, осмыслить сквозь нити прошлого наше настоящее. К.Б. Раш по праву занял свое место на литературном Олимпе.

Ключевые слова: писатель, публицист, эссеист, мировоззрение, история, народность, философия, маринистика, гражданственность, патриотизм, флот, служение, верность, идеалы, Голгофа, историческая память, бессмертье.

Для цитаты:

Шмелева А.В. ОБРЕЧЕН НА БЕССМЕРТИЕ Русский писатель и публицист Кавад Багирович Раш [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №4. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Shmeleva.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Shmeleva A.V. IMMEDIATED TO IMMORTALITY Russian writer and publicist Kavad Bagirovich Rush [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 4. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Shmeleva.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Каждый, кто знал Кавада Багировича Раша, вправе мог сказать о нем – удивительный, уникальный... Он, действительно, был удивительным и уникальным писателем и публицистом. Причем эти качества определялись не столько и не только фактами его биографии, сколько мировоззрением, которое и сформировало его жизненную позицию как подлинно русского писателя – писателя, выражающего интересы русского народа как титульной нации российского государства. К.Б. Раш сравним с евангельским камнем (Лк.: 19, 39-40),

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 16-04-00523а («Танатологический дискурс русской словесности XI–XX веков в аспекте межкультурной коммуникации»).

Шмелева А.В.
ОБРЕЧЕН НА БЕССМЕРТИЕ
Русский писатель и публицист Кавад Багирович Раш
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 124-133.

Shmeleva A.V.
IMMEDIATED TO IMMORTALITY
Russian writer and publicist Kavad
Bagirovich Rush
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 124-133.

возопиющим гласом пророка о цивилизационной миссии России, о ее Богом избранном народе, о духовном смысле истории.

К.Б. Раш искрометно ворвался в русскую литературу. Его произведения «Приглашение к бою», «Рождение танковой нации», «Христос воскрес, матросы!», «Время офицеров», «Армия и культура», «Ракетный меч России», «Расплескалась синева», «Державные орлы», «Дорога и судьба», «Железные солдаты», «Сибиряки против СС» и др. не оставляют читателя равнодушным, невольно приобщают к истории, к героическим страницам прошлого, заставляют, вслед за автором, видеть уроки истории, осмыслить сквозь нити прошлого наше настоящее. К.Б. Раш по праву занял свое место на литературном Олимпе.

Размышляя о том, к какому жанру отнести творчество К.Б. Раша, В.Г. Распутин склонялся к тому, что его произведения тяготеют к «историческим сагам или историко-философским эссе», но более всего рашевские очерки близки «к старинным русским воинским повестям», отдавая должное тому, что в России с творчеством К.Б. Раша появилась «новая учительная проза, новое слово, пришедшее в развитие старинных воинских повестей» [10]. Он, действительно, обозначил новый вектор в развитии современной очерковой прозы.

К.Б. Рашу было свойственно провиденциальное чувство истории. Обращаясь к прошлому, К.Б. Раш постигал настоящее. Он имел писательскую и гражданскую смелость говорить о духовности истории. Эта смелость основывалась на его собственной исторической памяти: К.Б. Раш считал себя потомком одного из трех волхвов, влекомых Вифлеемской звездой на поклонение рожденному Спасителю мира (Мф.: 2; 1-12). Предание сохранило их имена – Каспар, Мельхиор и Валтасар. В Евангелии не сообщается, с какой они земли. Есть предположения мученика Иустина Философа, догматиста Тертуллиана и святого Епифания Кипрского о том, что волхвы пришли из Аравии; отцы Церкви Иоанн Златоуст и Василий Великий предположили, что они были из Персии; а блаженный Августин указывал на Халдею [3]. Б.И. Гладков, толкователь Евангелия, считает, что волхвы пришли из страны, «составлявшей прежде Вавилонское царство», обосновывая тем, что предки волхвов имели возможность узнать от ученых евреев о том, что они ждут Великого Царя, Который покорит весь мир, а о времени волхвы могли знать из откровения о седмицах пророка Даниила, который там жил. А. Небольсин в своем исследовании приводит показания блаженного Иеронима Стридонского, который полагал, что волхвы могли прибыть из Эфиопии, и святителя Димитрия Ростовского, указавшего (на основании Псалма 71), что один из волхвов был из Персии, другой из Аравии, а третий из Эфиопии [5]. А. Небольсин приводит интересные памятники древней книжности, в частности, сирийские «Хронику Зукнина» и «Книгу сокровищ пещеры», в которых упоминаются волхвы и описывается история драгоценностей, принесенных рожденному Богомладенцу: предание гласило о том, что дары волхвов были взяты в пещере горы Нуд, где их оставил еще праотец Адам, завещавший своему сыну Сифу «не брать сокровищ, пока на небосводе не покажется особенная чудесная звезда, знаменующая пришествие Спасителя». Впоследствии эти волхвы стали проповедниками новой веры вместе с апостолом Фомой, их крестившим. Перенесенные из Милана императором Фридрихом Барбаросса еще в 1164 году как дар кельнскому архиепископу Райнальду Дассельскому их мощи покоятся в римско-католическом соборе Германии в городе Кельн. К.Б. Раш был убежден в том, что принести дары Спасителю могли только те, кто почти три тысячи лет сохранял единобожие, – язиды (древние мидийцы иранского происхождения). Став писателем, К.Б. Раш стал подписываться древнем иранским именем – Кавад.

Осмысление столь далекой истории может быть той исходной точкой, которая способствует к постижению духовно-творческого мира К.Б. Раша. Свет Вифлеемской звезды осветил и жизненный путь К.Б. Раша. По отцовской и материнской линиям К.Б. Раш относил себя к древнейшему роду в Передней Азии курдских шейхов-язидов. «Язидом можно только

Шмелева А.В.

ОБРЕЧЕН НА БЕССМЕРТИЕ

Русский писатель и публицист Кавад Багирович Раш

Язык и текст langpsy.ru

2017. Том 4. № 4. С. 124-133.

Shmeleva A.V.

IMMEDIATED TO IMMORTALITY

Russian writer and publicist Kavad

Bagirovich Rush

Language and Text langpsy.ru

4, pp. 124-133.

родиться». Курды-язиды на протяжении всей истории сохраняли верность Российской империи и глубоко почитали русских царей.

В России на язидов-курдов обратили внимание в конце 1820 годов. Генерал И.Ф. Паскевич разработал операцию по упрочению позиции России на Черноморских проливах Босфор и Дарданеллы, в которой рассчитывал на местное население, уважающее русскую христианскую культуру. Летом 1829 года он со своим корпусом двинулся к портам Трапезунда и Самуса, по пути взяв турецкие крепости Карс, Ардаган, Ахалкалаки, Ахалцик, Пота, Баязет. В этих местах были поселения курдов. Привлечь курдов к реализации поставленных задач, т.е. к управлению над территориями Центральной Восточной и Северо-Восточной Анатолией, население которых состояло из армян, азербайджанцев и курдов, было не сложно. Курды никогда не воевали против России, даже тогда, когда езидизм стал угасать и большинство курдов переходило в мусульманство. А.С. Пушкин, побывавший в районе боевых действий, в своем «Путешествии в Арзрум» описал встречу с езидом-курдом – это первое появление езидов в русской классической литературе:

«Лагерная жизнь очень мне нравилась. Пушка подымала нас на заре. Сон в палатке удивительно здоров. За обедом запивали мы азиатский шашлык английским пивом и шампанским, застывшим в снегах таврийских. Общество наше было разнообразно. В палатке генерала Раевского собирались беки мусульманских полков; и беседа шла через переводчика. В войске нашем находились и народы закавказских наших областей и жители земель недавно завоеванных. Между ими с любопытством смотрел я на язидов, слывущих на Востоке дьяволопоклонниками. Около 300 семейств обитают у подошвы Арарата. Они признали владычество русского государя. Начальник их, высокий, уродливый мужчина, в красном плаще и черной шапке, приходил иногда с поклоном к генералу Раевскому, начальнику всей конницы. Я старался узнать от язидов правду о их вероисповедании. На мои вопросы отвечал он, что молва будто бы язиды поклоняются сатане есть пустая баснь; что они веруют в Единого Бога; что по их закону проклинать дьявола, правда, почитается неприличным и неблагодарным, ибо он теперь несчастлив, но со временем может быть прощен, ибо нельзя положить пределов милосердию Аллаха. Это объяснение меня успокоило. Я очень рад был за язидов, что они сатане не поклоняются; и заблуждения их показались мне уже гораздо простительнее» [9; 468]. В тексте «Путешествия» А.С. Пушкин сделал приложение. Оно написано на иностранном языке, без указания автора. Однако исследователи предполагают, что для большей достоверности и объективности сведений А.С. Пушкин намеренно скрыл свое имя. Информация, содержащаяся в заметке об язидах, весьма и весьма любопытна: русский читатель впервые знакомился с древнейшим народом, заслуживающим самое пристальное внимание и уважение: «Эти сектанты питают очень большое уважение к христианским монастырям, находящимся по соседству. При посещении монастыря, они, еще не войдя за ограду, снимают обувь и, идя босиком, целуют дверь и стены; они думают этим снискать покровительство святого, имя которого носит монастырь. Если им случается во время болезни увидеть во сне какой-нибудь монастырь, то, едва только выздоровев, они отправляются туда с дарами – ладаном, воском, медом или чем-нибудь другим. Они остаются там около четверти часа и перед уходом снова целуют стены. Они без всякого колебания целуют руку патриарху или епископу – настоятелю монастыря. Что касается турецких мечетей, то они избегают входить в них» [7; 1072]. Это были первые описания в русской литературе курдского народа.

Заветы предков, продолжение великих дел отцов для К.Б. Раша было определяющим. Это служило выработке его оценки и современных событий. К.Б. Раш умел ценить историческую память, особенно если она шла от памяти о предках. Так, К.Б. Раш высоко оценил сам статус Президента России: «В трудное время на переломе эпох и столетий судьба послала России Президента из священной морской столицы, основанной Петром Великим. Тем самым, подтвердив мировое и океаническое предназначение нашего Отечества. У штурвала

Государства оказался В.В. Путин – сын подводника, дравшегося в войну в числе смертников на Невском пятачке. Появившись на флотах в морской форме, Президент вселил надежду в сердца сынов России, истосковавшихся по твердой руке просветленной повелительности. В.В. Путин все последние годы является членом Военного Совета Военно-Морского Флота России» [12; 60]. Отец самого К.Б. Раша был хорунжим в Первую мировую, воевал на Кавказском фронте, в итоге был репрессирован. К.Б. Раш никогда не изменял памяти отца. Создавая мушкетерский клуб «Виктория», К.Б. Раш имел право сказать: «Дворянин – понятие вневременное. Он востребован всегда», имея в виду историческое служение Отечеству.

«Священной морской столицей» К.Б. Раш назвал город, основанный императором Петром I. Иностранец Францеско Альгаротти, побывавший в России в 1739 году и потрясенный увиденным, заметил: «Petersbourg est la fenêtre par laquelle Russe regarde tn Europe» («Петербург – окно, через которое Россия смотрит в Европу») [1]. Новую столицу Морской Руси русский император закладывает на берегах Невы и называет именем брата апостола Андрея – в честь первоверховного апостола Петра. Ф.М. Достоевский называет этот город «самым мистическим городом в мире», К.Б. Раш назовет «городом Троицы». К.Б. Раш, в одной из своих работ, посвященных деяниям Великого императора, подчеркивает:

«Здесь, в устье этой реки на Балтике, зарождается новая история мира.

Он заложит город там, куда дошел крестивший Русь Андрей Первозванный, на том месте, где святой князь Александр, печальник Русской земли, станет Невским. Потом, ровно через двести лет, белые кони привезут в Петергоф карету с царевичем Алексеем, и в крещенскую купель его опустит святой крестьянский сын Иван Сергеев, известный всей России как Иоанн Кронштадтский.

Только он, Петр, в целом свете прозревает и связывает эти события.

В том же году, только очистилась ото льда Нева, как он с поручиком-преображенцем Меншиковым, которому диплом академика подпишет сам Ньютон, взяли на лодках в жесточайшем абордажном бою два шведских военных корабля. Петр с Меншиковым за эту «никогда не слыханную *викторию*» получили ордена Андрея Первозванного. Царь велел выбить медаль с надписью: «Небываемое бывает».

Петр каждый день закладывал в новую русскую государственность, армию и флот ген «небывалости» [14; С.8-9].

Великий А.С. Пушкин провозгласил об эпохе петровских преобразований:

Была та смутная пора,

Когда Россия молодая,

В бореньях силы напрягая,

Мужала с гением Петра [8; С.23].

Любимым императором российских моряков всех времен и поколений был Петр Великий. Глубоко почитал императора и К.Б. Раш. К.Б. Раш видел в нем духовного вождя народа, не только преобразовавшего государственность, но давшего этой государственности мистический смысл. В статье «Бог явился человекам флотским» К.Б. Раш проводит параллель: «Ядро первой дружины воинства Христова составили моряки. Только моряки и могли стать первыми апостолами. <...> Рыбаки галилейские с детства видели небо отраженным в воде, познали тайны грозных стихийных сил и обладали особым даром духоносности, свойственным морской душе. Все это через века найдет особенный отголосок на Святой Руси, где почти все храмы и монастыри отражаются в воде, а Исапостол-Помазанник и Отец нашего Отечества

Шмелева А.В.
ОБРЕЧЕН НА БЕССМЕРТИЕ
Русский писатель и публицист Кавад Багирович Раш
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 124-133.

Shmeleva A.V.
IMMEDIATED TO IMMORTALITY
Russian writer and publicist Kavad
Bagirovich Rush
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 124-133.

Великий Петр собственноручно положит в основание града Святого Петра золотой ларец с мощами Первозванного моряка – апостола Андрея» [11; 15].

Со времен Андрея Первозванного Святая Русь – это и Морская Русь. Новая икона Святой Руси – Богоявленский собор в Кронштадте: верхняя площадка амвона в виде компаса, в центре этого компаса – корабль под парусами при всех пушках. Собор, по замыслу императора, возводился как вечная память ушедшим в вечность морякам.

Император сам выбирал макет для собора. Им стал храм святой Софии в Константинополе. Нити истории стягиваются к Святой Руси: от апостола Андрея, крестившего Русь, через град Константина Великого, где приняла крещение Великая княгиня Ольга, до столицы Морской Руси, и от первого апостола до последнего «зло удерживающего» на земле: «Так вновь просияла вечная духовная ось между морем Галилейским, Царь-градом на Понте Эвксинском, который до 16 века всюду звали «Русским морем», и новой столицей Морской Руси, в которой изволил царствовать самый великий страстотерпец после Голгофы Христа – святой Государь-император Николай II Александрович со своим святым семейством» [15; 23]. Заметим, что еще современники последнего русского Царя ретроспективно воспринимали его гибель. Так, поэт С.А. Бехтеев (который отправил Царской семье, находящейся в заточении, «Молитву» («Пошли нам, Господи, терпенье...»)) в одном из своих стихотворений «У Креста» в 1921 году символично писал:

Шумит народ, тупой и дикий.
Бунтует чернь. Как в оны дни.
Несутся яростные крики:
«Распни Его, Пилат, распни!
Распни за то, что Он смиренный,
За то, что кроток лик Его.
За то, что в благости презренной
Он не обидел никого.
Взгляни – Ему ли править нами,
Ему ли, жалкому, карать!
Ему ли кроткими устами
Своим рабам повелевать!
Бессилен Он пред общей ложью,
Пред злобой, близкой нам всегда,
И ни за что к Его подножью
Мы не склонимся никогда!»
И зло свершилось! Им в угоду
Пилат оправдан и омыт,
И на посмешище народу
Царь оклеветан... и... убит!

.....

Нависла мгла. Клубятся тени.

Молчат державные уста.

Склонись, Россия, на колени

К подножью Царского Креста! [2; 28-29]

Близко знавший Царскую семью Пьер Жильяр, преподаватель французского языка для Великих княжон и воспитатель Наследника Алексея, в 1921 году опубликовал книгу воспоминаний «Тринадцать лет при русском Дворе: Трагическая судьба Николая II и его семьи», в которой признался, что понял «тайную драму этой жизни» и может теперь «восстановить этапы этого долгого пути на Голгофу» [17]. Отсылка К.Б. Раша к Голгофе последнего русского Императора весьма показательна. Новая история России открылась Царской жертвой, по К.Б. Рашу – великим страстотерпчеством после Голгофы Христа. Тайна смерти сакральна. Но еще более священна, когда совершается «Отцом отечества». И «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15:13). К.Б. Раш остается верен верности своих предков – своего рода, никогда не предавших русских Государей. При этом эсхатологические вопросы К.Р. Раш не затрагивает, как в случае с писателями-классиками, создававшими целые полотна русской жизни с ее сокровенными сюжетами [18].

Расшевские ретроспекции истории так же имеют сакральную основу. В Кронштадтском соборе хранились реликвии Императора Петра Великого: золотой крест ордена Андрея Первозванного в белом медальоне из слоновой кости в рамке из бамбукового дерева, медальон и рамка выполнены самим императором. Образ Первозванного апостола стал символичен для культуры Руси-России. Предание о пребывании апостола Андрея на севере Руси и его проповеди запечатлено в «Повести временных лет» и ряде апокрифов [6; С.49-54]. В своем исследовании А.В. Моторин пишет о том, что «Внимание к андреевскому преданию значительно оживил Петр Первый, стремившийся восстановить всемирное державное достоинство России»: «Несомненно, учитывалось и вселенско-христианское значение апостольского подвига св. Андрея, ведь морской флот – это средство утверждения мирового достоинства любой державы. В качестве высшей награды России Петр Великий учредил орден Апостола Андрея Первозванного с начертанными на нем по концам Андреевского креста латинскими буквами: *S A P R*, означающими «*Sanctus Andreas Patronus Russiae*» («Апостол Андрей – покровитель России») и со словами на обратной стороне: «За веру и верность». Тем самым была отмечена народообразующая и государствообразующая сила андреевского предания» [4].

При исследовании деяния Петра Великого, от наблюдательности К.Б. Раша не уходит и такой факт, как отношение его к Европе, и в частности, к Парижу. Царь был в Париже. В Русской церкви он читал Апостола и пел на клиросе, показывая пример духовного благочестия. К.Б. Раш отметит: «Царь-труженик, искавший верфи, домны, мануфактуры, обсерватории, книги, любивший жизнь деятельную и созидательную, сразу же засек всю позолоченную нечистоту Парижа и сказал, что этот город не надо даже завоевывать, ибо он захлебнется в собственной мерзости». Но куда более значимыми станут другие строки К.Б. Раша, развивающие тему духовной гибельности Европы, которая завлекает в свои сети русское дворянство. К.Б. Раш словно клеймит тех, кто отступает от заветов Петра Великого. Он берет на себя это право. В его слове – это право истории: «Блеск парижского общества не обманул духовно прозорливого молодого царя. Но, увы, ни в этом, ни в других отношениях к Европе, русские дворяне не проявили верности петровским заветам. Если коротко, то все основные беды России до сегодняшнего дня, все без единого исключения, проистекают оттого, что русское общество не

жило по предначертаниям Петра Великого. Они два столетия спускали русские богатства в Париже, а кончили жалкими «русскими сезонами» изгнанников. Царь мечтал видеть их мореходами, инженерами, государственными мужами, банкирами и миссионерами, а они стали балерунами, богемщиками, изломанными интеллигентами, повальными атеистами, назвав свою немощь «серебряным веком». До конца верны Петру остались только военные, и особенно флотские офицеры, но и они утратили наступательный дух Преобразователя-Помазанника» [15; С.22].

К.Б. Раш убежденно писал, что «Петра родила Россия совокупным усилием веков и поколений. Такого моряка мог дать только самый одухотворенный и морской народ в мире» [13; 10].

Творчество К.Б. Раши ознаменовало собой новую эпоху в отечественной художественной культуре. Его слово апеллировало к исторической памяти, его слово аккумулировало чаяниями народа, возрождая заложенный Великим императором дух небывалости. Но главное – его слово, которое преобразило нашу публицистику, преобразило духоносностью и исторической ответственностью. Академик РАН О.Н. Трубачев сказал: «Вряд ли сегодня в Европе есть писатель, который сопоставим с Рашем по историко-эстетическому освоению действительности, масштабу и благородству воззрения» [16; 8]. А В.Г. Распутин значение рашевского слова обозначил следующим: «Работы Раши приковывают к себе неким онтологическим духом. Им присуща бытийная мощь при органической связи с корневой системой и родной почвой. Автор всегда поднимает все пласты отечественной истории в их тайном, нерасторжимом единстве с сегодняшним днем» [10; 734].

Любовью к России проникнуто все творчество К.Б. Раши. Этой любовью он жил. Этой любовью обречен на бессмертье...

Литература

1. *Альгаротти Ф.* Русские путешествия: Письма о России / Перев. с итальянского, сост., комм. М.Г. Талалая. – СПб.: Крига, 2006. -176с.
2. *Бехтеев С.А.* Песни русской скорби и слез / Сост. и предисл. Протиер. Александра Шаргунова. – М.: «Новая книга», 1996. -80с. С.28-29.
3. *Гладков Б.И.* Поклонение волхвов. Избиение младенцев. Бегство в Египет и возвращение из него. Двенадцатилетний Иисус в храме / Гладков Б.И. Толкование Евангелия. – <https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/tolkovanie-evangelija/3>
4. *Моторин А.В.* Славянский вопрос в русской словесности 1810-х – 1850-х годов / Россия и славянский мир в творческом наследии Ф.И. Тютчева / Сост. и ред. В.Н. Аношкиной. – М.: Издательство «Пашков дом», 2011. -592.
5. *Небольсин А.* Путешествие навстречу чуду. О волхвах и их дарах / Журнал Московской Патриархии, 2014. №1. <http://www.verav.ru/common/message.php?table=message&num=1110>
6. См.: *Понырко Н.В., Панченко А.М.* Апокрифы об Андрее Первозванном // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Вып.1. – Л., 1987. С.49-54.
7. Приложение к «Путешествию в Арзрум». NOTICE SUR LA SECTE DES YÉZIDIS. Заметка о секте езидов (перевод) С.1072 / *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т.8. Кн.1. (1948).
8. *Пушкин А.С.* Полтава / *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т.5. (1948). С.23.
9. *Пушкин А.С.* Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года / *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т.8. Кн.1. (1948) С.468.

10. *Распутин В.Г.* О Каваде Раше и его творчестве / *Раш К.Б.* Время офицеров. Письма к русскому офицеру: избранное. Изд. 2-е. – СПб.: Издатель Голубев В.П., 2012. -736с. С.734.
11. *Раш К.Б.* «Бог явился человекам флотским» / *Раш К.Б.* Христос воскрес, матросы!». – М.: ООО «Офицерская корпорация», 2001. -64с. С.15.
12. *Раш К.Б.* Богу Единому Слава / *Раш К.Б.* Христос Воскресе, матросы! – М.: ООО «Офицерская корпорация», 2001. -64с. С.60.
13. *Раш К.Б.* Время офицеров. Письма к русскому офицеру: избранное. Изд. 2-е. – СПб.: Издатель Голубев В.П., 2012. -736с. С.10.
14. *Раш К.Б.* «Для Бога поспешай!» / *Раш К.Б.* Время офицеров. Письма к русскому офицеру: избранное. Изд.2-е. – СПб.: Издатель Голубев В.П., 2012. -736с. С.8-9.
15. *Раш К.Б.* Царь-Исапостол-Адмирал / *Раш К.Б.* Христос воскрес, матросы!». – М.: ООО «Офицерская корпорация», 2001. -64с.
16. *Трубачев О.Н.* «Плавание необходимо...» / *Раш К.Б.* Христос Воскресе, матросы! – М.: ООО «Офицерская корпорация», 2001. -64с. С.8.
17. Цит. по: *Pierre Gilliard.* Le tragique destin de Nicholas II et de sa Famille. Payot. Paris, 1929. P.33.
18. См., напр.: *Дергачева И.В.* «Устроение души» как основная доминанта сознания авторов вкладных, данных и духовных // Язык и текст. 2016. Том. 3, № 3. С. 11–17. doi:10.17759/langt.2016030302. ISSN: 2312-2757 (online); *Воропаев В.А.* Эсхатология Н.В. Гоголя [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2016. Том 3. № 4. С. 9–24. doi:10.17759/langt.2016030402; *Сасим А.С.* Религиозно-философская лирика Г.Р. Державина: оппозиция «жизнь-смерть» [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2016. Том 3. № 4. С. 102–108. doi:10.17759/langt.2016030407; и др.

IMMEDIATED TO IMMORTALITY

Russian writer and publicist Kavad Bagirovich Rush

Shmeleva A.V.,

Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Methods of Teaching Russian Language and Literature MGOU, President of the Association of Teachers of the Moscow Region "Teachers of the Russian Language and Literature, Member of the Board of the All-Russian Fleet Support Movement

K.B. Rush is a writer who expresses the interests of the Russian people, a writer-statesman. K.B. Rush was characterized by a providential sense of history. Turning to the past, K.B. Rush comprehended the present. He had the writer's and the civil courage to talk about the spirituality of history. K.B. Rush blazed into Russian literature. His works "Invitation to battle", "Birth of the Tank Nation", "Christ is Risen, Sailors!", "Officers' Time", "Army and Culture", "Russia's Missile Sword," "Splashed Blue," "Sovereign Eagles," " Road and destiny "," Iron Soldiers "," Sibiryaki against the SS "and others do not leave the reader indifferent, involuntarily join the story, to the heroic pages of the past, they make us see the lessons of history after the author, and comprehend our present through the threads of the past. K.B. Rush rightfully took his place on the literary Olympus.

Key Words: writer, publicist, essayist, world view, history, nationality, philosophy, marinistics, citizenship, patriotism, navy, service, fidelity, ideals, Calvary, historical memory, immortality.

References

1. Al'garotti F. Russkie puteshestviya: Pis'ma o Rossii / Perev. s ital'yanskogo, sost., komm. M.G. Talalaya. – SPb.: Kruga, 2006. -176s.
2. Bekhteev S.A. Pesni russkoj skorbi i slez / Sost. i predisl. Protier. Aleksandra SHargunova. – M.: «Novaya kniga», 1996. -80s. S.28-29.
3. Gladkov B.I. Poklonenie volhvov. Izbienie mladencev. Begstvo v Egipet i vozvrashchenie iz nego. Dvenadcatiletnij Iisus v hrame / Gladkov B.I. Tolkovanie Evangeliya. – <https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/tolkovanie-evangelija/3>
4. Motorin A.V. Slavyanskij vopros v russkoj slovesnosti 1810-h – 1850-h godov / Rossiya i slavyanskij mir v tvorcheskom nasledii F.I. Tyutcheva / Sost. i red. V.N. Anoshkinoy. – M.: Izdatel'stvo «Pashkov dom», 2011. -592.
5. Nebol'sin A. Puteshestvie navstrechu chudu. O volhvah i ih darah / ZHurnal Moskovskoj Patriarhii, 2014. №1. <http://www.verav.ru/common/message.php?table=message&num=1110>
6. Sm.: Ponyrko N.V., Panchenko A.M. Apokrify ob Andree Pervozvannom // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi / Otv. red. D.S. Lihachev. Vyp.1. – L., 1987. S.49-54.
7. Prilozhenie k «Puteshestviyu v Arzrum». NOTICE SUR LA SECTE DES YÉZIDIS. Zаметка o sekte ezidov (perevod) S.1072 / Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: V 16 t. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937-1959. T.8. Kn.1. (1948).
8. Pushkin A.S. Poltava / Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: V 16 t. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937-1959. T.5. (1948). S.23.

Шмелева А.В.
ОБРЕЧЕН НА БЕССМЕРТИЕ
Русский писатель и публицист Кавад Багирович Раш
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 124-133.

Shmeleva A.V.
IMMEDIATED TO IMMORTALITY
Russian writer and publicist Kavada Bagirovich Rush
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 124-133.

9. Pushkin A.S. Puteshestvie v Arzrum vo vremya pohoda 1829 goda / Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: V 16 t. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937-1959. T.8. Kn.1. (1948) S.468.
10. Rasputin V.G. O Kavade Rashe i ego tvorchestve / Rash K.B. Vremya oficerov. Pis'ma k russkomu oficeru: izbrannoe. Izd. 2-e. – SPb.: Izdatel' Golubev V.P., 2012. -736s. S.734.
11. Rash K.B. «Bog yavilsya chelovekam flotskim» / Rash K.B. Hristos voskres, matrosy!». – M.: OOO «Oficerskaya korporaciya», 2001. -64s. S.15.
12. Rash K.B. Bogu Edinomu Slava / Rash K.B. Hristos Voskrese, matrosy! – M.: OOO «Oficerskaya korporaciya, 2001. -64s. S.60.
13. Rash K.B. Vremya oficerov. Pis'ma k russkomu oficeru: izbrannoe. Izd. 2-e. – SPb.: Izdatel' Golubev V.P., 2012. -736s. S.10.
14. Rash K.B. «Dlya Boga pospeshaj!» / Rash K.B. Vremya oficerov. Pis'ma k russkomu oficeru: izbrannoe. Izd.2-e. – SPb.: Izdatel' Golubev V.P., 2012. -736s. S.8-9.
15. Rash K.B. Car'-Isapostol-Admiral / Rash K.B. Hristos voskres, matrosy!». – M.: OOO «Oficerskaya korporaciya», 2001. -64s.
16. Trubachev O.N. «Plavanie neobhodimo...» / Rash K.B. Hristos Voskrese, matrosy! – M.: OOO «Oficerskaya korporaciya, 2001. -64s. S.8.
17. Cit. po: Pierre Gilliard. Le tragique destin de Nicholas II et de sa Famille. Payot. Paris, 1929. P.33.
18. Sm., napr.: Dergacheva I.V. «Ustroenie dushi» kak osnovnaya dominanta soznaniya avtorov vkladnyh, dannyh i duhovnyh // YAzyk i tekst. 2016. Tom. 3, № 3. S. 11–17. doi:10.17759/langt.2016030302. ISSN: 2312-2757 (online); Voropaev V.A. EHskhatologiya N.V. Gogolya [EHlektronnyj resurs] // YAzyk i tekst. 2016. Tom 3. № 4. S. 9–24. doi:10.17759/langt.2016030402; Sasim A.S. Religiozno-filosofskaya lirika G.R. Derzhavina: oppozitsiya «zhizn'-smert'» [EHlektronnyj resurs] // YAzyk i tekst. 2016. Tom 3. № 4. S. 102–108. doi:10.17759/langt.2016030407; i dr.

Вопросы языковой адаптации детей мигрантов в современной школе

Баймурзаева Г.Б.,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Лингводидактика и межкультурные коммуникации» факультета «Иностранные языки» ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, bekbay242@mail.ru

В статье рассмотрен вопрос о современном понимании в российской школе методических основ организации работы по поддержке детей мигрантов в образовании. Формирование инструментов поддержки детей мигрантов посредством целенаправленного создания условий в системе организаций общего образования для адаптации мигрантов, включая их обучение русскому языку. Исследование условий успешного формирования речевой деятельности на русском языке детей мигрантов; с выявлением особенностей его коммуникативного, когнитивного и нравственного развития при овладении новым языком.

Ключевые слова: Российская школа, основы организации работы, инструменты поддержки детей мигрантов, формирование речевой деятельности при овладении русским языком.

Для цитаты:

Баймурзаева Г.Б. Вопросы языковой адаптации детей мигрантов в современной школе [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №4. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Baimurzaeva.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Baimurzaeva G.B. Issues of language adaptation of migrant children in a modern school [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 4. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Baimurzaeva.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Современное понимание теории процессов адаптации и интеграции в нынешней общественной ситуации ставит важное противоречие, разрешение которого определяют методические основы организации работы по поддержке детей мигрантов в образовании. Особенности их образовательных потребностей также определяются целым рядом факторов: родным языком, историей жизни, сложившимся опытом обучения в стране исхода. Для детей мигрантов новая образовательная среда - это необходимость освоения новой системы условий. Задача осложняется тем, что иные условия могут быть непонятны, неочевидны, а также могут кардинально отличаться от того, что уже им знакомо. Речь идет о том, что детям мигрантов в экстремально быстрые сроки необходимо усвоить язык, минуя ступени поэтапного формирования всей системы.

Дети мигрантов, приходящие в современную российскую школу, в большинстве случаев не владеют языком в той степени, которая способствует быстрой адаптации в среде русскоязычных сверстников. Это одна из тенденций, которая оказывает определяющее влияние на развитие образования. Государственная миграционная политика Российской Федерации акцентирует внимание на формировании инструментов поддержки детей мигрантов посредством целенаправленного создания условий в системе организаций общего образования для адаптации мигрантов, включая их обучение русскому языку. Содействие

детям мигрантов в процессе их языковой адаптации входит в число приоритетных задач в национальной политике Российской Федерации[5].

Анализ особых образовательных потребностей ребенка – мигранта условно выделяет следующие группы характеристик: язык, базовые знания, эмоциональное состояние, социальные и культурные навыки. Стратегия поддержки, разработанная на этапе приема детей мигрантов в образовательную организацию, не может иметь окончательный характер, и будет нуждаться в доработке и уточнении образовательного вектора с ходом интеграции ребенка.

Исходной посылкой и основной проблемой обучения детей мигрантов как фактора их адаптации в российском обществе является знание ими русского языка. Традиционно исходят из двух важных функций русского языка. С одной стороны, язык является средством коммуникации, обеспечивая взаимодействие с окружающими. С другой – язык представляет собой важнейший инструмент учебной деятельности, оказывая влияние на ее ход и динамику. Языковой проблемой может явиться использование коммуникативных схем и паттернов родного языка в ходе общения. «Игнорирование преподавателями своеобразного социально – языкового опыта»[1] детей мигрантов, особых трудностей, с которыми они сталкиваются в процессе интеграции, сильно затрудняет успешность их адаптации.

Необходимо системное исследование процесса овладения русским языком детей мигрантов, учитывающее новое представление о предмете «Русский язык» в общеобразовательной школе и связанное с целью повышения качества обучения и успешного достижения учащимися образовательных результатов. Такая задача требует решения вопросов, связанных с определением специфики и изучением закономерностей овладения русским языком, с исследованием условий успешного формирования речевой деятельности на русском языке детей мигрантов; с выявлением особенностей его коммуникативного, когнитивного и нравственного развития при овладении новым языком.

Одним из возможных способов разрешения упомянутых выше вопросов является «разработка теоретико-методологической и технологической основы успешного овладения русским языком»[6] детей мигрантов, характеризующейся целостностью и системностью. Это становится возможным при создании целостной методической системы, учитывающей как достижения комплекса смежных с методикой наук, так и специфику изучения русского языка. Методов языковой адаптации существует не очень много. Методика основана на принципах доступности и посильности предъявляемого учебного материала, полного усвоения знаний всеми учащимися. Ядром методики является организация самостоятельной языковой познавательной деятельности ребенка: он должен читать, писать, говорить, первоначально с ошибками, но по-русски. Реализовать методику можно при условии, что преодолён барьер молчания нерусских детей.

Эффективная реализация потенциала приёмов формирования речевой и учебно-познавательной способностей, обуславливающих успешность овладения русским языком детьми мигрантов, возможна при условии, если

-определены в контексте современной образовательной парадигмы сущность, специфика и ценность языковой адаптации детей мигрантов и разработаны его теоретико-методологические основы;

-выявлены психолого-педагогические условия овладения детьми мигрантов русским языком в современном образовательном пространстве, способствующие их личностному становлению, и создана модель формирования русскоязычной речевой деятельности с учетом закономерностей становления речевой способности в онтогенезе и психофизиологических возможностей учащихся;

-теоретически обоснованы структурные компоненты методической системы диагностики образовательных достижений детей мигрантов[3].

Значительным и продуктивным ресурсом для эффективной поддержки речевого развития ученика - мигранта являются ролевые игры и элементы драма - терапии. В основу метода легло принудительное помещение учащихся в непривычную активную обстановку, в которой обычные схемы поведения перестают работать и восприятие идет на подсознательном уровне[2].

Один из методов, который приоритетен при самостоятельной работе – потоп (или информационный взрыв), он вызывается сознательно. Главное условие - ежедневно читать на изучаемом языке от 10 до 20 страниц текста без вникания и заботы о понимании прочитанного. Исключительное внимание на объем текста или текстов. Примерно через пару недель подобной практики набирается необходимый объем языка, что способствует лавинообразному прогрессу[4].

Особое значение имеет подбор текстов для внеклассного чтения, мультфильмов и кинофильмов для просмотра и последующего обсуждения. Знание фольклора, сказок, игр, а также элементов современной детской субкультуры исключительно важны для успешной адаптации. Этот метод можно применять в модифицированном варианте путем просмотра фильмов на изучаемом языке. Причем, сначала нужно просто смотреть по одному художественному фильму в день. А на следующей неделе нужно взять копию фильма с субтитрами и в старт-стопном режиме отсмотреть весь фильм, повторяя за всеми героями все их фразы. При этом желательно копировать произношение, интонацию и жесты героев фильма[4].

Контроль и проверка знаний – это средство установления прямой и обратной связи между учеником и преподавателем. Для активизации адаптационного процесса учащихся необходимо использовать особые приемы контроля знаний на уроке. Для активизации познавательной деятельности детей мигрантов необходимо разнообразить приемы и методы контроля. К числу основных приёмов относятся такие, как работа по карточкам, составление языковых карт, ответы на вопросы, творческие диктанты, составление кроссвордов, решение языковых задач[7].

Адаптация детей мигрантов является одним из важнейших гуманистических приоритетов образовательной деятельности на ближайшие годы, реализация которого требует обустройства детей-мигрантов в образовательной среде и активного участия всей системы образования детей Российской Федерации. Это взаимный процесс объединения мигрантов и принимающего населения в особую социально-культурную среду с доминированием культурной составляющей принимающего сообщества. Языковая адаптация детей мигрантов есть результат культурной адаптации (или аккультурации), результат включения в основные институты принимающего общества, то есть обеспечение детей мигрантов равным доступом к качественному образованию, полноценное включение в учебный процесс вне зависимости от степени их изначального владения русским языком.

Литература

1. Гайнбихнер Т.Н. Обогащение словарного запаса младших школьников на уроках русского языка в полиэтнических условиях Севера (на материале ономастической лексики): Дис. ... канд. пед. наук. — М., 2003. — 250 с.
2. Запольская Е.Л. Развитие познавательного интереса школьников к русскому языку в процессе обучения в классах с многонациональным составом: Дис. ...канд. пед. наук. – Сургут. – 2006. – 242 с.

Баймурзаева Г.Б.

Вопросы языковой адаптации детей мигрантов в современной школе

Язык и текст langpsy.ru

2017. Том 4. № 4. С. 134-138.

Baimurzaeva G.B.

Issues of language adaptation of migrant children in a modern school

Language and Text langpsy.ru

4, pp. 134-138.

3. Кулеша Ю.В. Формирование познавательного интереса к изучению русского языка в 5, 6, 7 классах общеобразовательной школы: Дис. ... канд. пед. наук. – М., 2000. — 274 с.
4. Михеева Т.Б. Обучение русскому языку учащихся полиэтнических классов. Методическое пособие. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2008 – 362с.
5. Хухлаев О. Е., Чибисова М. Ю., Кузнецов И. М. Школа как транслятор культуры принимающего общества: интеграция детей-мигрантов в образовательной среде // Культурно-историческая психология. 2014. № 1. С. 95–103.
6. Шакирова Л.З. Научные основы методики обучения вида и времени русского глагола в тюркоязычной школе. — Казань, 1994 – 216с.
7. <http://дипломов.рф/?p=1716> -Статья. Освоение русского языка и адаптация детей — инофонов в условиях школы с полиэтническим составом.

Issues of language adaptation of migrant children in a modern school

Baimurzaeva G.B.,

PhD (Pedagogy), Assistant professor, The Linguodidactics and Cross-cultural communication Department, The faculty of foreign languages, Moscow State University of Psychology & Education 29, Sretenka st., Moscow, Russia bekbay242@mail.ru

In the article the question of modern understanding of methodical bases of organization of work on support of migrant children in education in the Russian school is considered. Formation of tools to support the children of migrants through the purposeful creation of conditions in the system of general education organizations for the adaptation of migrants, including their Russian language education. Study of the conditions for the successful formation of speech activity in Russian of migrant children; with the identification of features of its communicative, cognitive and moral development in mastering a new language.

Key Words: Russian school, basics of work organization, tools of migrant children support, formation of speech activity in mastering Russian.

References

1. Gajnbihner T.N. Obogashchenie slovarnogo zapasa mladshih shkol'nikov na urokah russkogo yazyka v polietnicheskikh usloviyah Severa (na materiale onomasticheskoy leksiki): Dis. ... kand. ped. nauk. — M., 2003. — 250 s.
2. Zapol'skaya E.L. Razvitie poznavatel'nogo interesa shkol'nikov k russkomu yazyku v processe obucheniya v klassah s mnogonacional'nym sostavom: Dis. ...kand. ped. nauk. — Surgut. — 2006. — 242 s.
3. Kulesha YU.V. Formirovanie poznavatel'nogo interesa k izucheniyu russkogo yazyka v 5, 6, 7 klassah obshcheobrazovatel'noj shkoly: Dis. ... kand. ped. nauk. — M., 2000. — 274 s.
4. Miheeva T.B. Obuchenie russkomu yazyku uchashchihsya polietnicheskikh klassov. Metodicheskoe posobie. — Rostov-na-Donu: Feniks, 2008 — 362s.
5. Huhlaev O. E., CHibisova M. YU., Kuznecov I. M. SHkola kak translyator kul'tury prinyimayushchego obshchestva: integraciya detej-migrantov v obrazovatel'noj srede // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2014. № 1. С. 95–103.
6. SHakirova L.Z. Nauchnye osnovy metodiki obucheniya vida i vremeni russkogo glagola v tyurkoyazychnoj shkole. — Kazan', 1994 — 216s.
7. <http://diplomov.rf/?p=1716> -Stat'ya. Osvoenie russkogo yazyka i adaptaciya detej — inofonov v usloviyah shkoly s polietnicheskim sostavom.

Принципы инклюзивного обучения итальянскому языку лиц с ОВЗ по зрению

Дергачева И.В.,

*доктор филологических наук, профессор, декан факультета «Иностранные языки»
ФГБОУ ВО МГППУ (Москва, Россия) dergachevaiv@mgppu.ru*

Епифанцев С.В.,

*Учитель информатики ГБОУ Школа №1770 СП «Московский кадетский музыкальный корпус»,
руководитель проекта «Юные программисты» (Москва, Россия)
epifantsev@gmail.com*

В статье описаны принципы инклюзивного обучения итальянскому языку лиц с ОВЗ по зрению, направленные на улучшение процесса приспособления учебной среды для полноценной интеграции инвалидов. Изучение иностранного языка предполагает также социализацию слабовидящих и незрячих в учебном заведении, адаптацию к жизни учебного заведения и методам его работы и дальнейшую социализацию в обществе.

Ключевые слова: итальянский язык, лица с ОВЗ по зрению, инклюзивное обучение, грамматико-переводной метод, прямой метод, аудирование.

Для цитаты:

Дергачева И.В., Епифанцев С.В. Принципы инклюзивного обучения итальянскому языку лиц с ОВЗ по зрению [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №4. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Dergacheva_Epifantsev.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Dergacheva I.V., Epifantsev S.V. Principles of inclusive Italian language education for people with visual disabilities [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 4. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Dergacheva_Epifantsev.shtml (Accessed dd.mm.yyyy)

По данным ВОЗ, люди с ОВЗ по зрению составляют около 10% населения. Число абсолютно слепых россиян на сегодняшний день составляет порядка 100 тыс. человек, инвалидов по зрению – более 600 тысяч. Основные причины заболеваний органов зрения – воспалительные заболевания (около 4 млн случаев); травмы (около 2 миллионов); близорукость (более 1,5 миллиона); глаукома (более 770 тысяч). Общее количество детей с ОВЗ по Москве составляет около 1200, из них 15% полностью слепые.

Дети с ограниченным зрением обучаются в интернатах, им не хватает современных учебных пособий, в частности, по изучению иностранных языков. С 2000 по 2017 год статистика заболеваний детей с ОВЗ по зрению ухудшается. Отмечается стабильный рост заболеваемости детей. Если в 2000 году заболевания по зрению охватывали 70 тыс. человек, то в 2008 – 136 тыс. человек, и в настоящее время тенденция сохраняется.

Потребителями дидактических пособий для детей с ограничениями зрения могут быть: специализированные образовательные организации, реабилитационные центры и социально-значимые объекты инфраструктуры, заинтересованные в обучении слабовидящих. В России

существует чуть более 100 учреждений, специализирующихся на обучении незрячих и слабовидящих людей.

В ходе опроса целевой аудитории в Государственном казенном общеобразовательном учреждении города Москвы “Специальная (коррекционная) общеобразовательная школа-интернат №2” и Государственном казенном общеобразовательном учреждении города Москвы “Специальная (коррекционная) общеобразовательная школа-интернат №1” выявлен спрос на коррекционную методику и учебно-методические пособия для изучения иностранных языков, в частности, итальянского, которые помогут облегчить процесс обучения. Известно, что изучение иностранных языков способствует социализации людей с ограниченными возможностями. Цель данного исследования – представить методику обучения итальянскому языку слабовидящих и слепых, гарантирующую непрерывный доступ к образованию с целью получения навыков, необходимых для включенности в информационное общество, что позволит им принимать активное участие в профессиональной жизни.

В данной статье мы рассмотрим общие принципы преподавания иностранных языков лицам с ОВЗ по зрению. В дальнейшем на основании указанных принципов предполагается разработать примерные уроки по итальянскому языку для слабовидящих и незрячих с использованием тактильных материалов и аудиопособий.

Помимо получения традиционных навыков чтения, письма, понимания и говорения, изучая иностранный язык, учащиеся с ОВЗ по зрению смогут одновременно осваивать компьютерные технологии и расширять свой коммуникативный и культурный опыт. В результате разовьются и такие их социальные навыки, как уверенность в себе, ответственность за свою судьбу, умение учиться, адаптироваться к переменам и умение ориентироваться в потоке информации.

Многочисленные исследования ученых опровергли представления о функциональных отличиях мозга людей с дефектами органов зрения от мозга людей с нормальным зрением. Однако «известно, что при нарушении зрения у детей возникает ряд вторичных отклонений, связанных с ослаблением познавательных процессов (восприятия, воображения, наглядно-образного мышления) и изменениями в физическом развитии, в том числе и двигательных функций (нарушаются быстрота, точность, координация, темп движений, соразмерность двигательных актов и др.), ограничивается овладение социальным опытом» [1, гл. 3]. Поэтому при организации инклюзивного процесса обучения слабовидящих и незрячих преподаватель должен учитывать следующие факторы: неполнота и неточность процессов восприятия, фрагментарность воспринимаемой информации; замедление реакции узнавания и различения. Следовательно, в тифлопедагогике особенно важно сочетать общие методы обучения и специальные, направленные на коррекцию отклонений. Из-за особенностей мышления и памяти обучающихся с нарушением зрения особенно важно применять метод концентрического расположения материала для того чтобы его постоянным повторением на разных уровнях добиться автоматизации необходимых действий и избежать утрачивания уже сформированных навыков и умений. Несмотря на то, что слуховая память у лиц с ОВЗ по зрению формируется медленнее из-за отсутствия зрительной, большое значение имеет заучивание иноязычного материала наизусть с применением различного рода стратегий, характерных для слухового, кинестетического и тактильного стилей обучения.

При обучении иностранным языкам лиц с ОВЗ следует последовательно опираться на ряд методических принципов, заключенных в разных методиках. Так, из грамматико-переводного метода в обучении иностранным языкам следует заимствовать принцип когнитивности, т.е. систематичности усваиваемых знаний, а не развития отдельных умений и навыков. Такой когнитивный подход предполагает дедуктивное изложение грамматического материала от правила к практическим примерам. При этом необходимо учитывать принципиальное

двуязычие, т.е. опору на родной язык как учебно-методических материалов, так и работы самого педагога в течение процесса обучения.

Из прямого метода обучения следует заимствовать систему способов семантизации (объяснения значения) лексики, основанную на положениях лексикологии о взаимоотношениях слов между собой — семантизация через приведение синонимов, антонимов, через определение, описание и т. п. Особенно актуален процесс семантизации для слабовидящих и незрячих через наглядность, которая понимается не только как опосредованная (картинки, иллюстрации), но и как прямая (демонстрация самих предметов, произведение действий и т.д.). В процессе обучения педагог должен использовать различные средства наглядности: учебники иностранных языков по Брайлю, тактильные книги и карточки для обучения лексике, палочки Кьюизинера для обучения грамматике, карточки с надписями по Брайлю и аудиоматериалы для развития навыков монологической и диалогической речи. Из прямого метода стоит заимствовать также многократное повторение и таким способом заучивание речевых образцов, когда ученики имитируют учителя или учебные пособия. Поэтому прямой метод называется также и имитационным.

Особое значение при преподавании иностранных языков лицам с ОВЗ по зрению имеет аудиолингвальный метод, опирающийся на психологическое учение о бихевиоризме, в основе которого лежит обоснование человеческого поведения через формулу «стимул—реакция—подкрепление». Он базируется на опоре на готовые формулы (структуры) и их заучивание с помощью технических средств обучения (лаборатория устной речи, магнитофон и т. п.). Этот метод позволяет добиться образования стойких ассоциаций и автоматизма в овладении структурами речи. Целью обучения является, как и для прямого метода, овладение «живым» языком. При коммуникативно-ориентированном подходе к изучению иностранных языков методическая концепция предполагает большую активность обучающихся и загрузку максимального количества каналов приема информации как предпосылку успешного запоминания и дальнейшего использования языковой информации. Все упражнения коммуникативного подхода так или иначе связаны с необходимостью воссоздания ситуации реального общения, усвоения ее параметров и развития навыка переноса усвоенного материала на все похожие ситуации. Отсюда интерес к разнообразным диалоговым упражнениям, ситуациям ролевого общения, ролевым играм, симуляциям реальной коммуникации. Безусловно, такая активная практика основана на языковом материале — лексике и грамматике. Выбор материала осуществляется из чисто практических соображений. За основу, на которой выстраивается «параграф», берется не «тема» (семья, еда, транспорт и т.д.), а речевое намерение (что нужно сказать/написать). Речевое намерение приводится в соответствие с возможными коммуникативными ситуациями, в рамках которых необходимо уметь реализовать подобное речевое намерение. Так возникает соотношение: намерение — ситуация. Однако поскольку одно и то же намерение может быть в рамках одинаковых ситуаций выражено по-разному (на литературном языке или разговорном и пр.), пара «намерение — ситуация» дополняется компонентой «языковые/речевые средства», в логику учебного пособия необходимо закладывается неизбежный возврат к материалу, но с использованием все новых языковых средств. В этом случае в методике говорят о «циклической прогрессии», то есть нарастании сложности по спиралевидной модели: с каждым витком спирали мы все дальше удаляемся от исходной точки, неизбежно, тем не менее, возвращаясь к ней. Поставленная цель обучения общению «как в жизни» определяет еще целый ряд моментов, важных в коммуникативной методике: реальные ситуации общения связаны не только с текстами, но и с иными знаковыми системами (дорожные знаки, пиктограммы и т. п.) и печатными текстами (реклама, анкеты, меню, расписание поездов и пр.). Эти тексты включены в учебный процесс в связи с их актуальностью и необходимостью овладения возможностью оперирования ими в контексте предлагаемых ситуаций. Следовательно, параллельно с изучением собственно иностранного языка мы изучаем то, что окружает носителей данного языка в их обыденной жизни, учимся работать с этими типами

текстов — заполняем настоящие анкеты, выбираем маршруты поездок по реальным расписаниям поездов, читаем настоящие объявления из газет. Познание жизни в стране изучаемого языка идет «естественным путем» в ходе процесса обучения иностранному языку. Эта концепция получила название интегрированного страноведения, и она, как нельзя более подходит для людей с ограниченным зрением, ибо в процессе обучения иностранному языку они получают возможность углубить навыки навигации в культурном и социальном пространстве, в том числе и иной культуры.

В основе данной методики лежат психологические процессы когнитивного восприятия, тесно связанные с лингвистическими: «В основу нового принципа отбора материала и работы с ним легли процессы обязательного осознания и понимания. Именно через понимание текста, ситуации, явления чужой действительности обучающиеся приходят к необходимости формулирования высказывания. Говорение не понимается и не планируется как повторение или симуляция диалогов, но как осознанная деятельность, например, в дискуссии, в поиске и приведении аргумента, в умении убедить или опровергнуть собеседника, поделиться своими мыслями» [3, с. 38].

Важно учитывать, что в рамках коммуникативной ситуации мы выступаем не только как говорящие, но и как слушающие, получаем возможность овладеть навыками аудирования с помощью специальной системы аутентичных аудиоматериалов (радиопередачи страны изучаемого языка). Особое значение имеет общение обучающихся с носителями языка в социальных сетях с использованием микрофона, в том числе, и с помощью систем Skype, Whats up, Messenger и пр.

На занятиях по иностранному языку с лицами ОВЗ по зрению должны применяться такие приемы, как работа в малых группах с целью поиска совместного решения поставленной задачи с последующим обсуждением предлагаемых решений, задания проектного типа, выходящие за рамки учебного процесса и представляющие собой разновидность коллективного творчества, дидактические игры: фонетические, лексические, грамматические, ролевые. Они помогут снять психологические трудности, сделают процесс обучения и воспитания интересным и запоминающимся, повысят мотивацию к обучению вообще и изучению иностранного языка в частности, помогут сформировать ситуации успеха, чтобы ребенок с ОВЗ по зрению почувствовал радость от хорошо выполненного задания. При этом «взрослые должны стать непосредственным участником игрового процесса, стимулировать активность всех детей в диалогическом общении во время проведения словесных дидактических игр» [2, с. 24].

Литература

1. *Ермаков В.П.* Основы тифлопедагогики: Развитие, обучение и воспитание детей с нарушениями зрения: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.П. Ермаков, Г.А. Якунин. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000.
2. *Зорина С.С.* Формирование коммуникативных умений у детей с нарушениями зрения / С.С. Зорина // Специальное образование. 2010. № 4. С. 20–26.
3. *Шейлз Д.* Коммуникативность в обучении современным языкам. [Совет по Культурному Сотрудничеству. Проект № 12 «Изучение и преподавание современных языков для целей общения».] Совет Европы Пресс, 1995.

Principles of inclusive Italian language education for people with visual disabilities

Dergacheva I.V.,

doctor of philology, professor, dean of the Faculty of Foreign Languages, MSUPE (Moscow, Russia) dergachevaiv@mgppu.ru

Epifantsev S.V.,

IT-Teacher, GBOU School No. 1770 JV "Moscow Cadet Music Corps", "Young programmers" project manager (Moscow, Russia) epifantsev@gmail.com

The article describes the principles of inclusive education for the Italian language of persons with visual disabilities, aimed at improving the adaptation of the learning environment for the full integration of disabled people. Learning a foreign language also involves the socialization of visually impaired and blind people in an educational institution, adaptation to the life of the institution and the methods of its work and further socialization in society.

Key Words: Italian, visually impaired persons, inclusive education, grammar-translation method, direct method, listening.

References

1. Ermakov V.P. Osnovy tiflopedagogiki: Razvitie, obuchenie i vospitanie detej s narusheniyami zreniya: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij / V.P. Ermakov, G.A. YAkunin. M.: Gumanit. izd. centr VLADOS, 2000.
2. Zorina S.S. Formirovanie kommunikativnyh umenij u detej s narusheniyami zreniya / S.S. Zorina // Special'noe obrazovanie. 2010. № 4. S. 20–26.
3. SHejls D. Kommunikativnost' v obuchenii sovremennym yazykam. [Sovet po Kul'turnomu Sotrudnichestvu. Proekt № 12 «Izuchenie i prepodavanie sovremennyh yazykov dlya celej obshcheniya».] Sovet Evropy Press, 1995.

Влияние глобализации на русский язык

Бурлакова И.И.,

доктор педагогических наук, профессор кафедры «Лингводидактика и межкультурные коммуникации» факультета «Иностранные языки» ФГБОУ ВО МГППУ (Москва, Россия)

Постиндустриальная эпоха стала причиной вступления человечества в эпоху глобализации. В данном понятии заложен принцип объединения. Усилилась интеграция между странами и культурами. Сформировалось поколение информационного общества. Все названные процессы оказывают как положительное, так и отрицательное влияние на существующие языки. Формирование кросс-культур и их проявление в лексике как явление межкультурной коммуникации не только указывает на положительное влияние процессов глобализации на русский язык, но и на необходимость более глубокого изучения данного явления. Однако, это не должно уводить от борьбы лингвистов и активной части общественности за чистоту русского языка.

Ключевые слова: глобализация, русский язык, английская лексика, проникновение.

Для цитаты:

Бурлакова И.И. Влияние глобализации на русский язык [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №4. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Burlakova.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Burlakova I.I. The impact of globalization on the Russian language [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 4. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Burlakova.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Постиндустриальная эпоха стала причиной вступления человечества в эру всеобщей интеграции. В мире заговорили о глобализации. В самом понятии заложен принцип объединения, который пронизывает многие сферы человеческого бытия. Началом глобализации признана мировая техническая революция и последующая за ней революция технологий. Усилилась интеграция между странами и культурами. Сформировалось поколение информационного общества. Все названные процессы оказывают как положительное, так и отрицательное влияние на существующие языки.

Основной проблемой является проблема выживания языков малых народов. По данным лингвистов, в конце XX века люди говорили больше чем на 6000 языках. Однако учёные считают, что в XXI веке перестанет существовать половина языков. Английский язык проникает во все сферы жизнедеятельности человека, что является последствием глобализации. В этом случае учёные утверждают, что последствия могут быть катастрофическими для национальных языков. А попытка идеи «melting pot» – «плавильного котла», где будут перевариваться все языки и заменяться американским вариантом английского языка, считается неудачной. Однако прогноз The English Company U.K. свидетельствует, что к 2050 году самым распространённым языком в мире будет именно американский вариант английского языка. Столь долгосрочный прогноз оказывается неутешительным для других языков. Так, например, в ближайшие десятилетия возможно исчезновение языков всей кельтской группы. Резко сократится количество людей, говорящих на славянских языках. На украинском языке будет говорить 41 млн. человек, на польском –

44, сербохорватском – 21, чешском – 12, белорусском – 10, словацком – 6, словенском – 2 млн. человек [3, с. 601].

Нельзя не признать нарастающего влияния американского английского на русский язык через ежегодно нарастающий объём англоязычной лексики. Учёные-филологи постоянно говорят о необходимости защиты русского языка, его экологии. В лингвистике появилось и развивается новое направление - лингвистическая экология. Экология языка - это осознание его как великого и национального достояния, забота и сохранение его роли как равноценного мирового языка.

Представитель прагматического направления изучения и оценки влияния глобализации на язык академик В.В. Виноградов рассуждает об особенностях каждого языка. Именно о русском языке он говорит, что его лексическая система отличается открытостью. Она наиболее чутко реагирует на все изменения в мировых социально-экономических процессах и подвержена качественным и количественным изменениям, открыта для новых слов и заимствований, приспособливает их или отбрасывает ненужные. Происходит самоочищение языка, несмотря на экспансию англицизмов. Например, каждый день в русский язык вливаются 10-15 заимствований с различными словообразовательными возможностями [3, с. 600].

Интересно заимствование модных слов. Сначала они появляются на страницах СМИ, в профессиональной речи, а потом и в бытовой сфере. Большинство заимствований – имена существительные. Например,

спортивная лексика: армрестлинг, баскетбол, бейсбол, гандбол, дайвинг, скуба-дайвинг, кемпинг, допинг, керлинг, кикбоксинг, кросс, пенальти, роуп-джампинг, серфинг, скейтборд, спорт, старт, тайм, финиш, фитнес, форвард, аэробика, боулинг, бодибилдинг;

лексика шоу-бизнеса, СМИ, творчества: бутик, прайм-тайм, гламур, имидж, бренд, клип, попса, промоутер, триллер, шоумен, саундтрек, ток-шоу, бэк-вокал, грант, имиджмейкер, репортаж, блокбастер, бестселлер, аутсайдер, релиз, дистрибьютор;

общественно-политическая лексика: брифинг, импичмент, пиар, истеблишмент, популизм, эскалация, прессинг;

финансово-экономическая лексика: брокер, диверсификация, дефолт, краудфандинг, лизинг, бартер, стартап, ваучер, дилер, инвестиция, аутсорсинг, нетворкинг, консалтинг, холдинг, фрилансер, ноу-хау, маркетинг, менеджмент, дедлайн, приватизация, риелтор, прайс-лист, спонсор, франчайзинг, саммит;

бытовая лексика: гамбургер, скотч, джем, крамбол, крекер, панкейк, ростбиф, чипсы, шортбред, стиплер, хот-дог, блендер, бойлер, клоун, клевый, кроссворд, лузер, хенд-мейд, парковка, мейнстрим, пазл, шорты, шузы, стретч, смокинг, лонгслив, свитер, леггинсы, боди, айвори, рейтинг, селфи, спикер, трамвай, тюнинг, секонд-хэнд, шампунь, плейлист, ремейк, анималистика, шоппинг;

IT-сфера: браузер, геймер, дисплей, логин, ноутбук, драйвер, кликать, комьюнити, пост, провайдер, трафик, хакер, юзер и др.

Многие из этих слов вошли в нашу повседневную жизнь и стали заимствованными неологизмами.

Л.П. Крысин отмечает, что при «реализации словообразовательных возможностей иноязычного неологизма имеет значение не только характер его морфологической структуры и его грамматическая освоенность русским языком, но и то, насколько слово употребительно. Попадая в фокус социального внимания, делаясь частотным в СМИ и речевом обиходе, некоторые новые заимствования могут порождать производные гораздо более активно, нежели структурно схожие с ними слова, которые, однако, не столь популярны» [2].

Л. П. Крысин приводит в исследовании пример склоняемого существительного «приватизация» популярного в 1990-х гг., на основе которого создано целое словообразовательное гнездо производных слов: реприватизация, приватизационный, приватизатор, приватизировать. Схожая картина с такими словами как ваучер, инвестиция, маркетинг, менеджмент и др.

Существует проблема толкования заимствованных слов. У носителей русского языка, особенно у представителей старшего поколения, часто возникает вопрос: что это обозначает? Можно ли слово заменить русским эквивалентом? Данная проблема объясняется глобализацией. Причины, по которым экономические и финансовые термины из английского языка заимствованы русским языком – результат влияния на российскую экономику распространённых на Западе методов экономического и финансового управления. Со второй половины XX века Россия всё больше делается открытой западным влияниям в разнообразных сферах – политике, торговле, культуре, СМИ, искусстве, кино, спорте, экономике, промышленности. Вместе с новыми понятиями к нам приходят новые слова и термины.

Например, слово «менеджмент» заимствовано из английского языка, где слово «management» означает «управление, заведование, руководство, правление, дирекция». Это слово вошло в русский язык совсем недавно, как единица финансово-экономической лексики. В словаре бизнес-терминов 2001 года дано следующее определение: «совокупность принципов, методов, средств и форм управления экономическим субъектом для улучшения эффективности его деятельности, снижения затрат и увеличения прибыли». Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова предлагает такое определение: «искусство управления интеллектуальными, финансовыми, материальными ресурсами» [4].

Среди заимствованной лексики значительное место занимают, так называемые экзотизмы, т.е. слова, называющие реалии жизни страны, где существуют определённые предметы, процессы, действия, чуждые стране, которая «заимствовала» реалию. При определённых обстоятельствах экзотизм может превратиться в слово, имеющее реалию, которая прививается в жизни носителей языка – реципиента. Например, слово префект, мэр, муниципалитет, парламент, спикер и др., которые до 90-х гг. XX века были в русском языке экзотизмами и характеризовали государственное устройство других стран. Экзотическое слово не только называет реалию, не известную носителям заимствующего языка, а несёт указание на специфику культурных особенностей менталитета. Использование такого слова в другом языке для обозначения соответствующего понятия транслирует культуру, адресуя трансляцию людям, которые не являются носителями этой культуры [1, с.74]. Модное сегодня слово «тьютор» имеет английское происхождение и обозначает домашнего наставника, опекуна (tutor «опекать, воспитывать»). Данное слово нельзя перевести на русский язык как воспитатель, опекун, такой перевод не будет адекватным, исчезнет указание на особенность английского домашнего образования. Данный пример показывает, что культурная специфика, передаваемая в значении слова, может характеризовать разные стороны жизни: быта, традиций, обычаев, политическое и социальное устройство общества, религии, жанры национального искусства и многое другое. Во всех случаях соответствующие слова, то или иное понятие помимо номинативной функции имеют ещё и культурную функцию и показывают специфическую черту понятия, связанную именно с национальной культурой.

Итак, формирование кросс-культур и их проявление в лексике как явление межкультурной коммуникации не только указывает на положительное влияние процессов глобализации на русский язык, но и на необходимость более глубокого изучения данного явления, отмечая положительное во взаимообогащении языков, при этом не забывая о самобытности национального языка. Однако это не должно уводить от борьбы лингвистов и активной части общественности за чистоту русского языка. Глобализация предполагает не только объединение наций, но и самостоятельное и самобытное их развитие.

Бурлакова И.И.
Влияние глобализации на русский язык
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 144-148.

Burlakova I.I.
The impact of globalization on the Russian
language
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 144-148.

Литература

1. Захарченко, Е.Н. и др. Новый словарь иностранных слов. – М.: Азбуковник, 2003.
2. Крысин, Л.П. Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии. – М.: Изд-во «Знак», 2008. – lib.rus.ec
3. Липатов А. Т., Русский язык на лингвокарте мира в условиях глобализации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2010, № 4 (2), с. 600–604.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] //http://www.slovarozhegova.ru (дата обращения: 10.06.2017).

The impact of globalization on the Russian language

Burlakova I.I.,

*doctor in pedagogy, professor, "Linguodidactics and Cross-cultural Communcation"
department, Faculty of Foreign Languages (Moscow, Russia)*

The post-industrial era has caused the entry of mankind in the era of globalization. The principle of Association is in this concept. Integration between countries and cultures has been increased. Generation of information society has been formed. All these processes have both positive and negative effects on existing languages. The formation of cross-cultures and their manifestation in the lexicon as a phenomenon of intercultural communication does not points to the positive impact of globalization on Russian language, but also the need for a deeper study of this phenomenon. However, this should not divert from the struggle of linguists and active part of the community for the purity of the Russian language.

Key Words: globalization, Russian language, English language, penetration.

References

1. Zaharchenko, E.N. i dr. *Novyj slovar' inostrannyh slov.* – M.: Azbukovnik, 2003.
2. Krysin, L.P. *Slovo v sovremennyh tekstah i slovaryah. Ocherki o russkoj leksike i leksikografii.* – M.: Izd-vo «Znak», 2008. – lib.rus.ec
3. Lipatov A. T., *Russkij yazyk na lingvokarte mira v usloviyah globalizacii* // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2010, № 4 (2), s. 600–604.
4. Ozhegov S.I. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Elektronnyj resurs] // <http://www.slovarozhegova.ru> (data obrashcheniya: 10.06.2017).

Пирожное Мадлен и нейрофизиологические основы памяти

Нестерова А.В.,

Студентка 4 курса филологического факультета Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия, penavas@mail.ru

В статье осуществляется попытка осмысления одного из самых известных эпизодов романа Марселя Пруста «В сторону Свана» с научной точки зрения – эпизода, посвященного процессу извлечения из глубин памяти героя пласта воспоминаний о жизни в Комбре, который был вызван вкусовым стимулом пирожного мадлен. Данный процесс рассматривается в психологическом и нейрофизиологическом аспекте, и феномен, описанный художником слова, обретает в этом ключе новые грани и позволяет заглянуть глубже в его природу.

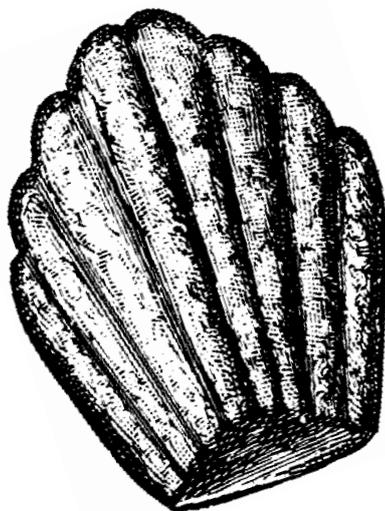
Ключевые слова: память, нейрофизиология, момент Пруста.

Для цитаты:

Нестерова А.В. Пирожное Мадлен и нейрофизиологические основы памяти [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №4. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Nesterova.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Nesterova A.V. Madeleine cake and neurophysiological basis of memory [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 4. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Nesterova.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Сцена - если ее в принципе можно так назвать, - открывающая глубины памяти благодаря вкусовому ощущению, является одним из самых впечатляющих эпизодов книги Марселя Пруста «В сторону Свана» из цикла «В поисках утраченного времени». Писатель удивительно достоверно и виртуозно описал один из сложнейших ментальных процессов – извлечение из недр прошлого целого пласта воспоминаний, спровоцированное небольшим внешним импульсом. Описание короткого промежутка времени между ощущением вкуса пирожного мадлен и травяного чая и возникновением в явной форме воспоминаний, этим ощущением вызванных, занимает в романе около пяти страниц. Роман пронизан подобными открытиями или, лучше сказать, художественными «фиксациями» различных ментальных и душевных явлений внутреннего мира человека, но меня заинтересовал именно этот отрывок, о котором дальше и пойдет речь.

Суть эпизода заключается в том, что давно забытое сочетание вкуса пирожного мадлен и травяного чая вызывает из глубины сознания героя воспоминания о детстве, проведенном в Комбре. Данный отрывок интересен и с художественной точки зрения, и с точки зрения природы процессов, в нем отраженных. Поражает образность описания и точность представления усилий героя вывести

в светлую область сознания дорогое ему воспоминание, еще не имеющее конкретных очертаний. От него веет неизмеримым счастьем, но его необходимо извлечь из толщи прошедших лет и увидеть вновь. «Несомненно, то, что трепещет так в глубине меня, должно быть образом, зрительным воспоминанием, которое, будучи связано с этим вкусом, пытается следовать за ним до поверхности моего сознания. Но оно бьется слишком далеко, слишком глухо; я едва воспринимаю бледный отблеск, в котором смешивается неуловимый водоворот быстро мелькающих цветов. <...> Достигнет ли до поверхности моего ясного сознания это воспоминание, это канувшее в прошлое мгновение, которое только что было разбужено, приведено в движение, возмущено в самой глубине моего существа притяжением тождественного мгновения?» [1, 54].

Обратимся к самому процессу, который с таким успехом описал Марсель Пруст.

Как выяснилось, этим явлением занимался не один специалист в области изучения мозга и мышления. Оно было названо «*моментом Пруста*» (или «*эффектом Пруста*») и не раз подвергалось исследованиям нейрофизиологов. Начнем с аспекта, наиболее приближенного к гуманитарному знанию. В психологии подобное событие можно отнести к такому понятию, как «инсайт» - внезапное озарение. Для инсайта характерно следующее: индивид, пытаясь отыскать решение определенной задачи, производит интенсивную умственную работу. Затем он осознает невозможность получения результата и оставляет попытки его достичь. И в момент, когда разум переключается на другой предмет или дает себе отдых, наступает внезапное озарение. Именно этот процесс описан в романе Пруста. Он сознательно прибегает к приему, который позволяет достичь озарения: «Но, чувствуя, что разум мой утомляется в бесплодных усилиях, я принуждаю его, напротив, делать как раз то, в чем я ему отказывал, то есть отвлечься, думать о чем-нибудь другом, оправиться перед совершением последней попытки» [1, 54]. После этого воспоминание приближается, но не всплывает на поверхность. И когда мозг делает десяток безуспешных попыток вызвать его, достигает максимального напряжения и герой решает отдать предпочтение раздумьям над обыденными вещами, воспоминание неожиданно предстает перед ним. Интересно, что данное понятие с подробным описанием явления было введено В. Келлером в 1925 году, а книга «В сторону Свана» была издана в 1913.

Теперь обратимся к научной стороне данного явления. Нужно отметить, что, несмотря на большой прорыв за последние годы в области исследований человеческого мышления и его связи с мозгом, многие вопросы остаются загадкой. Механизмы, обеспечивающие работу памяти, также еще до конца не изучены, так как новые открытия порождают целый ряд неразрешимых вопросов. Возвращаясь к вопросу о связи воспоминания с впечатлением интересно выяснить, почему именно вкусовое воздействие оказалось способным вызвать у героя столь мощное ощущение, связанное с далеким прошлым?

В этом плане стоит упомянуть о синестезии. При этом нейрологическом феномене раздражение в одной сенсорной системе ведет к непроизвольному отклику в другой, что характерно и для когнитивных систем. Это и происходит в эпизоде с пирожным мадлен – вкусовое ощущение вызывает мощный эмоциональный отклик и связано с визуальными, аудиальными и другими впечатлениями, образующими целостный комплекс. Из всех сенсорных областей наименее изученными с точки зрения когнитивных процессов являются вкус и особенно запахи. Кант отмечал субъективную природу последних в отличие от остальных чувственных ощущений. Запахи выделяются учеными в особую группу. С ними связаны интересные когнитивные процессы, и с некоторыми допущениями эти процессы

можно отнести и к вкусовому ощущению, открывшему целый мир воспоминаний Марселю. Следующие признаки, действительно, верны для восприятия большинством людей именно запахов. Однако перед нами герой, обладающий исключительной способностью глубоко воспринимать впечатления окружающей действительности, поэтому вкус – и особенно редкое вкусовое сочетание – вполне можно, на мой взгляд, рассматривать как ощущение, подобное запаху. Или, во всяком случае, допустимо провести параллель и обнаружить некоторые схожие признаки этих двух систем. Восприятие запахов характеризуется целостностью, и значение они приобретают через систему ассоциаций, которая во многом связана с эмоциональным состоянием. Память на запахи кардинально отличается от памяти на другие сенсорные стимулы такими чертами, как практически абсолютная независимость от времени – более того, запахи гораздо лучше помнятся по прошествии длительного периода, – от «знакомости» или «незнакомости» запаха, а также протеканием процессов, связанных с запоминанием запаха, на основе интеграции, а не анализа. Категоризации запахов не только очень трудны, но и нестабильны, так как неизбежно включены в разные контексты, личный опыт, состояния и ассоциации [5]. Повторимся, что это можно отнести и к необычному вкусовому сочетанию, связанному с эмоциональным впечатлением. Таким образом, процесс, описанный Марселем Прустом, имеет научное обоснование.

Но попробуем заглянуть глубже и понять, можно ли с нейрофизиологической точки зрения объяснить то, что уловил и вербализовал гений образа и слова? Одно из самых фундаментальных исследований описано в книге “Proust was a neuroscientist” («Пруст был нейроученым», автор - Jonah Lehrer) [6]. В ней цикл романов Пруста назван учебником для тех, кто изучает память, ведь писателю удалось интуитивно приблизиться к тем явлениям, которые наука только начинает осмысливать сейчас. Память – не совсем то, что о ней думает большинство людей. Это не подобие библиотеки, в которой хранится в неизменном виде однажды данная информация. Память – это всегда процессы, причем всегда новые, обеспечивающиеся миллионами разных клеток, которые тоже меняются. У нее есть одна важная особенность: нельзя дважды одинаково вспомнить одну и ту же вещь, так как процесс «вспоминания» всегда разный, ведь между ним и предыдущим «вспоминанием» жизнь уже шла и влияла на человека тем или иным образом. Это – современное нейрофизиологическое понимание памяти [6], и удивительно то, что именно в таком ракурсе рассматривает это явление Марсель Пруст.

Память обеспечивается соприкосновением отростков нейронов (в синапсах), и комбинации каждый раз варьируются. С фосфорилированием некоторых белков в ответ на их стимуляцию напрямую связана кратковременная память, и данный процесс приводит к изменению прочности синапсов. Событие забывается постепенно по мере выведения из оборота модифицированных белков, в случае, если оно не фиксируется в памяти долговременной. Из этого следует, что сам механизм долговременной памяти должен быть иным и основывается на такой модификации, которая способна сохраняться длительное время [3]. Нейрофизиологов заинтересовал следующий вопрос: что обеспечивает долговременную память и позволяет хранить информацию долгие годы, не сознавая ее, а затем в один момент вызывать к жизни сильным импульсом?

Попробуем кратко изложить суть ответа. Было предположено, что в области синапсов должна существовать особая структура, активизирующая «спящие» мРНК (РНК, содержащие информацию о первичной структуре белков), которые, в свою очередь, обеспечивают синтез определенных белков, необходимых для поддержания процессов памяти. Такая структура была обнаружена – ею оказался белок СРЕВ (cytoplasmic polyadenylation element binding protein), локализующийся на дендритах (коротких отростках нейронов) и также представленный в гиппокампе – области мозга, отвечающей за переход кратковременной памяти в долговременную, т. е. за ее консолидацию. Опыты подтвердили догадки ученых. Например, при блокировании СРЕВ у моллюска *Aplysia californica* (особенно часто

использующегося для изучения работы нейронов), его нейроны не могли вспомнить ничего. Следующим этапом стало обнаружение сходства СРЕВ с *прионами* – патогенными белками, провоцирующими многие заболевания, но при этом обладающими удивительными свойствами – например, исключительной продолжительностью существования, а также способностью кардинально менять свою структуру независимо от ДНК и переключаться, таким образом, из неактивного состояния в активное (что нарушает законы клеточного мира в принципе). Белки СРЕВ аналогично способны менять свою структуру, восстанавливая или стирая память. Под воздействием нейромедиаторов они переходят в активное состояние и оказываются способными «набрать» необходимую мРНК, которая отвечает за долговременную память. Ничего дополнительного не требуется – белок терпеливо ждет, когда вкус печенья спровоцирует поступление нейромедиаторов к нейронам, отвечающим за Комбре, и, если переломный момент достигается, СРЕВ активируется и запускает процесс восстановления воспоминания. В силу же того, что этот белок, как и прионы, способен нарушать стандартные для белков биологические законы, он не статичен, что и объясняет отчасти нестабильность воспоминаний и возможность вариации тех или иных смысловых оттенков [6]. Последнее заключение было сделано шведскими учеными и имеет свою доказательную базу, но мы уже не будем углубляться в подробности. Суть в том, что эта версия подтверждает видение Прустом механизмов памяти.

Конечно, вопросы о материальном устройстве работы сознания, мышления и памяти всегда будут оставаться спорными и выясненными не до конца даже среди специалистов самого высокого уровня. Природа и человек заключают в себе множество непостижимых загадок, особенно в области взаимодействия конкретных материальных структур с ментальными. В этой работе была сделана попытка осмыслить впечатляющий отрывок романа, посвященный воспоминанию, с научной точки зрения.

В заключение хотелось бы обратиться самому роману. Изучение свойств памяти с позиций физиологии и нейронаук, безусловно, интересно открывает новые грани в понимании текста. Но не перестает вызвать удивление то, что для осмысления этих сложнейших процессов действительно много открывает и произведение Пруста. Кажется необходимым привести мысли исследователя И. Гарина: «Пруст притязал на создание художественной теории памяти и познания, «не выстраиваемой прямо в логических терминах». Создавая роман о бесконечной сложности путей человеческого духа, он «схватывал» не детали, но «внутренний мир» <...> Его интересовали не столько разрозненные движения души, сколько функционирование психики, устройство психологической жизни, механизмов сознания. Он стремился увидеть то, что невидимо другими, что расположено глубже «картинок натуры». Высшая реальность – не отражение, но невидимое, глубоко сокрытое» [2]. Возможно, именно поэтому Марселю Прусту удалось в свое время проникнуть глубже в исследовании человеческого сознания, чем кому-либо из ученых, и интуитивно приблизиться к разгадке процессов, объяснение которых требует сегодня столь глубокого изучения природы памяти.

Литература

1. Пруст М. В сторону Свана : [роман] / Марсель Пруст; пер. с фр. А. А. Франковского. – Москва : АСТ : Астрель, 2010. – 509, [3] с.
2. Гарин И. Век Джойса [Электронный ресурс] / И.Гарин. – URL : <http://www.james-joyce.ru/articles/vek-joyce47.htm> (дата обращения – май 2017).
3. Кушниров В. Раскрыты молекулярные основы долговременной памяти [Электронный ресурс] / Виталий Кушниров // Интернет-газета «Элементы». – 2012. – URL: <http://elt-preview.host3.elementy.ru/LHC/news?discuss=431777&return=1> (дата обращения – май 2017).

Нестерова А.В.

Пирожное Мадлен и нейрофизиологические основы
памяти

Язык и текст langpsy.ru

2017. Том 4. № 4. С. 149-154.

Nesterova A.V.

Madeleine cake and neurophysiological
basis of memory

Language and Text langpsy.ru

4, pp. 149-154.

4. Черниговская Т. В. Нить Ариадны и пирожные Мадлен: нейронная сеть и сознание [Электронный ресурс] / Т. В.Черниговская / Интернет-журнал «В мире науки», 2012. – URL : <https://sciam.ru/articles/details/nit-ariadny-i-pirozhnye-madlen-nejronnaya-set-i-soznanie>;
<http://www.genlingnw.ru/Staff/Chernigo/publicat/Kapice.pdf> (дата обращения – май 2017).
5. Черниговская Т. В.Пирожное его окликнуло: семиотика запахов и память / Т. В. Черниговская // Мультиmodalная коммуникация: теоретические и эмпирические исследования. – Сб .статей под. ред. О.В. Фёдоровой. – Москва : Буки Веди, 2014.
6. Lehrer J. Proust was a neuroscientist / Jonah Lehrer. – Boston, New York : Houghton Mifflin Company, 2007 – 225 с.

Madeleine cake and neurophysiological basis of memory

Nesterova A.V.,

A fourth-year student of the philological faculty of the Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia, nenavas@mail.ru

The article attempts to understand one of the most famous episodes of Marcel Proust's novel "Toward Svan" from the scientific point of view, an episode devoted to the process of extracting memories of life in Combray from the depths of the memory of the hero, which was caused by the taste stimulus of the cake Madlen. This process is considered in the psychological and neurophysiological aspect, and the phenomenon described by the artist of the word acquires new facets in this key and allows one to look deeper into its nature.

Key Words: memory, neurophysiology, the moment of Proust.

References

1. Prust M. V storonu Svana: [roman] / Marsel' Prust; per. s fr. A. A. Frankovskogo. – Moskva : AST : Astrel', 2010. – 509, [3] s.
2. Garin I. Vek Dzhojsa [Elektronnyj resurs] / I.Garin. – URL: <http://www.james-joyce.ru/articles/vek-joyce47.htm> (data obrashcheniya – maj 2017).
3. Kushnirov V. Raskryty molekulyarnye osnovy dolgovremennoj pamyati [Elektronnyj resurs] / Vitalij Kushnirov // Internet-gazeta «Elementy». – 2012. – URL: <http://elt-preview.host3.elementy.ru/LHC/news?discuss=431777&return=1> (data obrashcheniya – maj 2017).
4. CHernigovskaya T. V. Nit' Ariadny i pirozhnye Madlen: nejronnaya set' i soznanie [Elektronnyj resurs] / T. V.CHernigovskaya / Internet-zhurnal «V mire nakuki», 2012. – URL: <https://sciam.ru/articles/details/nit-ariadny-i-pirozhnye-madlen-nejronnaya-set-i-soznanie>; <http://www.genlingnw.ru/Staff/Chernigo/publicat/Kapice.pdf> (data obrashcheniya – maj 2017).
5. CHernigovskaya T. V.Pirozhnoe ego okliknulo: semiotika zapahov i pamyat' / T. V. CHernigovskaya // Mul'timodal'naya kommunikaciya: teoreticheskie i empiricheskie issledovaniya. – Sb .statej pod. red. O.V. Fyodorovoj. – Moskva : Buki Vedi, 2014.
6. Lehrer J. Proust was a neuroscientist / Jonah Lehrer. – Boston, New York : Houghton Mifflin Company, 2007 – 225 c.

Дергачева И.В., Павлюк А.В.,
Первые Всероссийские чтения, посвященные
литературно-публицистическому наследию К.Б. Раша -
писателя, публициста, историка
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 155-161.

Dergacheva I.V., Pavlyuk A.V.,
The first All-Russian Forum dedicated to the
literary and journalistic heritage of K.B.
Rush - writer, publicist, historian
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 155-161.

Первые Всероссийские чтения, посвященные литературно-публицистическому наследию К.Б. Раша - писателя, публициста, историка

Дергачева И.В.,

*доктор филологических наук, профессор, декан факультета «Иностранные языки»
ФГБОУ ВО МГППУ (Москва, Россия) dergachevaiv@mgppu.ru*

Павлюк А.В.,

*магистрант факультета «Иностранные языки» ФГБОУ ВО МГППУ (Москва, Россия)
rav@mgppu.ru*

Статья посвящена биографии и наследию К. Раша – писателя и воина. Приводятся сведения о литературных трудах К.Раша, их значении для патриотического воспитания молодежи. В работе также освещаются Первые Всероссийские Рашевские чтения, их значение для русской литературы.

Ключевые слова: К. Раш, Первые Всероссийские Рашевские чтения, литературные труды К. Раша, биография К. Б. Раша.

Для цитаты:

Дергачева И.В., Павлюк А.В. Первые Всероссийские чтения, посвященные литературно-публицистическому наследию К.Б. Раша - писателя, публициста, историка [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №4. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Dergacheva_Pavlyuk.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Dergacheva I.V., Pavlyuk A.V., The first All-Russian Forum dedicated to the literary and journalistic heritage of K.B. Rush - writer, publicist, historian [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 4. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Dergacheva_Pavlyuk.shtml (Accessed dd.mm.yyyy)

Первые Всероссийские Рашевские чтения по вопросам литературно-публицистического наследия К. Б. Раша, организованные Общероссийским движением Поддержки Флота во взаимодействии с Министерством обороны России, с Главным Управлением по работе с личным составом Вооруженных Сил России и Военным Университетом, прошли 20 октября 2017 года в столице, в Военном Университете Министерства обороны России. Они

были посвящены осмыслению духовно-публицистического наследия выдающегося писателя, публициста, историка России, капитана 1 ранга Карема Багировича Раша (1936-2016 гг.), который подвижнически служил более 50 лет интересам Флота, Армии, офицерского корпуса, сохранению и развитию нравственных основ и профессиональных традиций воинства нашего Отечества.

В неизменно ярких, исторически глубоких и полемически острых литературных трудах К.Б. Раша интересно и значимо представлены - Флот, Сухопутные войска, РВСН, ВКС, ВДВ, железнодорожники, оборонно-промышленный комплекс, органы по работе с личным составом,

Дергачева И.В., Павлюк А.В.,
Первые Всероссийские чтения, посвященные
литературно-публицистическому наследию К.Б. Раша -
писателя, публициста, историка
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 155-161.

Dergacheva I.V., Pavlyuk A.V.,
The first All-Russian Forum dedicated to the
literary and journalistic heritage of K.B.
Rush - writer, publicist, historian
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 155-161.

наука, образование, казачество, пограничники, военная медицина и другие важнейшие темы. Тиражи печатных произведений государственной и военно-публицистической направленности К.Б. Раша в разные времена достигали нескольких миллионов экземпляров. Его и ранее, и сейчас читают на флотах, в округах, во многих регионах России.

На Первые Всероссийские Рашевские чтения были приглашены представители ВМФ России, Сухопутных войск, Воздушно-космических сил, РВСН, других структур Вооруженных Сил России, военных и гражданских вузов, Морского и Речного транспортного флота, Судостроительной промышленности, Морской пограничной береговой охраны, Рыбпромыслового флота, Морской науки, государственных органов власти, общественных объединений.

В Чтениях приняли активное участие писатели, публицисты, историки, учёные, журналисты, ветераны и молодёжь, приглашены представители из более 45 регионов России.

Инициативу по проведению Рашевских чтений активно поддержал Статс-секретарь - Заместитель Министра обороны России генерал армии Николай Александрович Панков.

Открыл Первые Всероссийские Рашевские чтения Михаил Петрович Ненашев — Председатель Общероссийского Движения Поддержки Флота, капитан 1 ранга, кандидат политических наук. В своем вступительном слове он не только описал личность выдающегося писателя и публициста, с которым был близко знаком, но и рассказал о важном значении Чтений, посвященных его памяти: *«Смыслом Рашевских чтений является привлечение широкого и качественного внимания к истории, публицистике, служащих действительным интересам нашего Отечества, и воздание должного подвижнической деятельности Карема Багировича Раша... В обществе, на Флоте, благодаря исследованиям К.Б. Раша, членов ДПФ в области отечественной истории, 20 октября 1696 г. стало известной датой - Днём начала создания регулярного Российского Флота. Глубоко-символично проведение Первых Рашевских чтений 20 октября 2018 г.»*. Продолжили выступление выдающиеся полководцы и писатели:

Шевцов Валерий Михайлович — Заместитель Начальника Военного университета Министерства обороны России, полковник, доктор философских наук, профессор; Рыбас Святослав Юрьевич — писатель, публицист; Колясников Андрей Иванович — Начальник отдела Главного управления по работе с личным составом Вооруженных Сил России, полковник; Васильев Иван Федорович — Адмирал, Заместитель Главнокомандующего ВМФ России: 1991-1999 гг., Советник Заместителя Министра обороны России; Могилевский Константин Ильич — Директор департамента Объединенной Судостроительной Корпорации; Мороз Николай Максимович — Заместитель Главнокомандующего РВСН и 12 Главного Управления Министерства обороны России по воспитательной работе: 1991-2002 гг., генерал-лейтенант; Кравченко Алексей Андреевич — Советник Заместителя Министра транспорта России - Руководителя Федерального агентства морского и речного транспорта; Пылаев Александр Юрьевич — журналист, капитан 2 ранга, г. Петербург; Раш Полина Каремовна — дочь К.Б. Раша; Галенин Борис Глебович — историк, писатель; Валуев Владимир Прокофьевич — Адмирал, Командующий Балтийским флотом России: 2001-2006 гг.; Сычева Лидия Андреевна — писатель; Яковлев Матвей Евгеньевич — студент 5 курса факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета; Задорожный Павел Филиппович — Верховный атаман Союза казаков России, член Совета при Президенте России по делам казачества; Луцишин Артур Васильевич — директор Московской городской школы № 1465 имени адмирала Н.Г. Кузнецова, кандидат исторических наук; Масыгин Владимир Павлович — доктор педагогических наук, профессор, доцент кафедры морально-психологического обеспечения Военного Университета, контр-адмирал;

Дергачева Ирина Владимировна — декан факультета иностранных языков Московского государственного психолого-педагогического университета, профессор; Воронцов Андрей

Дергачева И.В., Павлюк А.В.,
Первые Всероссийские чтения, посвященные
литературно-публицистическому наследию К.Б. Раша -
писателя, публициста, историка
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 155-161.

Dergacheva I.V., Pavlyuk A.V.,
The first All-Russian Forum dedicated to the
literary and journalistic heritage of K.B.
Rush - writer, publicist, historian
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 155-161.

Венедиктович — писатель, заведующий кафедрой литературы Московского института культуры, обозреватель «Литературной газеты»; Сержанин Вячеслав Михайлович — Командующий Морской Пограничной охраной: 2004-2006 гг., вице-адмирал, преподаватель Пограничной Академии ФСБ России; Дивакова Марина Владимировна — доцент Московской государственной академии водного транспорта — Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С.О. Макарова, кандидат филологических наук.

Карем Багирович Раш родился 2 января 1936 г. в нашем Отечестве, в курдском селе Акко, Армения, ушёл из жизни 24 июля 2016 г., похоронен в Москве, на Троекуровском кладбище.

Окончил Ленинградский Государственный Университет: учился на восточном факультете и факультете журналистики. По окончании университета по собственному желанию направился работать в Новосибирск. В Новосибирском Академгородке он стал публицистом по проблемам науки и объездил Сибирь, Восток России от Урала до Курил. Там же, в Академгородке К.Б. Раш основал в 1967 г. фехтовальный клуб «Виктория».

С 1977 г. в Москве, занимался литературной работой. Первые же повести «Приглашение к бою», «Лето на перешейке», «Кто сеет хлеб, тот сеет правду», «Сибиряки против СС» были удостоены литературных премий.

В 1989 г. вышла работа К. Раша «Армия и культура» в период наибольших общественных дискуссий о роли Вооруженных Сил. Министр обороны нашего государства поручил в течение месяца 1989 г. эту работу напечатать во всех армейских и флотских газетах округов и флотов. «Армию и культуру» Раша перепечатал Пентагон. Она имела широкий резонанс в странах НАТО. Зарубежные обозреватели назвали К. Раша «Идеолог Вооруженных Сил».

К.Б. Раш окончил в 1990 г. офицерские курсы «Выстрел» с присвоением звания капитан-лейтенант. К.Б. Раш был избран на общесоюзное офицерское собрание от Таманской гвардейской дивизии. В том же 1990 году Министр обороны за особые заслуги наградил К.Б. Раша именованным кортиком и присвоил звание капитан 1 ранга с правом ношения формы.

Его труды «Армия и культура», «Время офицеров» и многие другие произведения вызывали и вызывают самый широкий отклик не только в Вооруженных Силах нашей страны, но и во всём российском обществе, в других странах. К.Б. Раш, семнадцать лет, до ухода в мир иной, активно взаимодействовал с Общероссийским Движением Поддержки Флота, входил в Центральный Совет ДПФ.

К.Б. Раш в своих работах уделял большое внимание патриотическому воспитанию молодежи. Поэтому особенно приятно было слушать выступления представителей современного поколения, ибо они убедительно показали, что подвижническая деятельность К.Б. Раша не оставила их равнодушными.

Большой интерес вызвал доклад Матвея Евгеньевича Яковлева, студента 5 курса факультета истории, политологии и права МГОУ (научный руководитель А.В. Шмелева), в котором он подробно представил творческий путь К.Б. Раша как яркий пример для современной молодежи: «Когда мы произносим: «Военно-патриотическое воспитание», мы вкладываем в эти три слова, ставшие привычными с детства, любовь к родной армии и обществу. Ибо их противопоставление в любых странах считалось делом подстрекательским и преступным, а тем более это неприемлемо в стране с народной армией», – так написал Карем Багирович Раш в своей работе «Армия и культура», изданной в 1989 году, в тяжелое для нашего Отечества время. Можем ли мы сказать, что эти, как и многие другие слова Карема Багировича, сейчас, спустя почти тридцать лет, потеряли в актуальности? Как молодой ученый-историк и выпускник педагогического ВУЗа, я не могу говорить за всех, но в своих профессиональных сферах, науке и образовании, могу сказать с уверенностью – не можем». В те далекие для меня годы, еще до моего рождения, ему удалось увидеть подлинную роль армии

Дергачева И.В., Павлюк А.В.,
Первые Всероссийские чтения, посвященные
литературно-публицистическому наследию К.Б. Раша -
писателя, публициста, историка
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 155-161.

Dergacheva I.V., Pavlyuk A.V.,
The first All-Russian Forum dedicated to the
literary and journalistic heritage of K.B.
Rush - writer, publicist, historian
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 155-161.

в жизни общества и государства: «Армия — сила не только вооруженная, но прежде всего сила духовная и культурная, народная школа воспитания патриотов».

Нельзя назвать эту мысль новой. Еще Гомер писал, отвечая тем, кто искал для победы в войне божественных знамений, почти как многие экономисты в наши дни тонут в статистике и совершенно бесполезных подсчетах: «Знамение лучшее всех – за Отечество храбро сражаться». Но то, что мысль относится к числу не новаторских, а вечных, лишь подтверждает ее правильность. И в годы жесточайших испытаний превыше всех пророков будет тот, кто выскажет ее и защитит от нападков. Российская армия традиционно собирала в себе лучших людей, являлась одним из истоков русской культуры. Военными были Лермонтов, Толстой и Куприн, «военная проза» – одно из важнейших направлений советской литературы. Армия служила не только культуре, но и науке – Сергей Павлович Королёв, как известно, начинал и успешно вёл работу под крылом маршала Тухачевского, военными были наши космонавты. И в наши дни, когда вновь возрождается идея военно-патриотического воспитания молодежи, как никогда важно полностью понимать и сознавать эту громадную историческую роль, пронесенную сквозь волны критики антинародными силами, настоящим патриотом нашего Отечества, Каремом Багировичем Рашем. Как писал наш верховный главнокомандующий: «Современная Армия — это прежде всего грамотные, подготовленные люди, способные применять самые передовые системы вооружения. Специалисты, обладающие глубокими знаниями и высоким уровнем общего образования и культуры». Мы видим, что идея – жива. И по-настоящему актуальное и значимое дело состоит в том, чтобы связать ее с живой научной и образовательной практикой. Армия с ее традиционными добродетелями – дисциплиной, честью, духом товарищества, а главное – воспитанием людей дела – всегда была и остается примером для всего нашего общества и в первую очередь – для нашей молодежи. Осталось лишь правильно донести этот пример».

И.В. Дергачева в докладе «Тема жертвенной смерти в русской словесности» рассказала об истории и значении воинского Синодика в Отечественной истории. С XVI в. — XVII в. в приказах велись списки убитых в сражениях, и эти уникальные записи, сохранившие для нас имена рядовых воинов, дошли в форме синодиков, позволяющих уточнить некоторые вопросы личного состава и организации русского войска. Порой информация воинских синодиков уникальна и доносит до нас сведения из несохранившихся источников. К таким сведениям относятся списки воинов и жертв военных действий и бедствий. Источники по личному составу средневекового русского войска немногочисленны, это повышает ценность данных, содержащихся в синодиках. Особую ценность поминаниям придают надстрочные уточнения (фамилии, прозвища, статус).

Несколько лет назад на сайте Валаамского монастыря был открыт специальный почтовый адрес для писем о поминовении воинов Великой Отечественной войны. Пришло более четырех тысяч писем. В монастыре был составлен воинский синодик всех «Победы ради потрудившихся, на поле брани жизнь свою положивших, от ран и глада скончавшихся, в пленении и горьких работах невинно умученных и убиенных». В нем 14 087 имен. Это количество человек, равное одной воинской дивизии или нескольких полков. 14 087 имен – это, конечно, несоизмеримо с 27 миллионами пострадавших в годы Великой Отечественной войны, это всего лишь малая капля той страшной трагедии. Среди поминаемых есть имена защитников Москвы и Ленинграда, павших под Ржевом, скончавшихся в фашистских лагерях, пропавших в Курской битве и погибших в Берлине в майские дни 1945 года. По особому благословию игумена монастыря епископа Троицкого Панкратия синодик воинов Великой Отечественной войны полностью прочитывается в день Победы – 9 мая и в День памяти и скорби – 22 июня. Среди них и имена 36 воинов, умерших от ранений в годы Великой Отечественной войны и похороненных на острове. В течение нескольких лет архивная служба монастыря восстанавливала их имена. Это воины 168 стрелковой дивизии, сформированной

Дергачева И.В., Павлюк А.В.,
Первые Всероссийские чтения, посвященные
литературно-публицистическому наследию К.Б. Раша -
писателя, публициста, историка
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 155-161.

Dergacheva I.V., Pavlyuk A.V.,
The first All-Russian Forum dedicated to the
literary and journalistic heritage of K.B.
Rush - writer, publicist, historian
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 155-161.

осенью 1939 года в городе Череповце и носившей с момента создания неофициальное наименование «Бондаревская» по имени первого командира Героя Советского Союза Андрея Бондарева. Братия монастыря провела работы по возведению памятной стелы с именами захороненных бойцов дивизии. «В СССР ставилось множество памятников героям войны, их имена золотыми буквами вписаны в мировую историю, – отмечает игумен Валаамского монастыря епископ Троицкий Панкратий. – Однако многие так и остались неизвестными солдатами. Поэтому очень важно для всех нас сейчас вспомнить их поименно, молитвенно поблагодарить за ратный труд, ибо нет большего подвига, нет большей любви, чем положить «душу свою за други своя».

Во время Великой Отечественной войны в здании, где сейчас располагается факультет иностранных языков МГППУ, проходило формирование 21-й легко-артиллерийской бригады. Отсюда бригада начала свой боевой путь. Боевое крещение воинов состоялось в ожесточенных боях в районе города Жиздра Калужской области. По инициативе Совета Московской региональной организации ветеранов 35-й ракетной дивизии и его председателя Сергея Сергеевича Матвеева 4-го июля этого года от здания факультета иностранных языков МГППУ в Рублево ежегодно стартует двухдневный автопробег по местам боев 21-й и 18-й артиллерийских бригад, участвовавших в наступательной операции 16-й Армии Западного Фронта в 1943 году. В автопробеге принимают участие ветераны 35-й ракетной дивизии и представители факультета иностранных языков. Миронов Павел Евгеньевич, один из инициаторов проведения автопробега, рассказывает: *«В ходе исторических изысканий было выяснено, что вместе с 21-й легко-артиллерийской бригадой в п. Рублево формировалась и 18-я гаубичная артиллерийская бригада, преобразованная впоследствии в 479-й Померанский орденов Кутузова и Богдана Хмельницкого ракетный полк (первый полк 35-й ракетной дивизии, обе эти бригады входили в состав 6-й артиллерийской дивизии РГК, и воевали бок о бок, поддерживая друг друга...»*. В подготовке маршрута автопробега активное участие принимает Валерий Юрьевич Туманов, начальник штаба поискового отряда «Родник», проводящего поисковые работы в Жиздринском районе Калужской области. Он обратил наше внимание на то, что в боях за освобождение района от немецко-фашистской оккупации во время Великой Отечественной войны погибло более 25 000 человек. Полевые поисковые отряды работают на местах боев, разыскивая не захороненных бойцов, отдавших жизнь за мир на нашей земле. Валерий Юрьевич рассказал много интересного из истории освободительной операции, проходившей на местных высотах. Он также поведал нам, в чем состоит труд поисковиков и какое значение он имеет для воспитания молодежи. *«...Занимаюсь поисковой работой более 20 лет. Ищу советских солдат Великой Отечественной войны, (немцами не занимаюсь принципиально; мы их не звали). Успехи мои в поисковой работе достаточно скромные. Лично нашел не многих: больше взвода, но меньше роты. Есть поисковики, нашедшие батальон»*.

18.09.2017 на международной научной конференции «Кусковские Чтения –17» на факультете «Иностранные языки» ФГБОУ ВО МГППУ по инициативе Совета Московской региональной организации ветеранов 35-й ракетной дивизии и его председателя Сергея Сергеевича Матвеева состоялось торжественное открытие Комнаты воинской славы. Книга Памяти, в которую студенты и сотрудники факультета записывают подвиги своих родственников, доказывает, что дело К.Б. Раша по восстановлению исторической памяти и воинской доблести имеет достойных продолжателей и его вера в молодежь как продолжателя дела своих патриотических предков живет и побеждает.

Литература

1. Дергачева И.В. Древнерусский Синодик: исследования и тексты / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VI. М.: «Кругъ», 2011.

Дергачева И.В., Павлюк А.В.,
Первые Всероссийские чтения, посвященные
литературно-публицистическому наследию К.Б. Раша -
писателя, публициста, историка
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 155-161.

Dergacheva I.V., Pavlyuk A.V.,
The first All-Russian Forum dedicated to the
literary and journalistic heritage of K.B.
Rush - writer, publicist, historian
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 155-161.

2. Дергачева И.В. «Устроение души» как основная доминанта сознания авторов вкладных, данных и духовных [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2016. Том 3. № 3. С. 11–17. doi:10.17759/langt.2016030302
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Л.: «Наука», 1976. Т. 14.
4. Одоевский В.Ф. Русские ночи / Литературные памятники. М.:Л.: «Наука», 1975.
5. Северная лира на 1827 год. / Литературные памятники. М.: «Наука», 1984.
6. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4. Ч. 1. М.: «Лексика», 1996.
7. Scaramella P., Tenenti A., Aurigemma M.G., Ghirardo M., Merlo E.Z., Bilinbachova T. Humana Fragilitas. I temi della morte in Europa tra Duecento e Settecento / A cura di Alberto Tenenti. Clusone, 2000

The first All-Russian Forum dedicated to the literary and journalistic heritage of K.B. Rush - writer, publicist, historian

Dergacheva I.V.,

doctor of philology, professor, dean of the Faculty of Foreign Languages, MSUPE
dergachevaiv@mgppu.ru

Pavlyuk A.V.,

master degree student, Faculty of Foreign Languages, MSUPE
pav@mgppu.ru

The article is devoted to the biography and the literary heritage of K. Rush, a writer and a soldier. Information about the literary works of K. Rush and their importance for patriotic upbringing of the youth is presented. Coverage is also given to the First All-Russian Rush Forum and its importance for Russian literature.

Key Words: Rush K., First All-Russian Rush Forum, literary works by K. Rush, biography of K. Rush.

References

1. Dergacheva I.V. Drevnerusskij Sinodik: issledovaniya i teksty / Pamyatniki drevnerusskoj mysli: issledovaniya i teksty. Vyp. VI. M.: «Krug», 2011.
2. Dergacheva I.V. «Ustroenie dushi» kak osnovnaya dominanta soznaniya avtorov vkladnyh, dannyh i duhovnyh [Elektronnyj resurs] // Yazyk i tekst. 2016. Tom 3. № 3. pp. 11–17. doi:10.17759/langt.2016030302
3. Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij. L.: «Nauka», 1976. T. 14.
4. Odоеvskij V.F. Russkie nochi / Literaturnye pamyatniki. M.:L.: «Nauka», 1975.
5. Severnaya lira na 1827 god. / literaturnye pamyatniki. M.: «Nauka», 1984.
6. Tolstoj L.N. Sobranie sochinenij v vos'mi tomah. T. 4. CH. 1. M.: «Leksika», 1996.
7. Scaramella P., Tenenti A., Aurigemma M.G., Ghirardo M., Merlo E.Z., Bilinbachova T. Humana Fragilitas. I temi della morte in Europa tra Duecento e Settecento / A cura di Alberto Tenenti. Clusone, 2000